

С50

86.7
А-65

Аргументы 88

Исламские игры" против
Советского Союза
Три шага к масонам

В тисках религиозного обскурантизма
Диалог
Под знаком девы Марии - к 2000-му году
Религия гнева

Аргументы

1988

Москва
Издательство
политической
литературы
1988

ББК 86.3
А79

Аргументы. 1988.— М.: Политиздат, 1988.—
А 79 224 с.
ISBN 5—250—00060—6

Очередной выпуск ежегодника предлагает читателям тематически разнообразные материалы: религиозный вопрос в СССР с точек зрения западного советолога, церковного иерарха и советского ученого; суждения о теологии освобождения, услышанные непосредственно от ее приверженцев; что хотел сказать папа римский своей последней энцикликой? кто использует против СССР «исламские игры»? чего хотят иудейские ортодоксы? кто такие масоны в наше время? На эти и другие вопросы читатели получат квалифицированные и ясные ответы на страницах сборника «Аргументы. 1988».

А 040000000—160 73—88
079(02)—88

ББК 86.3

ISBN 5—250—00060—6

© ПОЛИТИЗДАТ, 1988

К читателю

Одна из особенностей нынешнего этапа человеческой истории — это, безусловно, необратимый процесс секуляризации общества. «Корнем зла» в прогрессирующем кризисе религии духовенство объявляет научно-материалистическое учение, марксистско-ленинский атеизм. Особенно на этом поприще процветает клерикальная пропаганда. Привлекательность идей коммунизма вызывает у клерикалов приступы неопишуемой ярости, злобной клеветы. В своих оголтелых кампаниях клерикальная пропаганда тесно смыкается с махroveйшими антикоммунистами. И каждый успех народов, идущих по пути социализма, становится для них своеобразным раздражителем, а все трудности и проблемы, недостатки в ходе строительства нового общества вызывают в их лагере всеобщее ликование. Под лозунгами «защиты религии»,

«спасения цивилизации от атеизма» скрываются конкретные политические цели. Суть их остается прежней — очернить социализм, подорвать его позиции путем оживления религиозно-националистических пережитков, создавая этим антисоциалистическую оппозицию. Меняются лишь формы и методы, более изощренными становятся приемы.

Следует отметить, что не всегда данные обстоятельства полностью учитываются организаторами атеистической работы в своей деятельности. А в отдельных случаях этому и вовсе не придается значения. Еще нередко среди части идеологического актива встречается недооценка возможностей клерикальной пропаганды, ее реального воздействия на советских людей, бытует мнение о том, что сама наша действительность вырабатывает стойкий иммунитет против идеологических

диверсий. И поэтому наша контр-пропаганда, мол, оказывает «медвежью услугу», вызывая интерес к враждебным источникам информации.

Подобные рассуждения утопичны и вредны. Эта позиция удобна, вероятно, для тех, кому присущи старые подходы и формы пропагандистской работы, для кого эта деятельность носила чисто формальный характер, так, для «галочки» в отчете. Эту позицию занимают и те, кто привык к монологу в аудитории, не считал нужным учитывать запросы и интересы людей. Сегодняшний день требует перевода всей агитационно-массовой работы, и особенно атеистической, на диалоговые, дискуссионные формы, обеспечивающие заинтересованный обмен мнениями. Ведь не зря говорится, что в споре рождается истина. К ней сам человек должен прийти, а не получать ее в готовом виде. И здесь особую роль играет пропагандист, агитатор, его информированность, умение аргументированно объяснять, убеж-

дать, а не навязывать определенную точку зрения.

Добрым помощником в этом, мы надеемся, станет наш ежегодник «Аргументы». При создании сборника мы в полной мере учитываем пожелания и предложения наших читателей.

Продолжая сложившуюся традицию, мы будем давать на страницах издания конкретные факты, раскрывающие связь религии и политики в капиталистических государствах и развивающихся странах, примеры, вскрывающие истинную суть идеологических диверсий различных клерикальных центров. В выпусках планируем приводить мнения известных западных ученых, религиозных деятелей, свидетельства зарубежной печати, комментарии советских исследователей, знакомить с опытом атеистической работы в братских социалистических странах.

Какие новые темы, актуальные проблемы нам следует освещать в следующих выпусках? Ждем ваших предложений.

Читайте в этом выпуске:

Под знаком девы Марии — к 2000 году — 11

Папские документы последних десятилетий подчеркнуто выдвигали на передний план социально-политические вопросы, они содержали конкретные установки для ориентации верующих в сложных общественных делах.

Две последние энциклики Иоанна Павла II — «Апостолы славян» и «Мать искупителя» — резко отличаются по тону от всех предыдущих документов. «Редемпторис матер», о которой и пойдет речь в предлагаемой статье, выдержана в строго библейской терминологии, папа апеллирует исключительно к священному писанию и другим авторитетам церкви. Что это — уход от животрепещущих проблем современности? Или, быть может, попытка найти иной путь к сердцам верующих для утверждения пропагандируемых Ватиканом ценностей? Ответы на эти вопросы и содержатся в статье кандидата исторических наук Р. Т. Рашковой.

Теология освобождения, родившаяся в конце 60-х годов в Латинской Америке, ознаменовала собой определенный поворот трудящихся-верующих к революционным идеям: «освобождение» для них — это ликвидация неоколониализма, уничтожение эксплуатации человека человеком, преодоление нищеты. Каковы тенденции развития этого движения, его политическая доктрина? В каких вопросах представители теологии освобождения находят единство с марксистами?

Читатель познакомится с суждениями по поводу теологии освобождения Фиделя Кастро и доминиканца брата Бетто, известного писателя-католика Грэма Грина, доминиканца из Франции Жана Кардонеля, колумбийского священника Марио Кальдерона в статье журналиста Александра Сабова.

«Диалог». Под таким общим названием журнал «Социологические исследования» (1987, № 4) опубликовал статьи доктора богословия, профессора, руководителя сектора советских и восточноевропейских исследований Канзасского университета (США) У. Флетчера, кандидата богословия, преподавателя Ленинградской духовной семинарии иеромонаха Иннокентия и доктора философских наук, профессора Института научного атеизма АОН при ЦК КПСС В. Н. Шердакова. Статьи посвящены анализу проблемы религиозности в нашей стране.

Редакция журнала любезно согласилась на опубликование этих материалов в нашем ежегоднике.

Итак, сколько же верующих в Советском Союзе?

«Исламские игры» против Советского Союза — 103

О сложных проблемах «исламского фактора» в современном мире, о набирающем силу исламском фундаментализме и его экстремистских организациях, в частности о «Братьях мусульманах», об использовании Западом этих организаций в подрывных целях против СССР и всех прогрессивных сил живо и ярко рассказывает на страницах нашего ежегодника доктор исторических наук И. П. Беляев.

Статья публикуется с некоторыми дополнениями и сокращениями по «Литературной газете» №№ 20 и 21 1987 г.

В тисках религиозного обскурантизма — 129

Как отмечают исследователи, примерно с 70-х годов в Израиле начала заметно расти роль раввината и иудейских клерикальных партий. Чем вызвано усиление иудейского клерикализма, какие новые тенденции обозначились с выходом на широкую общественную арену иудейских ортодоксов — об этом, пока еще мало освещаемом в нашей популярной литературе, явлении и рассказывает кандидат юридических наук И. В. Медведев.

Деятельность мasonicких организаций всегда была окутана тайной. В мире, так сказать, звучали лишь глухие отголоски мasonicких таинственных ритуалов.

В 1987 году, с 13 по 16 мая, в Париже проходил международный съезд «вольных каменщиков». Характерно то, что впервые Французская Республика официально оказала знаки внимания масонству.

Каково место масонства в системе буржуазной культуры, идеологии и политики, каковы его отношения с христианской церковью — об этих и других проблемах, связанных с масонством, рассказывает журналист Л. П. Замойский.

В прошлых выпусках нашего ежегодника мы рассказывали о том, как решается религиозный вопрос в Чехословацкой Социалистической Республике (Аргументы. 1986) и в Венгерской Народной Республике (Аргументы. 1987). О том, как осуществляются основные принципы вероисповедной политики в Польской Народной Республике, рассказывает на страницах нашего сборника директор Управления по делам вероисповеданий ПНР Гжегож Рыдлевски.

ОНИ О СЕБЕ — 195

Валеска фон Рок
«...Выше ногу, и будь
славен господь!» — 195

Ганс Вюлленвебер
«Это мнение
не соответствует
вероучению» — 206

Педро Парамо
Секты вызывают
тревогу в Испании — 210

ОТВЕЧАЕМ
НА ВОПРОСЫ
ЧИТАТЕЛЕЙ — 218

Все ли религиозные орга-
низации США принимают
сегодня участие в миро-
творческом движении!

Какую позицию занимают
католическая и протестант-
ская церкви в капиталисти-
ческих странах по пробле-
мам ядерного разоруже-
ния!

Р. Т. РАШКОВА

Под знаком девы Марии — к 2000 году

**(Об энциклике Иоанна Павла II
«Редemptoris матер»)**

«Послание папы Москве»¹ — так назвал свою статью о новой энциклике Иоанна Павла II обозреватель парижской газеты «Монд», с жесткой журналистской хваткой выявляя ее политический смысл. Конечно же это послание, как и всякий папский документ такого ранга, имеет гораздо более широкое значение. Энциклика была опубликована после того, как Иоанн Павел II объявил о намерении католической церкви провести марианский год в ознаменование 2000-летнего юбилея рождения девы Марии. Празднование марианского юбилея приурочено Ватиканом к празднованию 1000-летнего юбилея Русской православной церкви.

В преддверии третьего тысячелетия церковь призывает жить в ожидании нового пришествия, и марианский год должен насытить это ожидание реальностью. Остаток века должен быть наполнен «христианским ожиданием». В таком контексте новая энциклика папы выглядит настолько же религиозным, насколько политическим актом.

Вот уже тысячу лет звучит в католических храмах антифон² в честь девы Марии — «Alma Redemptoris Mater» («Благая мать искупителя»). Авторство его приписывается жившему в X — XI веках (ум. в 1054 г.)

Le Monde, 1987, 26.III.

Антифон — попеременное пение, исполняемое двумя хорами, которые отвечают друг другу.

аббату из Рейхенау Германусу Контрактусу. Начальные слова антифона использованы в названии энциклики «*Redemptoris Mater*» («Матерь искупителя»), посвященной, как говорится в подзаголовке, «роли девы Марии в жизни церкви в пути»¹. Новая энциклика как бы дополняет тринитарные (то есть посвященные трем лицам троицы) энциклики Иоанна Павла II. Первая из них была посвящена Иисусу Христу — «Искупителю человека» («*Redemptor Hominis*», 1979). Затем последовали энциклики, посвященные богу-отцу («*Dives in misericordia*», 1980) и святому духу («*Dominiam et vivificantem*», 1986).

Приверженность Иоанна Павла II марианскому культу хорошо известна. Избранный на папский престол, он впервые появляется перед верующими на балконе собора св. Петра 16 октября 1978 года с инициалом девы Марии на своем гербе; избранный им девиз — «*Totus tuus*» — «Весь твой» — подчеркивает безраздельную преданность папы «Матери искупителя». Во время своих многочисленных путешествий папа так настойчиво подчеркивает первостепенное значение марианского культа для церкви, что это вызывает недоумение и протесты. Однажды во время первого его визита в Соединенные Штаты монахиня бросила ему обвинение из толпы, не слишком ли он «марианский» папа? Старательно афишируемая приверженность Иоанна Павла II деве Марии зачастую вызывает растерянность, замешательство и страх среди ватиканских чиновников, связанных с дипломатическими кругами и экуменическим движением.

«Марианская» ориентация Иоанна Павла II имеет глубокие основания в католической традиции и служит не только религиозным, но и далеко идущим политическим и идеологическим задачам его понтификата.

Особое значение марианского культа и теологии в ка-

¹ L'Osservatore Romano, 1987, 26. III. (Цифры в скобках означают соответствующие параграфы этого документа.— Прим. авт.)

толицизме определяется потребностями оправдания иерархической структуры церкви.

В свое время Павел VI рассматривал учение о деве Марии как «синтез самой догмы церкви»¹.

Протестантский теолог Карл Барт видел в догме о деве Марии «центральную догму католицизма», связанную с важными идеологическими выводами для всей церкви. А. Казанова в книге о Втором Ватиканском соборе подчеркивает, что «мариология вовсе не простое благочестивое ответвление латинского фольклора, она неотделима от иерархической концепции (отношений между людьми и людей с богом), принятой в католической традиции высшим духовенством»².

Чтобы лучше понять значение догмы о деве Марии для церковной иерархии, обратимся к ее толкованию высшим представителем этой иерархии, папой, а именно папой Павлом VI. Выступая на III сессии Второго Ватиканского собора, Павел VI указал на связь между миссией девы Марии и миссией духовенства, «учрежденного господом как средство общения между богом и людьми». В его трактовке дева Мария выступает гарантом необходимости церковной иерархии. Если без пресвятой девы массы не смогли бы принять Христа, то без иерархизированного духовенства они не смогли бы понять божью волю (толкователем которой оно выступает). Христа дают человечеству и Мария, и церковь, но делают это различным способом. Мария породила Христа во плоти. Духовная иерархия порождает и формирует мистического Христа в душах верующих. И если высшее духовенство (то есть на уровне папы) приобщено к царствию небесному, то Мария — царица небесная. Вывод из этого рассуждения таков: «в отношении иерархии дева Мария есть царица апостолов». Вот почему

¹ L'Osservatore Romano, 1964, 15.III.

² Казанова А. Второй Ватиканский собор. М., 1973, с. 248.

папа и епископы, при всех усилиях модернизации, не только остаются приверженцами марианского культа, но и всячески стремятся его укрепить. Как мы видим, особенно много в этом отношении делает Иоанн Павел II, и энциклика о деве Марии выглядит как закономерный результат его постоянных усилий в этом направлении.

Есть и другие, не менее важные причины демонстративной преданности Иоанна Павла II марианскому культу. Они коренятся в представлениях верующих масс о роли девы Марии в небесной иерархии. На вершине небесной иерархии — бог, однако с ним поддерживаются отношения не прямые, а через святых благодаря посредничеству церкви, которая представляет их на земле. Дева Мария в этой иерархии предстает как самая надежная заступница. В глазах церковной иерархии и иерархии земной она — их наилучшая опора в умах и сердцах людей. Вот почему церковь всегда была заинтересована в возвеличении девы Марии. Католическая теология постепенно приравнивает ее положение к положению ее сына (с помощью догматов о непорочном зачатии девы Марии (1854), телесном ее вознесении на небо (1950), провозглашением ее «матерью церкви» на Втором Ватиканском соборе), возвышает ее над святыми, коронует и провозглашает «небесной царицей», широко внедряет ее культ, монашеские братства и движения ее имени.

Двадцать лет назад на Втором Ватиканском соборе разгорелись жаркие дебаты о деве Марии, в которых столкнулись «левые» и «правые». «Левые» исходили из того, что современный верующий, утверждая свое человеческое достоинство в религиозных категориях, признает свою зависимость от неба только в виде непосредственной связи с богом как братом человека. «Правые» исходили из того, что в современных условиях кризиса веры и обострения социальных противоречий умалять значение девы Марии — значит ставить под

вопрос существующий порядок вещей и традиционные христианские ценности.

А. Казанова приводит примечательное наблюдение Анри Феске, журналиста парижской «Монд», заметившего тогда, что «именно самые рьяные приверженцы культа девы Марии обременены политическими заботами»¹. Заботы эти состоят в том, чтобы оградить массы от влияния коммунизма, атеизма и упрочить «свободу церкви»². Авторитетный автор хроники Второго Ватиканского собора А. Ванже приводит свою беседу с кардиналом Вышинским, бывшим тогда примасом Польши, ярим сторонником великих почестей для девы Марии и ее возвеличения собором. Кардинал Вышинский был хорошо известен своей крайней приверженностью марианскому культу. Когда я у него спросил однажды, пишет А. Ванже, как он объясняет сопротивление церкви Польши коммунизму, тогда как в других социалистических странах их правительствам более или менее удалось затронуть своим влиянием позиции церкви, кардинал мне ответил: «Наша победа — это наша вера и наше доверие к Ченстоховской божьей матери»³. Вот почему, замечает А. Ванже, никого не удивило его выступление с требованием титула «Матери церкви» для девы Марии и всяких для нее прославлений. Но этого мало. Кардинал требовал посвятить весь мир «непорочному сердцу» девы Марии для его спасения. История Польши, говорил кардинал Вышинский, показывает, что мы пережили Реформацию и «несчастья нашего времени благодаря благочестивой преданности Марии»⁴.

«Ультра» и консерваторы требовали закрепления собором за девой Марией титулов «Матери церкви» и

¹ Le Monde, 1964, 18.IX.

² Казанова А. Второй Ватиканский собор, с. 251.

Wenger A. Vaticanum II. Chronique de la troisieme session. P., 1965, p. 99.

⁴ Ibidem.

«Посредницы» между Христом и верующими, издавна принятых в католицизме, всевозможного ее возвеличения и прославления, а также принятия специального документа о деве Марии. В конечном счете текст о деве Марии не был выделен, а включен в качестве последней, VIII главы соборной конституции о церкви. Это последнее место говорит о многом. Прежде всего о победе соборного большинства, не желавшего закрепления «правого» догматизма.

Текст о деве Марии открывает возможность экуменического сближения с протестантами. Возвеличивая Марию как богородицу, он сближает католическую и православную традиции. Что касается посредничества девы Марии, то оно было строго подчинено посредничеству Христа, однако сохранено, и «путь Марии» утверждается как единственный предпочтительный путь к богу.

Павел VI, объясняя причины, по которым он на соборе провозгласил деву Марию «Матерью церкви», указал на социально-политические тревоги, охватившие сегодня массы, и подчеркнул, что против всех зол, грозящих человечеству, «церковь предлагает в образе девы Марии примирительное решение, способное утвердить гармонию между классами и народами»¹.

В энциклике «Матерь испупителя» Иоанн Павел II постоянно обращается к VIII главе соборной конституции о церкви. Однако «мариология» Иоанна Павла II имеет солидную историю. Он начал ее разрабатывать уже в первой своей энциклике «Redemptor Hominis» («Испупитель человека», 1979). Показательно, что с самого начала он рассматривает свой понтификат в перспективе приближающегося 2000-летнего юбилея христианства. Энциклике «Redemptor Hominis» Иоанн Павел II придает юбилейный характер, напоминая, что в преддверии великого юбилея 2000 года церковь пере-

¹ La Documentation catholique, 1965, N 1446, col. 697—700.

живает «эпоху ожидания». Тогда папа как бы погрузился в гущу современной жизни, создавая апокалипсическое ее видение, чтобы предложить человечеству предотвратить этот апокалипсический сценарий на путях религиозно-нравственного совершенствования в христианском духе.

Папа показал тогда озабоченность церкви угрозами, нависшими над человечеством в результате отчуждения человека и развития материалистической цивилизации. В «Redemptor Hominis» Иоанн Павел II хотел указать церкви путь, который она должна пройти сегодня. Этот путь должен привести ее к обновленному отношению к Христу, своему господину и искупителю, но этот путь должен вести и к каждому человеку. Особенно папа подчеркивал мысль, что церкви необходимо продемонстрировать на современный лад, что она несет Христа в своем сердце и что сама она находится в сердце мира. Это ключ к пониманию его понтификата. «Если мы осознаем эту задачу, мы лучше поймем, что означает, что церковь есть Мать, и особенно, что означает, что церковь всегда, и особенно в наше время, нуждается в Матери» (п. 22). Сегодняшнее поколение последователей Христа, подчеркивал папа, в соответствии с древней традицией, должно быть привязано к деве Марии, при полном уважении и любви к другим христианским общинам (то есть не католическим).

В следующей «тринитарной» энциклике, посвященной богу-отцу, — «Dives in misericordia» Марии уже посвящен специальный параграф. В этом случае, как и в теологическом экскурсе о милосердии и справедливости, все начинается с «человеческого опыта». Никто не испытал так, как Мать Распятого, тайну креста, потрясающую встречу трансцендентной справедливости с любовью (п. 9). «Мария, таким образом, та, которая познала наиболее глубоко тайну божественного милосердия» (п. 9). Папа специально выделяет эти слова курсивом

в тексте. Ибо отсюда следуют важные выводы, идет ли речь о «божественной справедливости» и об «оправдании», или о том, как трудно человеку сегодня чувствовать себя объектом как божественной справедливости, так и божественной любви.

В «*Dominiam et vivificantem*», энциклике, посвященной святому духу, отношения между церковью и святым духом трактуются по аналогии отношений между словом — богом и телом, в котором оно было воплощено. Согласно такой аналогии Мария, Дева и Мать, является живой хранительницей бога. Церковь родилась, утверждает энциклика, в троицын день, когда дух святой был принят в «тело» учеников Христа, вновь соединенных в тайной вечере вместе с Марией для совместной молитвы. Но церковь была уже обрисована в общих чертах, в зародыше, когда тело Марии стало плодоносно от оживляющей энергии святого духа. Для церкви, таким образом, «оставаться верной тайне своего собственного рождения» (п. 66) означает оставаться единой с Марией в молитве: так же поступали ученики в первый день сошествия святого духа. Такое единство означает, что церковь и Мария живут одной и той же тайной.

Мария была приготовлена святым духом к рождению сына божьего, и с тех пор она всегда сотрудничает в рождении и воспитании новых поколений верующих. Церковь, созерцая ее «святость и подражая ей в милосердии, становится также Матерью» (п. 66).

В отличие от многих предыдущих папских документов, в которых на первый план подчеркнута выдвигалась социально-политическая проблематика и давалась соответствующая ориентация верующим, новая энциклика выдержана в сугубо библейской терминологии и постоянно обращается к авторитетам — священному писанию и VIII главе соборной конституции о церкви. Резкая перемена стиля последних папских документов (особенно отчетливо она была заметна в энциклике 1985 года

«Апостолы славян»), вероятно, объясняется тем, что осуждения социализма не имели успеха в широких католических кругах.

Ключом к пониманию Марии, подчеркивает Иоанн Павел II, является вера. В акте благовещения дева Мария полностью доверилась богу. На «дар бога» Мария ответила верой, ответила всем своим человеческим «я», женским «я» (п. 12.). Именно благодаря вере она стала Матерью сына божьего. Благословенны те, пишет папа, кто слушает слово бога и повинуется ему.

Текст антифона в честь девы Марии, давшего название энциклике, послужил своего рода канвой рассуждений Иоанна Павла II о ее роли в истории спасения на сегодняшнем отрезке истории. В антифоне деве Марии, пишет Иоанн Павел II, замечательна «истина великого поворота», заложенного в тайне воплощения бога в человеке. Слова антифона: «Помоги твоему народу, который пал, но страстно стремится возродиться!» — относятся ко всем людям и эпохам, подчеркивает Иоанн Павел II, но особенно в нашу эпоху люди нуждаются в повороте от «падения» к «возрождению» (п. 51). Человечество сделало чудесные открытия, соединило науку и технику, совершило большие дела на пути прогресса и цивилизации, а в последнее время ускорило ход истории; но фундаментальный поворот всегда сопровождает путь человека (п. 51).

Заканчивается энциклика фразой, которая выражает главную ее тему. «Она (церковь), действительно, видит... пресвятую мать бога в спасительной мистерии Христа и в своей собственной мистерии; видит ее глубоко в истории человечества, в вечном призвании человека, согласно провиденциальному предназначению бога... видит ее по-матерински присутствующей и участвующей в многочисленных и сложных проблемах, которые сегодня сопровождают жизнь отдельных людей, семей и наций; видит ее помощницей христианского народа в

беспрестанной борьбе между добром и злом, поскольку не позволяет себе падать или, совершив падения, возрождается» (п. 52).

Некоторые комментаторы видят в подчеркивании этой темы «падения» и «возрождения» сугубо личный мотив. В этом «падении» и «возрождении» почти зримо представляется «падение» папы во время покушения на него 13 мая 1981 года и его неожиданное «возрождение». Все это в конце концов стало ощущаться всеми, и в первую очередь самим папой, как событие, значение которого выходит за пределы простой полицейской хроники.

В Фатиме ¹ год спустя папа сказал, что видит во всем, что с ним случается («и я не устаю повторять это»), особое материнское покровительство мадонны ². И там же: «Преемник Петра представляется как свидетель почти апокалиптических угроз, которые нависли над нациями и над человечеством. Эти страдания он пытается охватить своим слабым человеческим сердцем, в то время как он поставлен перед лицом тайны сердца Матери, непорочного сердца Марии» ³. Но эти темы выходят далеко за пределы личного опыта. Необходимость поворота от «падения» к «возрождению» есть вызов всему историческому сознанию человечества, а именно вызов следовать по пути, не допускающему «падения», отхода от церкви и ее учения. Накануне третьего тысячелетия церковь обращается с призывом следовать по этому пути (п. 52).

Обращение Иоанна Павла II к деве Марии продиктовано прежде всего экуменическими заботами Ватикана. Восстановление видимого единства христианства, создание единого фронта всех христианских церквей

¹ Деревушка, вблизи которой якобы наблюдалось явление божьей матери в 1917 г. «Чудо» использовалось в антисоветских целях.

² *Vita e pensiero*, 1987, N 6, p. 405.

³ *Ibidem*.

требует преодоления доктринальных расхождений между католиками, протестантами и православными не только по вопросам церковной организации и руководства, но и по вопросу о роли девы Марии в деле христианского спасения.

Отмечая, что путь церкви в нашу эпоху отмечен экуменизмом, ибо христиане ищут пути установления единства, а разделение между ними характеризуется как скандал, Иоанн Павел II напоминает, что единство может быть основано только на вере. При этом подчеркивается, что не нужно поднимать доктринальные разногласия, ибо «дева Мария — наша общая мать, она молится за всю семью бога».

В преддверии 1000-летия крещения Руси Иоанн Павел II воздает хвалу «этой земле послушников, мыслителей и святых», а также Русской православной церкви, другим восточным церквям за литургическое почитание девы Марии, а также богатые и разнообразные иконографические традиции. «Особенно подчеркиваю,— пишет Иоанн Павел II в энциклике,— что марианский год совпадает с годом 1000-летия крещения Руси. В этот год мы должны объединиться со всеми теми, кто празднует 1000-летие, католическое и православное. И если до сих пор мы ощущаем мучительные последствия разделения, то перед девой Марией мы чувствуем себя подлинными братьями и сестрами» (п. 30). Дева Мария, настаивает папа,— это символ надежды для всех, кто «хочет углубить свое повиновение вере». Необходимость объединения западной и восточной традиций в христианстве Иоанн Павел II демонстрирует образом двух легких, которыми наконец-то в полную силу должна вздохнуть церковь. Показательно, что в единстве веры постоянно подчеркивается мотив «повиновения в вере своему господу». Иоанн Павел II представил деву Марию, и не только католикам, а всем христианам, как «икону неделимой церкви», подчеркивает популярный католический

журнал, издаваемый орденом иезуитов¹. Из поклонения деве Марии Иоанн Павел II создает сегодня «мост» к православию и всем восточным христианам.

Наблюдатели в Ватикане считают, что тем самым «папа как бы высказывает неодобрение «фатимистам», то есть тем, кто хотел бы использовать марианский культ в антисоветских целях»². Однако не стоит забывать о том, что в 1987 году широко отмечалось 70-летие «фатимского чуда», устраивались многотысячные паломничества, а в программу заключительных торжеств была включена молитва «за обращение России».

Другой адресат энциклики — протестанты, «отделившиеся братья». В отношениях с ними проблему составляет учение католицизма о посредничестве девы Марии между своим божественным сыном и церковью. Иоанн Павел II подчеркивает, что трактует этот вопрос, исходя из сути писания, чтобы снять всякую двусмысленность. Дева Мария трактуется как участница тайны спасения, как подчиненная; она благодарно присоединяется к искупителю. Ее посредничество — лишь материнское посредничество, в его основе лежит согласие девы Марии стать матерью Бога.

Однако для протестантов затруднение в диалоге с католиками состоит именно в том, что некое творение (в данном случае земная женщина) может приобщиться к благодати, быть причастным к посреднику между богом и людьми, каковым является Христос. Речь идет, таким образом, о трудностях между католиками и протестантами в вопросе об оправдании верой и о роли церкви в спасении. Превознося деву Марию, при всех других акцентах, эта энциклика отнюдь не снимает разногласий, но как бы привлекает внимание к этому вопросу, на почве которого может поддерживаться экуменический диалог.

¹ Actualité religieuse dans le monde, 1987, № 6.

² Le Monde, 1987, 26.III.

В перспективе приближающегося 2000-летия девы Марии Ватикан использует привлекательный для многих верующих мотив ее «посредничества» для укрепления своих позиций в массах. В энциклике Иоанна Павла II Мария рассматривается как персонаж, предшествовавший апостолам на пути веры, поэтому народы должны черпать в ее вере поддержку собственной вере.

Ключевым пунктом энциклики становится тема пути (путеводительства) Марии. Смысл новизны этого положения обнаружен кардиналом Ратцингером на церемонии представления энциклики прессе. «Думаю, что она (энциклика) была решением св. отца очень обдуманым,— заявил апостолический цензор папы.— В то время как мариология собора была ориентирована прежде всего на привилегии Мадонны и на ее титулы, данная энциклика не следует по этой линии, а... ищет прежде всего исторический момент и динамическую ценность для развития истории».

Тема «приоритета веры» Марии понадобилась ныне для того, чтобы поддержать тех, кто испытал «усталость верить» и познал «сумерки веры», по выражению Иоанна Павла II.

Создавая из девы Марии «образ надежды, которая не обманывает», церковь изобретает «путь Марии», путь веры как единственный путь объединения людей и решения всех сложных проблем, стоящих перед народами в конце нашего века.

Понтификат Иоанна Павла II совпадает с рядом важных юбилейных дат христианства. Духовным юбилеям отводится особая роль в широком идеологическом наступлении, предпринятом ныне Ватиканом. В перспективе приближающегося третьего тысячелетия предполагаются мероприятия, связанные с чествованием 2000-летия рождения Иисуса Христа. Этому юбилею предшествует такой же юбилей девы Марии. Свою энциклику, посвященную ей, Иоанн Павел II начинает с подчеркивания

важности «присутствия пресвятой матери в истории. Особенно накануне 2000 года», ввиду особого единства деви Марии с церковью, которую «Господь установил как свое тело»¹. Не случайно обнародование этого документа произошло в преддверии 1000-летия крещения Руси, как и объявление юбилейного для Русской православной церкви 1988 года «марианским годом». Все эти юбилеи Ватикан использует не только для оживления и углубления веры. В настоящей фазе своего пути, пишет Иоанн Павел II, церковь пытается вновь найти единство всех, кто исповедует одну и ту же веру в Христа, чтобы таким образом показать повиновение своему господу. В конце второго тысячелетия, подчеркивает папа, задача «церкви в пути» заключается в том, чтобы не отделять истину о божь-спасителе от манифестации своей предпочтительной любви к бедным и униженным, причем выбор в пользу бедных должен быть органически связан с христианским пониманием свободы и освобождения.

В связи с этим встает вопрос о дате рождения деви Марии. Иоанн Павел II признает, что невозможно установить точный хронологический момент, чтобы зафиксировать эту дату, но подчеркивает, что Мария появилась раньше Христа «на горизонте истории спасения» (п. 6).

В энциклике о деве Марии явно звучит постоянный мотив нынешнего понтификата — использовать внушительные юбилейные даты для укрепления влияния католицизма (и христианства в целом). Традиционные христианские ценности вновь и вновь предлагаются в тот момент, когда человечество напряженно ищет выход из тяжелого духовного и морального кризиса, глубоких социальных и политических конфликтов. За две тысячи лет история обнаружила земное происхождение ценностей, в мистифицированной форме отраженных в христианстве, и вместе с тем привела к осознанию необходимости утверждения общечеловеческих норм нравственности и соединения их с подлинно гуманистической политикой. Политикой в духе диалога, способной объединить всех людей доброй воли, верующих и неверующих, в их стремлении сохранить мир, защитить культурные ценности и передать их будущим поколениям.

Христианское понимание свободы и освобождения предельно ясно изложено Ватиканом в последние годы по крайней мере в двух важнейших документах, осуждающих теологию освобождения. Отнюдь не социальное и политическое освобождение народов имеет в виду церковь, когда говорит о свободе, а только лишь «освобождение от тяжести греха», в котором якобы заключена причина всех бед современного человечества. В конце нашего бурного века, отмеченного не только огромными достижениями во всех областях жизни, но и тяжелыми внутренними конфликтами и угрозой уничтожения цивилизации в огне термоядерной катастрофы, церковь предлагает рецепты 2000-летней давности — повиновение «божьей воле» по примеру девы Марии.

А. Д. САБОВ

Религия гнева

В зеркале заднего вида еще долго виднелась тающая вдаль человеческая фигурка, которую рюкзак на спине делал странно похожей на вопросительный знак. Это сходство даже усиливалось оттого, что человек с рюкзаком стоял с поднятой в прощальном жесте рукой.

Вот он уже совсем исчез из виду, и только тут я подумал, что его приветствие, возможно, предназначалось совсем не мне...

Мы расстались на развилке между Антибом и Монпелье — мой попутчик держал путь прямо, на Марсель. Следуя порядку договоренных встреч, я повернул к Грэму Грину — на Антиб. А зеркало заднего вида странным образом притягивало взгляд: не маячит ли в нем фигурка с поднятой рукой? Может, то был жест, предназначенный и не мне, и не людям, к которым я ехал, а другим машинам, летевшим прямо на юг? Как узнаешь теперь? Впрочем, по возвращении в Париж он обещал позвонить...

Описываемые ниже встречи состоялись у меня в сентябре 1986 года. В ту пору, впервые после многолетнего перерыва, Грэм Грин по приглашению Союза писателей СССР собирался в нашу страну, он согласился на интервью, поблагодарив за «царский подарок» к своему 82-летнему юбилею. Помимо гриновских романов в машине у меня лежала только что вышедшая во Франции книга «Фидель Кастро: беседы с братом Бетто». Об этой

книге мы и собирались поговорить со священником-доминиканцем Жаном Кардонелем из Монпелье, с которым у меня была договорена следующая после Грина встреча.

В путь! Но в день отправления из Парижа позвонили мои французские друзья и попросили «подкинуть одного знакомого на юг». Так рядом со мной оказался бородастый парень в джинсах, с заплечной котомкой, лет тридцати пяти. Познакомились. Мой попутчик оказался священником из Колумбии.

История Марио Кальдерона, бастующего иезуита

Впрочем, что удивляться священникам в джинсах, если иные церкви на обочине дороги напоминают застывшие крики архитектурных мод? Да и другое верно — в сутане, что ли, путешествовать ему по такой жаре? Оба мы достаточно изумлены неожиданностью встречи: надо же, чтобы на французских дорогах пересеклись пути латиноамериканского священника и советского корреспондента! Осторожно прощупываю у своего неожиданного попутчика, уж не сторонник ли он той самой теологии освобождения, которую в своих романах последних десятилетий защищает и Грэм Грин. «Сторонник, конечно!» Выясняется даже, что именно из-за осуждения Ватиканом теологии освобождения Марио временно воздержался от своего рукоположения в сан и уехал в Европу. «Это моя личная забастовка, понимаешь?» — добавил он. Марио первым предложил обращение на «ты» — я легко его принял.

— И что же ты делаешь в Париже? — любопытно я.

— Изучаю социологию и французский язык. Годичный курс, стипендия от французского государства. Закончил и вот собираюсь, немного побродив по Европе, ехать назад в Колумбию.

— А жил в Париже где, у кого?

— У своих. То есть у иезуитов.

Руль дернулся у меня в руках: вот так попутчика подсадили мне друзья!

— Орден иезуитов в Колумбии насчитывает примерно четыреста членов, из них теологию освобождения поддерживают около семидесяти. Ватикан за последние годы принял много документов с изложением своей позиции на этот счет: в них говорится о... приводятся цитаты из Канта... восхваляются буржуазные свободы... так что документы эти довольно-таки пусты и бесполезны, но все же в последнем из них открыто предать анафеме теологию освобождения, как раньше, Ватикан не решился.

— Ты имеешь в виду послание папы епископам Бразилии, где он наконец выразился примерно в том духе, что теология освобождения «своевременна, полезна и необходима»?

— Да, но все это после многолетних попыток осудить ее. Хотя в послании папы многое меня не удовлетворяет, все же надо сказать: это свидетельство перемен к лучшему. А для меня и первый сигнал, что пора прекращать «забастовку отсутствия», возвращаться домой для рукоположения в сан. Но есть и второе обстоятельство. Там у нас, в Боготе, сменился архиепископ. Прежний — Анибал Муньос Дукуэ — кардинал и по совместительству бригадный генерал — был непримиримым противником религии для бедных...

— А что, его наместник теологию освобождения разделяет?

— Архиепископ Марио Револло? Нет, конечно. Но он хотя бы носит один крест, без револьвера на боку.

— Скажи, отец Марио: ты читал книги такого писателя — Грэма Грина?

— Господи боже, да как же не читал? — иезуит без запинки перечислил шесть или семь названий и заявил, что всем книгам Грина предпочитает «Силу и славу» и «Почетного консула».

— Вот так же считает и сам Грин,— вспомнил я.— Больше того, в «Силе и славе» он с похвалой отзывается об иезуитах Латинской Америки. Скажи, вот я как раз к нему еду: какие бы ты задал ему вопросы? О чем? Что самое главное сейчас в проблемах вашего континента и как в их решении может участвовать религия, вера?

Грэм Грин, католик Старого и Нового Света

Католиком он стал в двадцать два года, когда истории шел 1926 год...

— В том году вы написали и издали — в подарок любимой девушке — книгу стихов. Но ваша избранница — католичка, и вы, уроженец протестантской Англии, решаете принять ее веру... Зачем? Лишь бы решить проблему, как вам пойти к венцу?

— Не только. Формально я был протестант, но о вере в ту пору думал так мало, что, пожалуй, справедливей отнести себя к пассивным атеистам. Католическая вера мне казалась чуть ближе к истине, чем протестантская, но в этом еще следовало убедиться, и лучше это было делать вдвоем. Но я был и остаюсь католиком-агностиком: я отношусь к вере рассудочно, а не эмоционально.

— Все это осталось бы сугубо личным делом, но, как вы сами пишете в мемуарах, в 1937 году пришел час ввести в ваши книги персонажей-католиков. Вы пишете роман «Брайтонский леденец», и критика открывает католического писателя Грэма Грина...

— Я всегда отвергал этот термин: между католическим писателем и писателем-католиком огромная разница. Я не пропагандирую веру, а исследую ее. Мое поколение не знало страшного разочарования, которое выпало нашим отцам в первой мировой войне. Напротив, нам выпало жить в эпоху, когда с 1919 по 1933 год в Европе царил, возможно, самый глубокий мир за всю ее

историю. 1933 год все перевернул, иллюзии кончились. Европа разгораживалась на враждующие лагеря. Великая Депрессия 30-х годов переросла в фашизм, вокруг нас готовилось огромное поле битвы, кладбище для миллионов. Вот тогда я и почувствовал необходимость сделать веру символом сопротивления.

— Веру католическую?

— А вот это уж не столь важно. Веру как таковую. Я сказал вам, что отношусь к вере рассудочно, считая ее чем-то иррациональным, что способно породить в человеке ощущение вины и желание ее преодолеть...

В 1938 году Грин, вернувшись из поездки по Мексике, сел за роман «Сила и слава».

Сила была на стороне того, кто отказался от веры и навел на нее ружье. «Довольно платить за молитвы, довольно давать деньги на строительство зданий, где возносятся молитвы. Вместо этого мы обеспечим людей пропитанием, научим их читать, дадим им книги. Мы позаботимся о том, чтобы они не страдали».

Слава же была суждена тому, кто утратил бога, но тем сильнее нуждался в вере. «И за этот мир умер Христос! Чем больше видишь вокруг себя зла, чем больше слышишь о нем, тем большей славой сияет эта смерть. Легко отдать жизнь за доброе, за прекрасное — за родной дом, за детей, за цивилизацию, но нужно быть богом, чтобы умереть за равнодушных, за безнравственных».

Сила и слава... Но антиклерикализму, впадшему в кровавый экстремизм, противостоит еще более грубая, равнодушная и безнравственная сила — клерикализм крестоносный. Впервые разглядев это в Мексике 30-х годов, Грин начал догадываться, что таково — увы! — состояние и современного мира. Бога никто никогда не видел, Иуда же обнаруживается во всем и везде. Так не приходится ли Иуду принять за единственное доказательство существования бога? Грин мог бы сказать о себе то,

что сказал о своем герое: «В самой сердцевине его собственной веры было убеждение в тайне — в том, что все мы созданы по образу и подобию божьему: бог — это и отец, но он же и полицейский, и преступник, и священник, и безумец, и судья».

Такой бог лишался... праведности.

Вся теология христианства за двадцать минувших веков, вся атеистическая литература, от раннехристианских авторов, были, по существу, исторической драмой с поиском первого действующего лица. «Разыскивается бог»... На сцене он не появляется — но есть ли он за сценой? Прозревшим слепцам трудней всего разглядеть слепоту зрячих, наверное, потому, что для них это противоестественно. Доказательство несуществования «на свете» не убеждает тех, кто верит в существование «на небесах». А других доказательств в пороховницах ни у теологов, ни у атеистов нет, по крайней мере по убеждению каждого о другом.

Что же вдруг изменилось? Откуда взялись «христо-марксисты» — термин, который, в зависимости от пера, аудитории, языка, звучит то совершенно серьезно, то с нескрываемым ядом? Полвека назад Грэм Грин в романе — не в теологическом труде! — написал, быть может, вещие слова: «Что такое господь, понять трудно. Слова обозначают лишь то, что мы познаем нашими чувствами».

Здесь совершенно иная, новая, а по тем временам и еретическая мерка: не бог, навязанный человеку «свыше», а бог — по выбору человека. Не тот, кого напрасно ждут и никогда не дождутся, а тот, кто живет в самом человеке, сливаясь с ним, как совесть сливается с исповедью. Споры о том, что же «за сценой», «на небесах», в этом случае попросту теряют смысл. Подстегнутый Мюнхенским соглашением, означавшим, что отныне Европа на всех парах покатила навстречу войне, тридцатичетырехлетний католик Грэм Грин в своем

«мексиканском романе» как бы переставил человека и бога местами. Вместо богоискательства он призвал к вероискательству.

Мог ли он знать, как в мире тех дней многие люди, подобно ему, лишились бога, чтобы обрести веру? И как умножит их ряды уже наступившая эпоха — с облаками дыма на горизонте, с клубами пыли из-под шагающих сапог? Тогда еще нельзя было этого прозреть, теперь же, оглядываясь назад, мы можем вполне оценить значимость вышедшей книги по двум обстоятельствам: колоссальный успех у читателя и немедленное проклятие римской курии. Ходатаями перед Ватиканом о наложении запрета на книгу выступили французские епископы, быть может, потому, что во Франции особенно восторженно встретили роман.

Грин смеется: это воспоминание — одно из самых любимых в его жизни:

— Через много лет Павел VI, с которым у меня установились очень близкие отношения, сказал мне на аудиенции, что «Сила и слава» входит в число его самых любимых книг. Тогда я напомнил о проклятии курии. Но оказалось, как ни странно, что за давностью лет папа об этом даже не знал! Оно тотчас было снято. На это понадобилось почти тридцать лет... Кстати, папа сказал, что некоторые мои книги всегда будут вызывать возражение у части католиков, но я не должен обращать на это внимания.

Все это произошло уже после Второго Ватиканского собора...

— Парадокс, но после войны, когда в Европе воцарился покой, вы как бы отвыкли жить в мире, — сказал я. — И словно специально стали разъезжать по всей земле в поисках «малых войн». Они-то и стали фоном большинства ваших новых книг. Взять 50-е годы: вы едете как корреспондент в Малайзию, на одну из забытых периферийных войн, затем четыре зимы проводите во Вьетнаме, пишете

о народном восстании против английских колонизаторов в Кении, едете в Бельгийское Конго... 60-е годы: Куба, Гаити, Парагвай... 70-е и 80-е: Чили, Панама, Никарагуа... Почему большой пожар в Европе привлек ваше перо меньше, чем периферийные очаги, вспыхивающие то тут, то там на земле?

— Потому что меня всегда тянуло в те страны, где сама политическая ситуация как бы разыгрывала карту между жизнью и смертью человека. «Маленькая политика» то и дело сменяющихся правительств — либеральных, консервативных, более или менее прогрессивных, каждое из которых что-то видоизменяет, хотя все они страшно похожи друг на друга,— меня не привлекала. Ни в жизни, ни в литературе. Привлекали переломы. Я находил их в Азии и в Африке, в Южной и Центральной Америке. И нахожу до сих пор...

Я не раз бывал в Антибе у Грина: он поселился на Лазурном берегу Франции по настоянию врачей. Но провел ли он на месте хотя бы половину из тех тридцати лет, что живет здесь? Дверь на балкон открыта, за ней плещется море, кажется, что Грин сидит в кресле не у себя дома, а на палубе, вот сейчас возьмет подзорную трубу... Но нет, сейчас он вглядывается не в берега на горизонте, а в саму историю...

— Человечество победило фашизм, это верно, но после его чудовищных преступлений мир глубоко, неузнаваемо изменился. Люди свыклись с мыслью о размерах зла и уже едва реагируют на сообщения о резне в лагерях Сабра и Шатила. Конечно, это зло всегда малó по сравнению с тем, которое человечеству причинил, находясь у власти, фашизм. Но природа жестокости и ее способность к разрастанию все те же: ничто не переменялось. Поэтому, мне кажется, очень важно помещать действие литературного произведения не в контекст прошлого, а в нашу эпоху, в наше время. В моих «периферийных» сюжетах на самом деле отражается европейская пробле-

матика — прошлая и будущая. Уж не говоря о том, что доктор Фишер свои ужины с бомбой проводит не где-нибудь, а именно в Европе наших дней...

Вот теперь пришел нам час перейти к вопросам моего дорожного спутника, иезуита.

Грэм Грин внимательно выслушал их и неожиданно заявил, что конечно же он моего попутчика знает. Но тут уж усомнился я: с какой бы стати это знакомство утаил Марио Кальдерон? Просто Грин, сам неумолимый путешественник, встречал великое множество «инакомыслящих католиков» на христианских перифериях мира.

— Итак, верите ли вы, что теология освобождения может нейтрализовать союз буржуазии и духовенства в Никарагуа, которые объединенным фронтом выступают против сандинистского правительства?

— В настоящее время, к сожалению, вопрос стоит скорее наоборот: это буржуазия и верное ей реакционное духовенство стремятся нейтрализовать теологию освобождения вместе с сандинистской революцией. Ведь сторонников этой теологии среди духовенства и прихожан пока явное меньшинство. Однако в вопросах веры, как учит вся ее история, важны не числа — важна истина. Числа меняются с той же скоростью, с какой истина распространяется по свету. Приведу такой факт. Известно, что крестовый поход против теологии освобождения и сандинистской революции возглавляет сам архиепископ Манагуа Мигель Обандо. За это Ватикан возложил на его голову кардинальскую митру, а Институт религии и демократии присудил медаль. Я только что из Никарагуа, люди там говорят: что такое Ватикан — знаем, а вот что это за институт, где он находится? Оказывается, в Вашингтоне! Это многим открыло глаза на вопрос, кому же служит официальная религия... Не мешало бы вспомнить, кстати, что в свое время архиепископ был полностью на стороне Сомосы и, только когда диктаторский режим зашатался, он начал его «осуждать».

— В буржуазной, и прежде всего американской, печати то и дело без устали проводят идею, что в Никарагуа отсутствуют политические права и свободы граждан, не соблюдается свобода вероисповедания. К какому выводу пришли лично вы в результате четырех поездок в эту страну?

— Это такая же чепуха, как утверждения Вашингтона, будто бы Никарагуа поставляет оружие в Сальвадор. Тамешние повстанцы сами отбивают оружие у правительственных войск, кстати, исключительно американского производства! Оригинальность никарагуанской революции состоит в том, что она следует трем принципам: смешанная экономика, политический плюрализм и неприсоединение. Задача перерастания революции в социалистическую не ставится, зато ее антикапиталистический характер подчеркивается постоянно. Достаточно сказать, что на выборах осенью 1984 года две трети никарагуанцев проголосовали за Сандинистский фронт национального освобождения. Никарагуанская демократия молода, тем не менее она уже продемонстрировала такое народное волеизъявление, которого не найдется во всей истории США.

— Как вы оцениваете последний документ Ватикана о теологии освобождения?

— Половинчатый. Уклончивый. И все же это шаг вперед: Ватикан вынужден признать не только факт распространения теологии освобождения, но и ее право на существование. Но при этом ключевые посты в католической церкви Латинской Америки остаются в руках противников теологии освобождения, а новые назначения из Ватикана проводятся в том же духе. И все же затормозить процесс обновления не удастся. Посмотрите, церковь в Чили поддержала правительство Альенде и, несмотря на смену архиепископов, поныне остается в оппозиции к режиму Пиночета. На прогрессивные позиции встала церковь Гаити. Архиепископ Сан-Сальвадора Ромеро был убит

реакцией за то, что активно примкнул к теологии освобождения. Самые конструктивные отношения с местной церковью сложились у правительства Кубы. Сегодня Никарагуа — это, помимо всего прочего, политико-религиозный фронт: вера справедливая, истинная сошлась в битве с вероисповеданием официальным, господствующим. Церковь в Никарагуа желали бы сделать символом идеологического сопротивления революции. Еще поэтому Ватикан спешит с осуждением политической деятельности священников, которые поддерживают революцию, зато молча поощряет тех, кто революцию отвергает. Но ведь это и есть политика!

— Что вы сами понимаете под теологией освобождения?

— Прежде всего идею равенства, стирания вопиющих социальных различий, преодоления нищеты, снятия неоколониального ошейника с народов, устранения диктатур... Я знаю или знал почти всех выдающихся людей Латинской Америки. Много раз бывал гостем Фиделя Кастро, Сальвадора Альенде, Омара Торрихоса, Даниэля Ортеги... Они все разные. Фидель — суровый реалист, это в нем главная черта. Альенде... его бы я сравнил с Че Геварой, этим Байроном XX века: преобладающая черта — романтизм. Торрихоса я без колебаний определяю как подлинного социалиста, чья эволюция пугала национальную реакцию и североамериканский империализм. Вот почему была подстроена авария президентского самолета! Империализму удалось уничтожить многих политических лидеров на континенте, но есть, как минимум, две причины считать, что все они — живые и погибшие — вышли или выйдут победителями из этой борьбы. Во-первых, континент продолжает бурлить, значит, «сыны Боливара» будут и впредь рождаться на свет. Во-вторых, произошла разительная перемена в настроении масс, что выразилось прежде всего в их тяге к революционной теологии освобождения. Это, кстати, не первый случай в истории, когда вера родилась из гнева...

— Но традиционная теология всегда утверждала, что вера — это любовь, даже к врагу, даже к угнетателю! Тогда как гнев...

— Я бы сказал по-другому: христианство и рождено именно гневом, но во имя любви. Всечеловеческой любви на началах равенства. Только потом эту религию очистили от гнева, а что до равенства, то его попросту перенесли из земной жизни в загробную. Что осталось на земле? Одна любовь, особенно к угнетателям, и, конечно, без взаимности. Это уже похоже на второе распятие, с которым я, христианин, примириться не могу. Я не верю в бога-отца, вторично пославшего сына божьего на жертвенное заклание. Но я верю в идею, за которую был распят сын человеческий, когда гвозди вгоняли в его живое тело, а не в размалеванный образ. Такая вера предполагает и любовь как милосердие, и любовь как гнев!

Интересно, думал я, слушая мудрого англичанина, а ведь в будущих энциклопедиях крылатых слов, в их разделах о религии, цитаты из его книг наверняка встанут рядом с первохристианскими критиками, атеистами Просвещения, марксистами. Куда ближе к ним теологи-бунтари, нежели принято думать! Не случайно, по мысли Энгельса, «в истории первоначального христианства имеются достойные внимания точки соприкосновения с современным рабочим движением»¹.

Да, земные, а не небесные заботы всегда были у человечества на первом месте. «Смерть еще не конец мучениям, вера в покой — это ересь». Грэм Грин написал эти слова полвека назад, когда в сердца христиан впервые с такой силой — небывалой в истории — постучалась тревога за всю земную цивилизацию, за весь человеческий род. Где-то тут и был исток...

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 467.

Фидель Кастро и брат Бетто: диалоги о вере

В селении Бيران, где в 1926 году родился главный герой книги, церкви не было. «По той простой причине,— скажет он почти шестьдесят лет спустя бразильскому доминиканцу брату Бетто,— что на Кубе, в отличие от Бразилии, Колумбии, Мексики, Перу или любой другой латиноамериканской страны... не было ни единой церкви, ни единого священника в сельской местности, где проживало 70 процентов населения! Церковь Кубы не была народной... Она была монополией класса богатых... Более того, значительную часть духовенства представляли иностранцы, в основном испанцы, отличавшиеся крайней привязанностью к правым, реакционным идеям, испанским националистическим идеям, в том числе франкистским».

Книга «Фидель и религия» (в Европе она вышла под названием «Фидель Кастро: беседы с братом Бетто») стала поистине бестселлером Латинской Америки. Только в Бразилии за два года она выдержала 19 изданий. «Два крупнейших в истории направления мысли и чувств человека — христианство и марксизм,— представляемые противниками прогресса как непримиримые антиподы, находят здесь новые и неожиданные пути к взаимопониманию»,— написал в предисловии к гаванскому изданию министр культуры Кубы, член ЦК КПК А. Харт. Книга помогает по-новому увидеть личность Фиделя Кастро — социальное происхождение, нравственное формирование, политическую эволюцию руководителя кубинской революции. Его собеседник брат Бетто (родился в 1944 г.) известен как участник левого католического движения, организатор низовых христианских общин в Бразилии, член Международной экуменической ассоциации теологов «третьего мира», автор 16 книг.

Брат Бетто. И никакие священники даже не приезжали в деревню?

Фидель Кастро. Да, один раз в году, чтобы крестить детей.

Брат Бетто. Ваша мать была крестьянкой?

Фидель Кастро. Да.

Брат Бетто. Кубинкой?

Фидель Кастро. Кубинской крестьянкой.

Брат Бетто. А ваш отец?

Фидель Кастро. И отец тоже. Это был очень бедный крестьянин из испанской провинции Галисия... Мать была глубоко верующим человеком. Добавлю, что читать и писать она научилась практически уже взрослой... Отец прибыл на Кубу в конце прошлого века, в разгар второй войны за независимость,— она вспыхнула в 1895 году,— совсем молоденьким солдатом в составе испанского экспедиционного корпуса. После войны он вернулся в Испанию. Но он полюбил Кубу и, как многие другие иммигранты, в начале века вернулся сюда. Без единого гроша в кармане, не имея никаких связей, он начал трудиться. То была эпоха больших инвестиций. Североамериканцы завладели лучшими землями, принялись вырубать леса, сажать сахарный тростник, строить сахарные заводы, на одном из которых и работал отец... Он сумел приобрести что-то около восьмисот гектаров земли... Земли отца были окружены владениями североамериканцев, тремя крупными сахарными плантациями от 120 000 до 200 000 гектаров каждая... Я сказал бы, что нам внушали своего рода третью религию (Фидель Кастро имеет в виду, что на острове существовали две официальные религии — католическая и протестантская.— А. С.): уважение и благодарность Соединенным Штатам...

Брат Бетто. В силу их близости и постоянного присутствия.

Фидель Кастро. «Это Соединенные Штаты предо-

ставили нам независимость. Они наши друзья. Они пришли нам на помощь. Они помогают нам». Вот что внушали все официальные учебники... Нам твердили: «Куба получила независимость 20 мая 1902 года». В этот день янки предоставили нам крайне относительную республику, предусмотрев в конституции положение, дававшее им право интервенции на Кубу... В наших школьных учебниках царила апологетика североамериканского образа жизни, она пронизывала и всю нашу литературу. А сегодня даже дети у нас знают, что это была всего лишь гигантская ложь...

Шести с половиной или семи лет («не помню точно и сам») Фидель Кастро был отдан в начальное учебное заведение, которому попечительствовал орден братьев христианских школ, затем, постарше, — в колледж, состоявший под надзором иезуитов. «Как частная школа, колледж был привилегией ничтожного меньшинства. В нем учились дети коммерсантов, землевладельцев, состоятельных людей. Сын рабочего не мог бы туда поступить...» Пройдет больше чем полвека, и словно бы в зеркале, повернутом в прошлое, Фидель увидит себя за партой рядом со сверстниками из аристократических родов. Он был всего лишь сыном — не внуком, не правнуком! — маленького землевладельца. Он происходил из семьи, где помнили, что такое голод, знали, что такое труд. И как величайшее счастье своей судьбы осознает он тот факт, что буржуазная культура, частнособственнический дух не затронули его психологии с детских лет, напротив, именно тогда, благодаря специфическому своему положению, и научился он различать не только резкие, контрастные светотени, но также тонкие, почти незаметные грани — между бедными и очень бедными, между состоятельными и небогатыми, между богатыми и очень богатыми. Когда позади уже будет университет, окончательно сложатся марксистские взгляды, будет ис-

пытано все, что надлежит испытать революционеру: вера и отчаяние, поражения и тюремные застенки, высота дружб, низость предательств, и когда наконец придет долгожданная победа, вот тогда-то, на этом, самом трудном, этапе революции — созидательном и проявится, сколь же точно совмещаются эмоциональный опыт с политическим убеждением.

Брат Бетто. Когда, на каком этапе революции, возникла напряженность в отношениях между государством и церковью?

Фидель Кастро. Она возникла в тот момент, когда революция начала наступление на частный привилегированный сектор... (До тех пор) церковные власти и революционное правительство поддерживали наилучшие официальные отношения. В этом смысле не существовало никаких проблем. Отношения немедленно осложнились, как только мы приняли первые революционные законы: жилищная реформа, аграрная реформа.

Брат Бетто. И проблема школы. Когда был принят закон о реформе школы?

Фидель Кастро. Не сразу... Сначала мы не ставили вопроса о национализации школ. Но конфликты, обострившиеся в ту пору, когда мы еще не успели создать новую общественную школу, заставили нас поторопиться с национализацией. Она коснулась прежде всего католических школ, где учились дети богатых семей, настроенных против революции, и которые поэтому оставались очагами контрреволюции. Но мы национализировали не только католические, а все частные школы, включая также протестантские и светские... Спустя двадцать шесть лет после революции мы сумели обеспечить даже наименее обеспеченные семьи лучшими школами, нежели те, которыми раньше располагали привиле-

гированные семьи. Это уже прямая заслуга социалистического общества и государства.

Но к реальному разрыву между революцией и самыми богатыми, привилегированными слоями, к разрыву с Соединенными Штатами и транснациональными компаниями привела аграрная реформа... Наш закон о максимальном землевладении не был таким уж радикальным, он устанавливал лимит в 400 гектаров... Иначе говоря, моя семья лишилась половины принадлежавших ей земель... В то время как народ понял, что правительство защищает его интересы, буржуазия, землевладельцы, обеспеченные слои общества встали в открытую оппозицию к революции, стремились превратить церковь в инструмент контрреволюции.

Проследим хронику разрозненных, но связанных логикой самой истории событий.

1961 год. Высадка антикубинских наемников на Пляя-Хирон (залив Свиной). Это акт открытой агрессии США против острова Свободы. В тот же день, выступая на митинге, Фидель Кастро впервые называет кубинскую революцию социалистической. Итак, для кубинцев речь идет о защите не только родины, но и социализма. И народ перед всем миром демонстрирует, что его выбор сделан бесповоротно. Но это уже не локальный конфликт — это конфликт полушарий. Вяжутся ли, вслед за наемниками, в безрассудную авантюру США, зная, что правое дело Кубы поддержит Советский Союз? За всю послевоенную историю это был момент самого драматического противостояния двух держав на весах войны и мира — казалось, еще одна необдуманно брошенная гирька, и... Однако победил разум: США дали гарантию ненападения на Кубу, СССР в ответ вывез с острова свои ракеты.

1962—1965 годы. Три года длился собор, вошедший в историю как Второй Ватиканский: его начал папа Иоанн XXIII, закончил папа Павел VI. Собор высказался за объединение церквей в интересах мира, за диалог христиан с верующими других религий, за поиск доверия между Западом и Востоком. Святая римская церковь впервые признала все церкви мира равными.

1968 год. Первая ассамблея латиноамериканских епископов в Меддельине (Колумбия). На ней выступил молодой теолог из Перу Густаво Гутьерес с докладом о «теологии развития». Уже потом, вслед своему докладу, он сказал: «Я вдруг понял, что библейски и богословски вернее было бы говорить о теологии освобождения». Так родился этот термин, услышанный сначала в Колумбии и Перу, затем, страна за страной, во всей Латинской Америке. Все яснее стал выкристаллизовываться его смысл: долг церкви не в обещании утешения в раю, а в деятельном преобразовании мира на земле.

1983 год, февраль. В ходе поездки по странам Латинской Америки папа Иоанн Павел II, прибыв в Никарагуа, публично сделал выговор министру образования сандинистского правительства священнику Фернандо Карденалью и велел ему сделать выбор между «политической» и «евангелической» деятельностью. «Мне тяжело это говорить,— заявил в ответ Карденаль, снявший с себя обет молчания,— но политика папы странным образом перекликается с агрессивной политикой Рейгана против Никарагуа. Этой мерой Ватикан пытается поставить вне закона сам революционный процесс». Священник-министр сделал свой выбор, Ватикан тоже: по личному настоянию папы Фернандо Карденаль был изгнан из ордена иезуитов.

Через месяц, в марте, кардинал Иосиф Ратцингер, глава ватиканской конгрегации по вопросам вероучения (наследница инквизиции!), направил перуанскому епископату требование публично осудить учение Густаво Гутье-

реса. Он обвиняется в «выборочном», «марксистском» прочтении Библии, искусственном противопоставлении «церкви бедных» и «церковной иерархии». Однако в рядах епископов единства нет, «единогласного осуждения» новой теологии достигнуть не удалось...

1984 год, сентябрь. Ватикан обнародует «Инструкцию о некоторых аспектах теологии освобождения». Симбиоз христианства и марксизма, утверждается в ней, невозможен, ибо в то время как христианство говорит о человеке, марксизм — о классах, в то время как первое понятие зиждется на взаимопонимании и любви, второе — на предпосылках классовой борьбы и ненависти...

Если вспомнить, что термин «теология освобождения» родился в 1968 году, а полемика между Ватиканом и латиноамериканским духовенством начала разгораться с 1982 года, легко увидеть, как быстро и радикально — всего за полтора десятка лет — идея революционной церкви овладела массами. Но с чего же началась эта полемика? 12 февраля 1982 года бразильский священник Леонардо Бофф представил в конгрегацию по вопросам вероучения копию своей книги «Церковь: божья благодать и власть». Среди ее положений отметим два, вызвавшие особую досаду у доктринеров церкви: «первородный грех» как первопричина зла и необходимости искупления заменен в ней выводом о «социальном грехе» угнетения человека человеком; «исторический Христос», по мысли Боффа, никогда не помышлял о создании иерархической церкви. Несмотря на запрет духовной инквизиции, автор выпустил книгу в свет. С ее выходом теология освобождения обрела законченную систему взглядов. И вот финал: 20 марта 1985 года Леонардо Бофф, ставший главой этого обновленческого процесса в церкви, вызван на «ватиканский ковер». Он первый еретик-неевропеец, представший перед римским судом. Решение: в течение года ему запрещаются публичные выступления и проповеди, впредь возбраняются любые публикации без одобрения

вышестоящих церковных инстанций. На более суровую меру Ватикан не отважился.

И не мудрено: ведь Латинская Америка сегодня — континент наибольшего распространения католицизма. Впервые в истории по числу верующих — свыше 400 миллионов — она опередила традиционный бастион католицизма, Европу. Не только прихожане, но и высший клир Латинской Америки открыто продемонстрировали свое несогласие с ватиканскими документами последних лет, осуждавшими теологию освобождения. И Рим уступил. В апреле 1986 года папа собственноручно направил Генеральной ассамблее бразильских епископов свое послание. «Поскольку ваша церковь без колебаний, отважно защищает справедливое и благородное дело прав человека, поддерживает смелые реформы в целях лучшего распределения ресурсов, в том числе земли, благ образования, здравоохранения, обеспечения жильем и т. д., она пользуется уважением и доверием широких групп бразильского общества...» Следует вывод: «Теология освобождения — мы в этом убеждены, мы и вы — не только своевременна, но полезна и необходима...»

Нетрудно увидеть, что признание сформулировано глухо, через силу, тем более что обвинения ватиканской конгрегации по вопросам вероучения в «опасном» сближении теологии освобождения с марксизмом так ведь и не отменены. Не уместна ли здесь параллель с толкованием одного из важнейших тезисов Второго Ватиканского собора — о равенстве всех церквей мира? Много раз публично подтвердив верность этому тезису, папа тем не менее оговорил, что истиной среди них владеет лишь... одна. Разумеется, католическая. Продлив подобную аналогию до логического конца, остается сделать вывод, что и в этой единственной церкви, знающей истину, владеет ею только одна, высшая инстанция.

Жан Кардонель, «блуждающий» доминиканец

Есть лица, над которыми как бы не властно время: чем больше морщин и седины, тем отчетливей на них печать детства. С первого взгляда вы принимаете ее за счастливую безмятежность ребенка, родившегося вторично, на сей раз стариком; и, только приглядевшись пристальней, догадываетесь, что перед вами человек с внутренней подсветкой и это она изменяет его возраст. Теперь, когда я знаю жизнь брата Томаса — в миру Жана Кардонеля, — мне ясен секрет обаяния, которым лучится его лицо: всю жизнь он искал бога и вот, похоже, нашел. Но какой ценой! Было все: и бунт, и ложные увлечения, и даже — о, грех искушения! — атеизм. Финал этих исканий, продолвшихся почти шестьдесят пять лет, Жан Кардонель изложил так:

— Надо же! Двадцать веков потратило человечество, чтобы открыть, что лучшим объектом его теологического самопознания является сама история. Христианство, да и большинство других религий, зиждется на дедуктивном способе мышления — от реального бога к земной исторической реальности, иначе говоря, от бога ко Христу, а уж от Христа и к человеку. Отсюда концепция всемогущего божества, перед которым ничтожен червь-человек, а дальше только и оставалось, что в неизменном виде всю эту схему спустить на землю, в человеческое общество. Нет! Теперь я иду от человека ко Христу, а уж от Христа и к богу...

— То есть индуктивный способ познания? — сообразил я.

— Именно! Это-то так глубоко и шокировало Рим в теологии освобождения: вместо вневременной, неизменной, неуловимой истины за точку отсчета берется историческая ситуация. И это приближает нас к одиннадцатому тезису Маркса о Фейербахе, помните? — философы до сих пор лишь объясняли мир, тогда как подлинная

задача состоит в том, чтобы его изменить... Я понимаю марксову мысль так: истинное познание — это не концептуальное, констатирующее, объективное знание, а знание преобразующее. Маркс впрямую смыкается тут с Евангелием от Иоанна, говорившего, что лишь тот, кто творит истину, придет к свету. Иначе говоря, истина не просто созерцательна, она прежде всего действительна. Это прямо противоположно философии греков, которые утверждали: лишь владеющий истиной способен творить. В такой перестановке понятий для оправдания своего права угнетать и нуждаются эксплуататорские классы. Искажив учение Христа, они тем самым еще раз его распяли...

— Так что же такое для вас бог?

— О! Я натерпелся от епископов немало зла за свои формулировки... И все же: для меня бог не какое-то там высшее существо, хозяин вселенной, физический персонаж, которого иногда можно даже увидеть. Я хочу найти бога в человеке, способном раскрыться в своей человечности до конца. Я всегда отвергал трансцендентальность, считая, что она сковывает человека. Это убеждение было во мне настолько сильно, что, поехав в Китай, я чуть не впал в имманентную философию... радикальную, да!.. но имманентную. Я был уже готов утверждать, что человек и есть бог человека... Пока не ужаснулся, что ведь это значило бы — человек во власти человека! Так я понял, что заблудился между политикой и верой. Политически я был гошист, маоист. Духовно я нуждался в боге, но не мог понять, где же он...

— Вы поехали в Китай после майских событий шестьдесят восьмого года?

— Да. Я же поневоле сделался одним из «отцов мая», с духовной, так сказать, стороны... «Движение 22 марта», слышали? С него ведь и стали назревать майские события во Франции. В этот день я прочел лекцию в самом большом зале Парижа, «Мютюалите». Всего я их прочел три на тему «Евангелие и революция» и первую посвятил

«революционному значению поста». В Париже не было архиепископа: прежний умер, нового еще не назначили. Это уменьшало риск наказания со стороны церковных властей... Итак, я привел слова пророка Исаии: «Вот пост, который Я избрал: разреши оковы неправды, развяжи узы ярма, и угнетенных отпусти на свободу, и расторгни всякое ярмо...» (58:6). Прочел и говорю перед доброй тысячей людей: но где же те оковы, которые нам предстоит разбить? Где те угнетенные, которым надлежит вернуть свободу? И сам отвечаю: всеобщая забастовка, вот что сегодня способно разбить механизм несправедливого строя, вот он, пост, в котором мы нуждаемся этой весной!.. О, что тут началось! Свист, крики: «Подлец! Лгун!» А я смотрю, перед трибуной вдруг появились готовые защитить меня молодые парни. Вот так я и оказался в гошистской фазе моей жизни... Знаете, свой политический выбор я сделал еще в юности, в дни Народного фронта: я отвергаю капитализм как эксплуататорский строй и твердо стою за социализм. Но — какими путями? Из Китая ведь я вернулся политически обезоруженным: какое уж там маоист!..

Он махнул рукой.

Мы сидим в шумном привокзальном кафе в Монпелье. Не парадокс ли? — думаю я, слушая отца Жана, — он, кому по сану надлежит быть духовником, чуть ли не публично исповедует сам! На первую в его жизни манифестацию, организованную коммунистами Марселя, где отец Жан был настоятелем доминиканцев, он явился без персонального приглашения, чтобы присоединить свой голос к протесту против казни супругов Розенберг в США. Потом протестовал против бунта оасовских генералов, против пыток алжирских патриотов. Его выслали из Франции. Он уехал в Бразилию, преподавал там теологию младшим братьям — доминиканцам. Нет, еще не теологию освобождения — ее французскую предтечу. Союз христиан и коммунистов сложился во Франции в годы

Сопrotивления. Из него после Освобождения и родился уникальный религиозный эксперимент: движение священников-рабочих. Они сменили храм на предприятие, сутану на комбинезон, чтобы до конца разделить участь самых страждущих из своих мирян — рабочих! Но тщетно было заступничество папского нунция в Париже Анджело Джузеппе Ронкалли! Ватикан объявил движение священников-рабочих схизмой, увидев в нем угрозу самому существованию клира. Лишь через полтора десятка лет, став папой Иоанном ХХIII, бывший парижский нунций благословит французских подвижников. Он уже не успеет узнать — «красный папа» умер до окончания Второго Ватиканского собора,— что от движения французских священников-рабочих протянется нить в Латинскую Америку, где впервые в мировой истории католическое духовенство включилось в революционные преобразования.

— Задолго до войны, еще Пий XI сказал свою знаменитую фразу: «Церковь потеряла рабочий класс». Я долго думал над ней и пришел к выводу, что это не так: церковь не потеряла рабочий класс — она его никогда и не имела. Не произойдет ли что-нибудь похожее в Латинской Америке, только в еще больших социальных масштабах, когда официальная церковь рискует вообще лишиться поддержки неимущих мирян? Разве случайно множатся там общины верующих, которые, подобно Кубе в прошлом, обходятся без храма, а порой и без священника? Случайно ли так широко распространено мнение, что у Че Гевары и Камилло Торреса, коммунистического священника, начавшего партизанскую войну против диктаторского режима в Колумбии, были «лица Христа»? И я, вслед за братом Бетто, могу лишь повторить: если для имущих бог один, для бедняков — другой, значит, мне безразлично, есть ли он вообще. Такой социальный деизм принять еще труднее, чем самый непостижимый догмат!

— Как бы вы вкратце прокомментировали книгу «Фидель Кастро: беседы с братом Бетто»?

— Эта книга — плод четырехдневного диалога ее авторов — сделана как раз в духе тех размышлений, что идут в общинах Латинской Америки. Я пробыл в Бразилии тринадцать месяцев, преподавая теологию в семинарии доминиканцев. Когда я уже уезжал, туда вступил брат Бетто. Этот человек в полном смысле слова христианин и марксист, он много пострадал за свои убеждения, подвергался пыткам в бразильских тюрьмах в годы военных диктатур. Он настоящий пропагандист теологии освобождения — не только книгами, но и примером собственной жизни. Да дело не только в личностях авторов книги. Дело в предмете разговора: Куба — первая страна в Западном полушарии, где теология освобождения реально воплотилась в практике сотрудничества социалистического государства и церкви.

...Доминиканцев трудно различить в толпе: одна традиция предписывает им носить белые одежды, другая повелевает сливаться с массой. Крест и тот не всегда на виду. Но есть одна верная примета: четки! Молитву с четками, обращенную к деве Марии с размышлением о жизни Христа, придумали доминиканцы. Их орден во Франции возродился в начале прошлого века как раз затем, чтобы способствовать примирению церкви с движениями, разбуженными Великой Французской революцией. Тогда, очевидно, четки имели один смысл — от церкви к революции, теперь, похоже, другой — от революции к церкви. Жан Кардонель, уж более четверти века назад приехав впервые в Бразилию, остолбенел, увидев на фронте деревенской церкви плакат: «Молитва с четками — подпорки для коммунизма!» Творчество местного латифундиста... Ему и его свите местный священник служил мессу в стенах храма. Остальные миряне располагались на ступеньках, не входя внутрь.

Жан Кардонель вынул четки...

Вот так он высадил свой первый корешок — корешок европейского происхождения — в вулканическую грядку на другом полушарии Земли.

Марио Кальдерон. Прощание с иезуитом

Обменялись адресами: он вскоре возвращался к себе в Боготу, я — домой, в Москву...

— Не знаю, может, и не получу свой старый приход назад. Это к югу от Боготы. Однако будем надеяться. Нас там было шесть священников, и все ушли в один день, протестуя против армейского террора, развязанного с благословения генерала-кардинала. Репрессии могли обрушиться и на нас, достаточно было того, что мы в своем приходе отметили день памяти Камилло Торреса. Была и другая причина, вынудившая меня воздержаться от второго официального обета. Ведь к тому времени я был уже священником, то есть дал публичный обет бедности, непорочности, послушания. Однако такой обет дается дважды и лишь после второго раза обретает силу. Теперь, когда во главе ордена стал голландец Ханс Кольфенбах — он знает страны Ближнего Востока, знаком с православием, человек прагматический, не похоже, что марионетка Ватикана,— я считаю себя готовым дать второй обет, чтобы служить ордену.

— Ордену или папе? Ведь со времен Игнатия Лойолы принцип послушания иезуиты толкуют как «послушание папе».

— Этот средневековый принцип наконец-то умер. Именно иезуиты являют сейчас пример свободного мышления о вере и отмечают тезис о непогрешимости папы, провозглашенный сто лет назад на Первом Ватиканском соборе. Не случайно Фидель говорит о «левых иезуитах», а Грэм Грин — об «иезуитах преследуемых». Я — живой тому пример: как католик и иезуит левых убеждений, подвергаюсь подозрению и слежке в своей стране. Папа римский больше не доверяет ордену иезуитов и былую его роль теперь возложил на новый орден — «Опус деи». С его помощью в Латинской Америке стремятся остановить распространение теологии освобожде-

ния. Иезуиты сегодня, в отличие от вековой традиции, стремятся установить широкие и открытые контакты вне церкви и внутри ее. В Колумбии мы организовали группу последователей Камилло Торреса «Священники — Латинской Америке». Это 350 базовых объединений, в том числе и объединений монахинь. Их цель — борьба за социальную справедливость. То, что мать Камилло Торреса по-сыновнему принял на Кубе Фидель Кастро, сильно подняло престиж нашего движения.

— Марио, ты веришь в бога? — неожиданно для себя спросил я.

— Конечно,— ответил он без запинки.— Только для меня бог не существует в облике бородатого старца в облаках. У северо-восточных колумбийских индейцев я позаимствовал метафору: божество — это горизонт, притягивающий к себе, заставляющий двигаться, идти все дальше и дальше.

Метафора за метафору: мне тут же вспомнилась фигурка с рюкзаком на спине, похожая на вопросительный знак, то ли мне машущая вслед, то ли — кому-нибудь другому, с кем ей по пути... И тут, право, нам всем стоит глянуть во все стороны: и вперед, и в боковые зеркала, и еще раз в зеркало заднего вида, назад, чтобы увидеть все горизонты, оба полушария.

Эпилог с попыткой кругового обзора

У гостей, собравшихся вечером в гостиничном номере, Грэм Грин спросил, что же ему завтра «такого сказать». Все мы бросились что-то советовать, проговорили за полночь, но в конце концов так и не родилось даже заурядной шпаргалки. Наутро Грин вышел на трибуну в Кремле, конечно без всякой бумажки, и сказал спокойно и коротко такое, о чем вчера не было никакого помину. Вот почти вся его речь, сказанная в феврале 1987 года, когда с участниками Московского международного фору-

ма «За безъядерный мир, за выживание человечества» встретился Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев:

«...На протяжении ста лет существовали подозрения и даже неприязнь между католической церковью и коммунистами. Маркс призывал к тому, чтобы были закрыты монастыри, поэтому продолжали оставаться подозрения. Я провел много лет в Латинской Америке и должен сказать, что там этих подозрений уже не остается. За исключением немногих католиков, которым столько же лет, сколько и мне, никто уже не испытывает эти подозрения. Католики сотрудничают с коммунистами. Мы боремся вместе с коммунистами против «эскадронов смерти» в Сальвадоре. Мы совместно боремся против «контрас» в Никарагуа. Мы вместе боремся против генерала Пиночета в Чили.

Не существует никаких разделений между католиками и коммунистами по этим вопросам. Членом сандинистского правительства является мой друг Томас Борхе. Он очень тесно сотрудничает с Карденалем, министром культуры, а также со священником, который занимается вопросами образования, с отцом Д'Эското, который является министром иностранных дел.

Мы занимались вопросами культуры, и мы сотрудничали — католики и коммунисты. И это сотрудничество будет расти и расширяться на Западе и на Востоке, в Европе.

У меня есть даже мечта, г-н Генеральный секретарь: возможно, однажды, до моей смерти, я узнаю о том, что посол Советского Союза дает добрые советы в Ватикане. Это все, что я могу сказать».

Выслушав эту по-оксфордски отточенную речь, я понял, какой же мыслью светились накануне голубые глаза Грэма Грина. Он еще не знал, какими именно словами, но уже знал, что именно скажет. И так же как никогда не говорит вперед о сюжетах своих будущих книг, он ничем

не выдал себя на этот раз. Он лишь удостоверился, слушая наш спор за столом: раз этой темы никто не коснулся, значит, она главная и есть.

В сентябре 1987 года священник из Монпелье Жан Кардонель в составе французской делегации «Инициатива-87» приехал в Москву. На встрече делегации с Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым взял слово и он. Вечером того же дня священник был у меня в гостях.

— Что побудило вас сказать в Кремле о мире как единой заботе коммунистов и христиан?

— Очевидная истина: только в мире, где не останется оружия, воцарится полнота прав человека. И отзыв Горбачева на мои слова: «Это интересно!» — я воспринял всем сердцем. Мне особенно близко то, что он постоянно подчеркивает этический аспект отношений между людьми, народами, странами. Слышите? Новое мышление высокой этики — вот что спасет мир от нравственной и военной деградации! И в эту новую систему координат совершенно необходимо вписать христианство, но только такое, которое будило бы не пассивную, а активную позицию людей.

— Вы все еще ищете бога, отец Жан?

— Его приходится искать всю жизнь. Слышали вы о письме, которое крестьяне Никарагуа прислали римскому папе? Вот что они написали: нас угнетают не атеисты, а куда хуже — идолопоклонники... И для меня противоположность вере — не атеизм, а идолопоклонство! Поклонение идолу денег, идолу капитала, идолу насилия, идолу эгоизма, идолу бомбы, идолу неуважения к правам человека... и еще многим другим идолам! Вы никогда не задумывались, почему в центре религиозной жизни в Латинской Америке оказалась именно теология освобождения, в то время как для церквей Европы и США

центральный и самый конфликтный вопрос — о войне и мире? За спиной у Европы — две мировых войны. Это ее вчерашняя реальность, которая не перестала маячить и сегодня. Вся ее культура пронизана поиском смысла и достоинства человеческой личности. Это — на фоне развитых производительных сил, поголовной или, во всяком случае, «средней» сытости. В Латинской Америке континентальных войн не было, только локальные. Ее реальность другая — это нищета, недоедание, политическая обезличенность масс. Тут теология не может обойтись только созерцанием проблем, она вынуждена звать на помощь социальные науки, включая марксизм¹. Мир един! Одна совокупность: ничего не вынуть, не забыть. Спорить о достоинстве человеческой личности рядом с бомбой, подготовленной к взрыву, — намного ли это лучше, чем мириться с полуголодным существованием миллионов людей? Скажу проще: теология освобождения так же касается каждого европейца, как и любого жителя «третьего мира» касается мир в Европе и над Атлантикой. Осознают они это или нет. Помните, я вам говорил в Монпелье, что только по прошествии двадцати веков христианского опыта человечество наконец догадалось, что лучшим объектом его теологического самопознания является его же собственная история? Я верю не в бога — самодержца истины, которую лишь церковная иерархия может донести до людей, а в человеческое братство как

¹ Один из главных представителей теологии освобождения в Бразилии, теоретик этого движения, францисканец отец Леонардо Бофф утверждает: «Маркс помог нам понять логику капитала и процесс эксплуатации. Бедняк не только беден, он нищ, угнетаем и лишен человеческого достоинства. Когда рабочие начинают осознавать это свое положение, для них как бы загораются огни тревоги, и они становятся способными к борьбе. Маркс показал нам значение экономики в структурном разделении общества». По мнению Л. Боффа, марксистская экономическая теория «позволяет понять некоторые политические формы организации и манипулирования правом, религией и ее вероучением».

источник их божественного воодушевления. Моя любовь к человеку признает его право на гнев и сопротивление, иначе она смиренна, бескрыла и унижительна. Любовь должна возвышать и творить человека, а не обманывать и угнетать, только такой любовью и можем быть связаны мы все: люди, нации, народы, страны. Вот что я имел в виду сказать в Кремле, будь у меня чуточку побольше времени...

Доминиканец светился, будто ему вдруг открылась вся красота мира, вся безбрежность его земных и небесных сфер. Кстати, даже не знаю точно, были ли у него при себе четки или нет. Все священнослужители, входившие во французскую делегацию «Инициатива-87», — а их набиралось на добрый автобус, — прежде чем тронуться в путь, непременно молились на день грядущий. Не знаю кто как, однако ничуть не сомневаюсь, что священник Жан Кардонель взглядом, мыслью, молитвой охватывал всю земную и человеческую безбрежность, и было бы в автобусе такое всеохватное зеркало панорамного вида, я бы это наверняка подсмотрел.

ДИАЛОГ

У. ФЛЕТЧЕР

Советские верующие

Флетчер Уильям — доктор богословия, профессор, руководитель сектора советских и восточноевропейских исследований Канзасского университета (США). Автор ряда монографий по социологии религии. Публикуемый ниже текст — дайджест книги «Советские верующие», которая была издана «Университи пресс оф Канзас» в 1981 г.

За последние пятнадцать лет советские ученые достигли определенных результатов в социологическом изучении религии, массовые опросы и разнообразные эксперименты дали богатый эмпирический материал. Тем не менее картину, возникающую на основе обобщения данных, накопленных советской социологией религии, нельзя признать всеобъемлющей и детально проработанной. Инструментарий обследований не свободен от недостатков, выводы далеко не всегда аргументированы. Однако социологическая информация о религиозной ситуации в СССР в любом случае полезна.

К сожалению, на Западе советские исследования не были оценены по достоинству. Подобное упущение тем более досадно, что советологи постоянно жалуются на отсутствие надежного эмпирического материала именно о сфере религиозной жизни в СССР. Разумеется, когда изучение религии основывается на умозрительных построениях, вероятность ошибок и произвольных толкований многократно возрастает. По существу, достоверной фак-

тологической базой специалисты до сих пор не обеспечены. Отсутствие объективности и одностороннее освещение действительности, а также проистекающие отсюда преднамеренные или непреднамеренные искажения, равно как и всевозможные смещения смысловых акцентов, встречаются на каждом шагу. Конечно, социология религии в СССР во многом еще незрелая исследовательская дисциплина, но если получаемые ею конкретные данные помогут специалистам изучить серьезные религиозные проблемы, то, несомненно, она заслуживает всяческого внимания, особенно при решении практических вопросов.

Социологическое изучение религии в СССР — молодая отрасль знания, и трудности, с которыми приходится здесь сталкиваться, весьма значительны. Речь идет не только об отсутствии глубокой исследовательской традиции в этой области, непроработанности ряда методологических вопросов и труднодоступности единиц наблюдения. Немало препятствий встречается на пути исследователю и в самой религиозной среде. Натянутые отношения между церковью и государством, а также сложности, порождаемые официальной политикой в сфере религии, ставят социолога в весьма непростые условия.

Видимо, поэтому так ограничен круг источников, с которыми приходится иметь дело социологу. Исследователь религии вынужден прибегать к умозрительной реконструкции событий даже в том случае, когда оперирует конкретными данными. Разумеется, оценочные суждения не отражают фактического положения дел. Более того, данные, которые редко отличаются абсолютной ясностью, могут интерпретироваться различными способами. До некоторой степени решение этой проблемы зависит от самого исследователя, и если хороший вкус у него сочетается с проницательностью, основанной на знании других подходов к изучению религии в СССР,

то он может сделать выводы, достаточно верно отражающие реальность. Но являются ли они окончательными?

Советская социология еще не решила центральный вопрос — о количестве верующих в стране. Проблема, кого считать верующим, относится к числу фундаментальных. И до тех пор, пока она не решена, научная значимость религиоведческих изысканий вызывает сомнения.

Так, например, утверждение о том, что религия распространена главным образом среди пожилых людей (среди 50—60-летних таких примерно половина), не лишено оснований. Однако было бы неправильным абсолютизировать подобные данные, не видеть за ними иные, не менее реальные тенденции. Речь идет об уровне религиозности молодого поколения советских граждан. Правда, эмпирически зафиксировать численность религиозно настроенной молодежи не всегда удается. Многие не склонны демонстрировать свои убеждения, обнаруживать их перед посторонними. Понятно, что в таком случае невозможно получить репрезентативные данные. С высокой долей вероятности следует утверждать противоположное: некоторой части молодежи присущи религиозность или, по крайней мере, отсутствие активного неверия. «Наблюдаемые» же верующие, повторяю, люди более пожилые, чем население в целом.

Данные советских исследователей убедительно свидетельствуют, что большинство верующих — женщины. Вполне возможно, что их в 3—4 раза больше, чем верующих мужчин.

Уровень образования верующих ниже, чем уровень образования в целом, хотя и не существенно. Многие верующие были лишены возможности получить высшее образование, и это, конечно, повлияло на их общий образовательный уровень. Вероятно, искренне и глубоко верующие в меньшей степени ориентированы на получение высшего образования.

Что касается рода деятельности, то 30—40% верую-

щих — это пенсионеры, домохозяйки, иждивенцы. Верующие, занятые на производстве, обычно выполняют неквалифицированную и малоквалифицированную работу. Трудовая дискриминация широко распространена: те, кто добился относительно высокого статуса, предпочитают благоразумно умалчивать о своих религиозных убеждениях, опасаясь санкций. Таким образом, статистические данные об уровне квалификации верующих в СССР оказались резко смещенными вниз.

До сих пор бастионом религиозности в стране остается сельская местность. Однако горожане, как правило, более последовательны и активны в вопросах веры. В их мировоззрении меньше колебаний, а религия занимает более важное место в их жизни. Отчасти это объясняется тем фактом, что церкви в городах более доступны населению, чем в деревнях. Анонимность городского образа жизни также играет свою роль в повышении религиозной активности. В деревне религиозное поведение человека быстрее привлечет внимание, чем в многолюдном городе. Наконец, верующие горожане, имея более высокий уровень образования и богатый социальный опыт, гораздо искушеннее в житейских делах, чем их сельские собратья.

Различия в жилищных условиях и в уровне жизни между верующими и неверующими практически не прослеживаются, хотя среди первых больше неквалифицированных, а стало быть, малообеспеченных работников. К тому же среди верующих много одиноких людей (вдовы, разведенные, холостяки) либо проживающих в многопоколенных и менее обеспеченных семьях.

Иначе складываются у верующих структура и содержание досуговой деятельности. Как правило, они намного реже других категорий населения читают газеты и журналы, не часто застанешь их в кинотеатрах. Тем не менее пресса и радио являются для них важным источником информации.

Существует множество свидетельств того, что религиозные люди отчуждены от общества. И хотя склонность ограничивать до минимума контакты с неверующими характерна для незначительного числа верующих, многие среди них не доверяют атеистам, задаваясь вопросом: а могут ли те вообще быть нравственными людьми? Известно, что большинство верующих положительно относится к прогрессу, однако степень их участия в общественной жизни значительно ниже, чем населения в целом. Правда, остается неясным вопрос о том, обусловлено ли отчуждение скрытой враждебностью к официально декларируемым ценностям или ориентацией на другие цели и нормы.

Подавляющее большинство верующих приобщилось к религии еще в детстве. Иными словами, активно участвующие в жизнедеятельности той или иной деноминации — это прежде всего выходцы из религиозной, а не из атеистической среды. Однако подобный вывод требует уточнений. Если приобщенные в детстве к вере затем по каким-либо причинам утратили ее, но вернулись в лоно церкви уже в зрелом возрасте, то все равно они должны быть зачислены в атеистическую или, по крайней мере, нерелигиозную среду, в которой они обретались до нового их обращения. Причем транслятором религиозного сознания служит обычно старшее поколение: религиозное воспитание передается от дедов к внукам, минуя среднее поколение. Во многом этому способствует распространенная практика привлекать бабушек и дедушек для присмотра за детьми, когда родители находятся на работе.

Там, где институционализируемая религия была когда-то ликвидирована, возникла ярко выраженная тенденция к синкретизму с языческими народными поверьями. Достаточно широкое распространение различного рода суеверия (гадания, вера в дурной глаз и т. п.) получили именно у той части верующих, которые не имели доступа к действующей церкви. Но фактом остается и то, что

подобные суеверия в такой же мере характерны и для неверующих.

И все же эмпирические данные, полученные советскими исследователями, не дают целостной социологической картины мировоззренческих ориентаций верующих. Многие выводы неожиданны с точки зрения традиционных представлений. В частности, вопреки бытующему мнению о противостоянии науки и религии большинство верующих не считает, что это две несовместимые ценностные системы. Правда, их знакомство с научными достижениями крайне поверхностно. Бог в представлении верующих, пожалуй, самая сложная проблема для советской социологии религии. Попытки разграничить эти представления не дали удовлетворительных результатов отчасти потому, что не учитывалась сложность самого феномена. Обычно верующие придерживаются нескольких представлений одновременно. Есть сведения, что вера в бессмертие души не является среди них общепринятой. Связь религии с нравственностью подтверждается всеми религиозно настроенными людьми. Ответы большинства верующих, опрошенных советскими исследователями, на вопрос о смысле жизни, как правило, не содержат религиозных мотивов. Они касаются скорее материальной, нравственной или семейной сфер жизнедеятельности. И конечно же не все верующие определяют счастье в религиозных категориях.

Гораздо более четкая картина складывается при рассмотрении религиозной практики. В традиционно православных районах чрезвычайно популярны иконы. Часто они стоят в домах независимо от того, считают себя хозяева верующими или нет. Если поблизости находится церковь, то многие верующие посещают ее регулярно, а часть — от случая к случаю. Когда в округе действующих храмов мало, может наблюдаться пересечение деноминационных границ. Правда, среди причин посещения многие называют нерелигиозные мотивы (например, потреб-

ность в эстетическом переживании или приверженность традициям).

Религиозные обряды соблюдаются даже неверующими. Это же относится и к праздникам. Так, немало атеистов (или номинально верующих) крестят своих детей. Напротив, венчание все чаще заменяет гражданская церемония. Строгое соблюдение поста скорее исключение. Наиболее живучим обрядом остались религиозные похороны.

Такова картина, которая возникла при взгляде на социологические исследования религии в СССР.

Несмотря на постоянное давление и дискриминацию, советский верующий не производит впечатления человека деморализованного или растерянного. Социологические данные свидетельствуют скорее о твердости и убежденности верующих.

В советских социологических исследованиях религии присутствует информация доверительного содержания: ответы на интимные, глубоко личностные вопросы. Социолог в СССР имеет уникальные возможности: ни в какой другой области представители научного атеизма не вступают в такой непосредственный контакт с верующими, как в социологии. Поэтому составленные здесь индивидуализированные портреты советских верующих отличаются достоверностью и исчерпывающей полнотой. Этот материал просто незаменим при анализе современной религиозной ситуации в СССР.

Возвращаясь к вопросу о численности верующих в стране, отметим, что советские исследователи не пришли к единому мнению относительно того, кого считать верующим. Попытки получить «поведенческие» критерии были неудачными. Большинство специалистов используют интуитивный подход при решении вопроса о том, принимает или отвергает человек существование сверхъестественного. Очевидно, такой подход чрезмерно упрощен: советские ученые признают, что множество

людей, рассматриваемых в качестве верующих, в действительности ими не являются. В то же время в типологию не вошел широкий круг лиц, которые, несмотря на глубокую религиозность, не разделяют традиционные сакральные представления.

Стремление получить более точный метод увеличивает трудности. В частности, возникает вопрос о промежуточных типах религиозности. Группа «колеблющихся» — это категория, которая включает в себя множество переходных типов в зависимости от степени выраженности исходного признака и целей исследовательского проекта. Часто она определяется как «колеблющиеся между верой и неверием». Однако если специалисты рассматривают «колеблющихся» как «колеблющихся верующих», то все представители этой группы должны быть включены в число верующих. К сожалению, об этом забывают и в общую сводку данных, полученных исследователем, заносят лишь процентные распределения «верующих» и «убежденных верующих».

Не меньше трудностей возникает и с категорией «безразличные», ведь большинство исследователей ее вообще не учитывает. Возможно, эта группа должна быть полностью исключена из совокупности верующих. Очевидно, использование категорий «колеблющиеся» и «безразличные» существенно меняет общую оценку числа верующих в СССР. Во всяком случае, при подсчете соотношения религиозных и нерелигиозных людей долю первых следует увеличивать.

Большинство советских социологов приводит весьма умеренные цифры верующих в стране — 15—20%. Насколько они реальны? Совершенно ясно, что нижний порог в 10% вообще следует отбросить ввиду его некорректности. Вместе с тем и максимум верующих (50% для районов, где проживает русское население) является маловероятным. Более правдоподобно выглядят цифры от 25 до 35%.

На первый взгляд подобная оценка кажется завышенной. Однако тщательный анализ убеждает, что более низкий процент получен, когда значительная масса людей, рассматриваемая как «колеблющиеся» и «колеблющиеся верующие», была исключена. Далее. Следует также учитывать и региональные различия (сравнительно низкие цифры для городов и высокие — для сельской местности). В ряде крупномасштабных исследований приводятся результаты выше 25%, а иногда и выше 35%. Так, в Пензенской области, где опросом было охвачено более 30 тыс. человек, 28,4% населения оказалось верующими, а в Воронежской области доля верующих составила 22,4% (к ним надо прибавить 27,8% «колеблющихся»). Таким образом, цифра, равная 30%, не кажется очень высокой.

Но это относится только к районам, население которых по преимуществу русское. Для страны в целом картина более дифференцирована. «Религиозность распространена по территории страны неравномерно. Она значительно выше в западных регионах Украины и Белоруссии, а также в Прибалтийских республиках, в Таджикистане, Узбекистане и в других местах, где ранее жители находились под влиянием мусульман. На территории Российской Федерации религиозность выше в Москве, Владимире, Ярославле... ниже на Урале и в Западной Сибири, еще ниже на Алтае и Дальнем Востоке»¹.

В настоящее время русские составляют примерно половину населения СССР. Весьма правдоподобна точка зрения, согласно которой 60% лиц, относящихся к другим национальностям, являются религиозными. Разумеется, абсолютной точности здесь достичь невозможно. Эта цифра может оказаться высокой для украинцев и белорусов, которые вместе составляют пятую часть населения

¹ Калашников М. Ф. Научный атеизм: вопросы методологии и социологии. Пермь, 1974, с. 23.

СССР. Благодаря общим этническим корням и культурной близости распределение религиозности в этих регионах примерно соответствует русской модели. Однако показатель религиозности может быть и выше, поскольку часть территорий этих республик была включена в состав СССР в ходе второй мировой войны¹. Кроме того, значительное число ныне действующих церквей сосредоточено на Украине, что также предполагает более высокий уровень религиозности, чем в России.

Однако для других районов 60% может быть нереально низким показателем. Так, среди мусульман, которые составляют почти 15% всего населения страны, религия и культура настолько тождественны, что было бы наивным предположить, будто какая-то часть населения осознанно нерелигиозна. Религия оказывает влияние на большинство населения этого региона. Советской социологической наукой сделано слишком мало в этих районах, чтобы в полной мере оценить распространенность там религии. Имеются, однако, данные относительно национального языка: 98,9% туркмен, 98,8% киргизов, 98,6% узбеков, 98,5% таджиков, 98,2% азербайджанцев, 98% казахов и 89,2% татар считают свой национальный язык родным. Знание разговорного русского языка среди этих народов колеблется от 62,5% (татары) до 14,5% (узбеки)². С одной стороны, религиозность тесно связана с национальной принадлежностью мусульман³, с другой — недостаточное знание русского языка фак-

¹ Так у автора. Советский Союз был втянут во вторую мировую войну намного позже присоединения к СССР территорий, которые имеет в виду У. Флетчер.— Прим. ред.

² См.: Балтанов Р. Г. Социологические проблемы в системе научно-атеистического воспитания. Казань, 1973, с. 211.

³ См.: Филимонов Э. Г. Социологические исследования процесса преодоления религии в сельской местности: итоги, проблемы, перспективы.— Вопросы научного атеизма. М., 1974, вып. 16, с. 71—88.

тически исключает людей из-под влияния атеизма¹. Следовательно, цифра 60% для верующих этих регионов вполне правомерна.

Что касается армян и грузин (вместе они составляют примерно 3% населения страны), религия и культура которых тесно связаны, то названная цифра может показаться даже заниженной. То же самое касается лиц еврейской национальности, для 15% которых иврит или идиш выступают родным языком. Мало известно о степени распространения религии среди коренных народов Сибири. Дело в том, что социологи многого не понимают в специфике шаманских обычаев. Исследования, проведенные среди марийцев и чечено-ингушей, свидетельствуют, что уровень их религиозности превосходит степень религиозности русских. Почти ничего не известно о степени распространения буддизма среди небольших по численности этнических групп в азиатской части СССР, поскольку институционализированные проявления этой религии были фактически ликвидированы в 30-е годы.

Для Прибалтийских республик 60% верующих — величина весьма приблизительная. Она несколько высока для Латвии и Эстонии, но, несомненно, низка для Литвы.

Таким образом, 60% для нерусской части населения при ближайшем рассмотрении не является цифрой необоснованно завышенной.

Суммируя две оценки — 30% для русских и 60% для остального населения, получим среднее число (45%) верующих в СССР. Эта величина может показаться высокой, но не для всех советских социологов она будет неожиданной. В. Д. Кобецкий, например (по его расчетам, она колеблется от 15 до 20%), замечает: «...за время Советской власти уровень религиозности снизился при-

¹ См.: Балтанов Р. Г. Социологические проблемы в системе научно-атеистического воспитания, с. 211—212.

мерно на 50%»¹. Далее он свою мысль не развивает. Однако если предположить, что 90% населения Российской империи было религиозным (в книге цитируется заявление А. Луначарского, что в конце 20-х годов, десятилетие спустя после официального провозглашения атеизма, 80% советских граждан были религиозными²), то окончательная оценка Кобецкого как раз будет соответствовать 45%.

Если проценты заменить абсолютным числом верующих, то результаты окажутся еще более удивительными. Советские ученые давно оспаривают западные оценки, согласно которым в стране насчитывается около 100 млн верующих: «Эта цифра в несколько раз превосходит реальное число верующих в СССР, о чем свидетельствуют результаты социологического исследования»³. Однако если 45% населения является религиозным, то в СССР должно быть около 115 млн верующих.

Это удивительно высокая оценка, гораздо выше тех, которые были выведены из западных источников (64 млн человек). Закономерен вывод: несмотря на энергичную атеистическую пропаганду, религия продолжает существовать. Более того, число верующих растет.

После весьма неполной переписи населения 1937 г., которая включала вопрос о вере, Е. Ярославский подсчитал, что треть городского и две трети сельского населения страны остаются религиозными. Американский социолог Н. С. Тимашев, опираясь на данные о степени урбанизации в те годы, сделал обобщение, что 56% населения является религиозным⁴. Если допустить, что численность населения тогда составляла 170 млн (хотя

¹ Кобецкий В. Д. Социологическое изучение религиозности и атеизма. Л., 1978, с. 90.

² См. там же, с. 21.

³ Балтанов Р. Г. Социологические проблемы в системе научно-атеистического воспитания, с. 6.

⁴ Timasheff N. Religion in Soviet Russia. N. Y., 1942.

эта цифра явно завышена), получим общее число верующих, равное 95 млн человек. Однако Ярославский утверждал, что верующих 80 млн, а всякие разговоры о более высоком показателе относятся к области слухов. По-видимому, цифра в 90 млн будет вполне разумным компромиссом.

Критерии для определения религиозности человека, использовавшиеся в переписи 1937 г., совпадают с теми, которые сегодня применяют советские социологи. Тогда задавался вопрос: «Являетесь Вы верующим или нет?» Поскольку в большинстве современных опросов конструируются такие же критерии, то результаты, полученные в 1937 и в последние годы, сравнимы. Очевидно, процент религиозного населения уменьшился с 56% в 1937 г. до 45% в настоящее время, а абсолютное число верующих в СССР фактически выросло с 90 до 115 млн человек.

Советская социология религии представляет собой несовершенный инструмент со множеством методологических пороков. Хотя случайные ошибки могли повлиять на подсчет данных, более вероятно, что исследователи склонны преуменьшать как число верующих, так и степень их религиозной активности.

Есть много свидетельств, что религия продолжает оставаться важным фактором духовной жизни советского общества. Видимо, более существенным, чем считают исследователи. Однако полагать, будто ее влияние радикальным образом возрастает и она станет доминирующим фактором жизни советского общества, значило бы выйти за рамки нынешних знаний о данном предмете.

Можно провести любопытную параллель. В Соединенных Штатах обозреватели были удивлены, даже ошеломлены возрождением евангелического протестантизма в 70-е годы нашего столетия. Многие комментаторы считали, что со времен «Обезьяньего процесса» он исчез. Однако при зрелом размышлении начинаешь понимать, что консервативная форма христианства вовсе не безжиз-

ненна. В течение двух поколений ей удалось сохранить приверженцев среди американцев, несмотря на быстрое развитие вначале промышленного, а затем и постиндустриального общества. Начиная с 1970 г., когда условия стали благоприятнее, протестантство распространилось особенно широко, оказывая огромное влияние на общественную и политическую жизнь США. Сегодня многие американцы говорят в связи с этим, что они «родились заново».

И хотя советские социологи считают, что религия — явление прошлого, что со времен Октябрьской революции она слабеет и отмирает, существует немало свидетельств обратного. В четырех поколениях она имела стойких последователей, несмотря на все препятствия. И когда условия становились благоприятными (годы войны или период «оттепели» 50-х), она быстро развивалась. Современные социологические исследования доказывают: религия ни в коей мере не исчезла, верующие в СССР есть и в ближайшем будущем они составят значительную часть населения.

Перевод с английского Н. А. Егорова

С. Н. ПАВЛОВ

О современном состоянии Русской православной церкви

Иеромонах Иннокентий (в миру Павлов Сергей Николаевич) — кандидат богословия, преподаватель Ленинградской духовной семинарии.

Эта статья мыслилась как отклик на книгу известного американского советолога-религиоведа Уильяма Флетчера «Советские верующие» (1981). Однако знакомство с указанным трудом, равно как и с работами советских религиоведов-социологов, на материалах которых построил свое исследование американский автор, заставило меня несколько выйти за рамки первоначального замысла. Причины тому следующие. Исследования советских религиоведов, а вслед за ними и книга Флетчера не рассматривают некоторые существенные стороны институциональной религиозности в СССР, которые особенно важны для характеристики такой крупнейшей религиозной общины нашей страны, какой является Русская православная церковь (далее — РПЦ). И еще. Американский исследователь для построения современной картины религиозности в СССР использует советскую литературу главным образом 60—70-х годов. Между тем ситуация с той поры изменилась. Поэтому уместно обратиться к работам советских авторов, оставшимся вне поля зрения У. Флетчера, а также поделиться собственными наблюдениями, география которых окажется несколько шире, чем та, что представлена в сочинениях,

служивших источниками для американского исследователя.

Поскольку предлагаемые читателям размышления являются откликом человека, наблюдающего социальное явление изнутри, а У. Флетчер видит его извне, то наша историко-социологическая характеристика будет простирается не на состояние религиозности в СССР вообще, а лишь на современное состояние РПЦ.

До революции, в течение девяти веков, христианство, воспринятое в традиции византийского православия, являлось господствующей религией в России. Его значение в формировании русской культуры и, что не менее важно, аксиологической ориентации народного сознания сейчас едва ли кто возьмется отрицать. Этим легко объясняется тот факт, что и в настоящее время РПЦ остается крупнейшим религиозным сообществом в СССР, включающим в себя большую часть религиозного населения страны. (Народы, для религиозной части которых принадлежность к РПЦ является традиционной, составляют около 74% населения СССР.)

В публикуемом выше фрагменте книги У. Флетчера характеристика религиозности в СССР дается по следующим показателям: 1) половозрастной состав верующих; 2) образование, принадлежность к социальным слоям; 3) сравнение состояния религиозности в городе и на селе; 4) верующий и окружающая среда; 5) пути усвоения веры; 6) религиозная практика; 7) статистическая характеристика религиозности в СССР.

Попробуем сначала и мы в соответствии с этим планом проследить состояние РПЦ в последние два с половиной десятилетия (именно на этот период распространяются личные наблюдения автора этих строк).

Так Флетчер утверждает, что среди пожилых людей в возрасте от 50 или даже 60 лет и старше по крайней мере половина — верующие, точнее, участвующие в религиозных мероприятиях. При этом большинство бого-

мольцев составляют женщины (примерно 3:1). Однако социологические исследования, проведенные в начале 70-х годов в Калужской области¹, результаты которых не попали в поле зрения американского автора, рисуют несколько иную картину. Так, среди городского населения религиозность выглядит следующим образом: 51—60 лет — 19%, 61—70 лет — 38%, 71 и более — 62%. Среди сельского населения соответственно — 37, 49 и 68%². Автору этих строк неоднократно приходилось бывать в храмах Калужской епархии, и приведенные данные в непосредственном наблюдении становились уже не «по крайней мере половиной», а подавляющим большинством (не менее $\frac{4}{5}$) богомольцев, относящихся к указанным возрастным группам. Что касается их деления по половому признаку, то здесь наблюдалось соотношение между женщинами и мужчинами примерно как 5:1. (По данным А. А. Лебедева, процент религиозности в Калужской области среди мужчин — 5% в городах и 6 — в сельской местности, среди женщин соответственно — 14 и 24.)³ В свою очередь, наблюдения 1981 года в храмах Калуги, Козельска и села Прыски дали несколько иную картину. Резкого сокращения числа богомольцев в дни праздничных и будничных богослужений, в сравнении с 1973 годом, обнаружено не было. Зато среди них стало несколько больше лиц среднего возраста и молодежи, причем в последней группе наблюдается примерный паритет в соотношении полов. И хотя отмеченная перемена не внесла резкого изменения в существовавшие половозрастные пропорции состава богослужебных собраний, все же она обнаружила тенденции, характерные для современного состояния РПЦ.

Но прежде чем мы их рассмотрим, следует сделать два замечания. Преобладание среди участников рядового

¹ См.: Лебедев А. А. Конкретные исследования в атеистической работе. М., 1976.

² См. там же, с. 43.

³ См. там же, с. 42.

богослужения лиц пожилого возраста и преимущественно женского пола в той или иной мере характерно для любой христианской конгрегации в современном секуляризованном мире. РПЦ в этом отношении не является исключением. В то же время указанное явление имеет в ней различные внешние показатели в зависимости от региона. Скажем, соотношение мужчин и женщин, детей и молодежи, лиц среднего и пожилого возраста, участвующих в богослужениях во Львовской области, будет иным, чем в Калужской. Причин этого мы коснемся ниже. Пока же отметим факт увеличения в последние 15—10 лет в составе участников богослужебных собраний лиц мужского пола, главным образом за счет представителей среднего поколения (31—40 и 41—50 лет) и молодежи, а также факт увеличения доли как указанных возрастных групп, так и группы лиц 51—60 лет в общем составе богомольцев. Правда, эта тенденция в региональном отношении проявляется по-разному. Так, на Дальнем Востоке, в Восточной и Центральной Сибири она более заметна, чем в Западной Сибири и на Урале. В городах центральных и северных районов РСФСР, в восточных областях Украины и в Прибалтике она проявляется сильнее, чем в сельской местности.

Вспоминаю великопостные службы (а они наиболее показательны в плане выявления религиозной активности верующих-православных) в московских храмах начала и середины 60-х годов. Море черных платков. Преобладают пожилые женщины (50—70 лет и старше). Мужчин немного. Лиц среднего возраста мало. Фигура молодого человека или девушки — редкость. Можно встретить несколько детей, приведенных бабушками, реже мамами. По свидетельствам моих коллег, в храмах Ленинграда в эти годы наблюдалась аналогичная картина.

Что же я вижу теперь в православных храмах Москвы и Ленинграда, где чаще, чем в иных местах нашей страны, мне приходится бывать?

Богомольцев в общем стало меньше. Во всяком случае, на праздничное богослужение в соборный храм теперь можно свободно войти. А во время рядового воскресного богослужения он заполняется в среднем на $\frac{3}{4}$ своей площади. В то же время заметно изменился состав богомольцев. Хотя по-прежнему преобладают пожилые женщины, значительно больше стало мужчин, главным образом за счет лиц среднего возраста и молодежи. Что же касается богомольцев указанных возрастных категорий, то их доля в общем количестве участников богослужебного собрания значительно увеличилась, при этом о молодежи (18—30 лет) можно говорить как о заметной группе. Значительно возросло количество участвующих в богослужебном собрании детей.

Рассмотрение первого пункта даваемой У. Флетчером характеристики состояния религиозности в СССР позволило нам увидеть лишь внешнюю сторону явления. Второй же пункт позволит нам заглянуть внутрь связанных с этим социальных процессов.

Так, вслед за советскими авторами, писавшими в 60-е и в начале 70-х годов, Флетчер утверждает, что уровень образования верующих несколько ниже среднего уровня образования населения, делая затем уже от себя замечание — «хотя и несущественно». Далее американский исследователь дает свое объяснение сведениям, взятым из советских источников: «Многие верующие были лишены возможности получить высшее образование, и это, конечно, повлияло на их общий образовательный уровень».

Ошибочность подобных выводов состоит в том, что объективное рассмотрение фактов подменяется порой идеологизацией. Советский религиовед-атеист нередко стремится представить наличие религиозности среди части населения СССР во многом как следствие его малой образованности. Это обстоятельство вполне соответствует тезису о постепенном отмирании религии в социа-

листическом обществе. В свою очередь, американский советолог делает из односторонней картины, обнаруженной им в советской литературе, вывод, обеспечивающий его идеологическую установку: вследствие дискриминации образовательный уровень верующих ниже, чем остального населения.

Какова же реальная ситуация?

Если говорить о тех, кому теперь не менее 60 лет, то состав верующих в образовательном отношении (с учетом региональных факторов) за последние 20 лет хотя и имел все возможные здесь градации, однако был, по видимому, ниже, чем в среднем по стране. Так, в старших поколениях среди верующих мы могли встретить в эти годы и академика, и всемирно известного деятеля искусств. Специалист с высшим или же со средним образованием также не был здесь большой редкостью. Однако отмеченный выше факт значительного преобладания в целом по стране пожилых женщин, жизнь большинства которых была связана с неквалифицированным или мало-квалифицированным трудом, и давал тот самый средне-статистический уровень, который затем нередко превратно истолковывался. Если же мы обратимся к иным возрастным категориям верующих (18—30, 31—40, 41—50 и 51—60 лет), то здесь, судя по наблюдениям, средний образовательный уровень должен совпасть с общесоюзными показателями для этих возрастных групп.

Теперь рассмотрим внутренние явления, которые лежат в основе приведенных выше фактов. Что касается старших поколений, то здесь восприятие веры было следствием семейного воспитания. И неудивительна полярность в социальных группах этой категории верующих. С одной стороны — люди высокообразованные, потомственные интеллигенты, происхождение обеспечило им сознательное восприятие веры в силу той более или менее систематической катехизации, которую они могли получить в семье; с другой — люди малообразованные,

восприятие религиозности было обеспечено здесь бытом, в большей или меньшей степени устоявшим перед социально-культурной ломкой 20—30-х годов. Преобладание здесь женщин не случайно.

Рассмотрение третьего пункта предложенной У. Флетчером характеристики религиозности в СССР позволит увидеть некорректность его вывода о дискриминации верующих в области образования.

Говоря о соотношении религиозности в городе и на селе, американский исследователь утверждает, что сельская местность продолжает оставаться в этом смысле своеобразным бастионом. Действительно, региональные исследования, касавшиеся Пензенской и Воронежской областей, на которые опирается У. Флетчер, давали основания для подобных умозаключений. То же самое происходило, судя по результатам исследования А. А. Лебедева, и в Калужской области в начале 70-х годов. Что касается современного положения, то оно стало несколько иным. Сошлюсь на весьма примечательные обстоятельства. Первое — значительное преобладание городских храмов в ряде восточных и северных епархий РПЦ. Можно привести и такой пример — из тринадцати храмов Омско-Тюменской епархии (Омская и юг Тюменской области) нет ни одного сельского. Второе — процесс увеличения городского населения за счет бывших сельских жителей. На соотношении числа верующих в городе и на селе в сторону увеличения доли первых это особенно заметно отразилось в центральных и северо-западных районах РСФСР. И наконец, третье — объективные факторы, способствующие восприятию веры и воспроизводству религиозности. Если исключить западные районы СССР, то окажутся справедливыми выводы У. Флетчера, который пишет, что «в городах церкви более доступны населению, чем в деревнях». Флетчер также верно подметил, что более высокий уровень образования городских верующих является фактором усиления религиозной активности.

Способствует этому, по словам Флетчера, анонимность образа жизни городского жителя.

Здесь следует сделать некоторые уточнения. Действительно, если говорить о Москве и Ленинграде, то есть о крупнейших городах, имеющих относительно большое число храмов, расположенных в различных районах, то анонимность в какой-то мере может способствовать религиозной активности верующих молодого и среднего возраста. Однако в других городах ситуация иная. Скажем, факт наличия в Свердловске одного небольшого храма или двух в Калуге лишает молодого верующего анонимности. Если к тому же в местных учебных заведениях и в учреждениях по исторической инерции при проведении атеистической работы допускается грубое администрирование, то иной верующий студент или служащий постараются вывести свою институциональную религиозность из поля зрения начальства. Так, например, мне известны молодые калужане, которые не ходят в две местные церкви, но ради участия в богослужебном собрании отправляются в сельские храмы или даже в Москву.

И еще одно возражение У. Флетчеру. Юридически закрепленной дискриминации верующих в области образования у нас в стране нет. Но нужно сказать о другом: ставшая заметной религиозность школьника или студента может порой явиться для него источником неприятностей в отношениях с руководством учебного заведения.

Перейдем к оценке У. Флетчером такой стороны религиозности в СССР, как отношения верующих к окружающей их секуляризованной среде. Религиозные люди, пишет американский исследователь, «как правило, намного реже других категорий населения читают газеты, журналы, не часто застанешь их в кинотеатрах». Видимо, наблюдения 60-х годов давали повод для подобных заключений. Однако причина этого явления лежала не в религиозной сфере. Значительная доля среди верующих пожилых малообразованных женщин уже сама по себе

создавала в те годы обозначенную выше картину. Сегодня едва ли правомерно какое-либо противопоставление верующих и неверующих в смысле использования ими средств массовой информации и достижений культуры вообще. Далее У. Флетчер утверждает: «Существует множество свидетельств того, что религиозные люди в той или иной степени отчуждены от общества». Затем он называет главную причину отчужденности — «довольно большая часть верующих имеет склонность не доверять неверующим, задаваясь вопросом: а могут ли они вообще быть нравственными людьми?».

Прежде чем показать несостоятельность утверждений американского исследователя, следует отметить, что коренятся они не только в стереотипах свойственного многим американцам мышления («только верующий человек может быть нравственным»), но и в идеологических установках, содержащихся в той советской литературе, которой он пользовался. Суть их сводится к тому, что «вред» религии обосновывается тем, что она якобы отвлекает верующего от социальной деятельности. Ошибочность такого суждения легко обнаруживается при обращении и к истории, и к современной действительности.

У. Флетчер заблуждается, когда говорит об отчужденности верующих в СССР от остального общества. И прежде всего неверен указанный им мотив этой «отчужденности». Нравственные ориентиры, имевшие в течение веков в среде верующих христианскую основу, продолжают, несмотря на секуляризацию современного массового сознания, во многом сохранять свое значение. Во всяком случае, недоверия верующего-православного к неверующему по чисто религиозно-психологическим мотивам мы не встретим. Бывает иногда иное. Неверующий порой склонен оказывать особое доверие верующему, полагаясь на его нравственные устои.

Требует также существенных дополнений оценка У. Флетчером процесса усвоения веры в общей картине религиозности в СССР.

Религиозное воспитание в детстве как источник последующей религиозности человека действительно сохраняет почти исключительное значение в западных районах страны. Для здешнего коренного населения вполне справедливо замечание Флетчера, что даже «активно участвующие в жизнедеятельности той или иной деноминации — это прежде всего выходцы из религиозной, а не из атеистической среды». В данном случае речь идет о переходе некоторых православных к баптистам или же в другую нетрадиционную для западных областей Украины или Белоруссии деноминацию. Если же говорить об остальных районах страны, то здесь в качестве фактора воспроизводства религиозности выступает также неофитизм. Правда, это явление характерно в основном для городов. Впрочем, в различных городах соотношение новообращенных в веру и остальной массы православных может быть различным. Во всяком случае, в Москве и Ленинграде их доля достаточно высока. Думаю, что число пришедших к вере в сознательном возрасте помимо или даже вопреки семейному воспитанию составляет здесь не менее трети общего числа регулярно посещающих православные храмы. Причем сюда входят не только лица молодого и среднего возраста, но и пожилые люди.

Опираясь на эмпирические материалы обследования религиозности, У. Флетчер дал в целом объективную картину. Но и она требует некоторых дополнений и разъяснений. Так, он указывает на малую популярность венчаний в практике православных приходов. Вероятно, данные, полученные более пятнадцати лет назад в Воронежской и Пензенской областях, а именно они составили основную информационную базу американского исследователя¹, позволили сделать подобные выводы. Однако

¹ См.: Тепляков М. К. Проблемы атеистического воспитания в практике партийной работы. Воронеж, 1972; Селиванов П. Д. Партийное руководство атеистическим воспитанием. М., 1973.

следует учитывать, что в западных районах СССР венчается в церкви подавляющее большинство вступающих в брак местных уроженцев. Наблюдения во Львовской области, например, показывают: таковых здесь до 80% общего числа новобрачных. Применительно к другим районам нашей страны следует учитывать ряд обстоятельств. Бывает, что при обращении в веру одного из супругов второй продолжает оставаться безрелигиозным и не желает венчаться. Случается, что при составлении отчетности церковные старосты, идя навстречу пожеланиям советских органов, для которых эта отчетность предназначается, специально указывают меньшее количество требоисполнений в храмах. «Приписки наоборот» несколько искажают статистику, которой затем пользуются как советские религиоведы, так и советологи. Во всяком случае, хотя венчаний в московских и ленинградских храмах совершается сейчас и немного, все же в последние годы они стали более частым явлением, чем было 10—15 лет назад. Это говорит об увеличении числа молодых верующих.

Еще один штрих. Немало есть людей, которые время от времени посещают православные храмы, но не разбираются должным образом в вероучении и вообще имеют более секулярное, нежели церковное, сознание. Так, детей своих они считают нужным окрестить, но когда речь заходит о церковном таинстве брака, то многие уклоняются от венчания в силу утвердившегося в секуляризованной среде либерального отношения к самому брачному союзу, о нерушимости которого учит Евангелие. По-видимому, к этой категории случайных посетителей православных храмов и может быть отнесен религиоведческий термин «колеблющиеся».

Теперь перейдем к оценке тех статистических выкладок, которые предлагает У. Флетчер. По его мнению, к 1980 году процентное соотношение верующих и безрелигиозного населения составляло 30% для русских

и 60% для остальных народов, составляющих другую половину граждан СССР. Что касается РПЦ, то общее число ее приверженцев, видимо, колеблется ныне от 12 до 20% общего числа населения страны¹. В зависимости от региона этот показатель может падать ниже общесоюзного уровня либо же резко возрастать. Так, если в Калуге верующих (и колеблющихся) в начале 70-х годов было 11,5% населения (в сельской местности — 23,9%²), то в восточных областях Белоруссии этот показатель для сельской местности был равен 25,8%. В свою очередь, в сельских районах Западной Белоруссии он доходил до 60,6%³.

Как же может быть охарактеризована динамика религиозности среди приверженцев РПЦ за последние два десятилетия?

К концу 60 — началу 70-х годов ясно обозначилась смена поколений. Среди верующих значительно сократилось число тех, кто еще успел сформироваться как религиозная личность в условиях дореволюционного быта и пронести веру через последующую жизнь. Это привело к некоторому снижению общего числа верующих православных, главным образом в центральных и восточных районах страны. Однако, чтобы понять динамику снижения религиозности в СССР в довоенный период, а затем в 60-е годы, нужно рассмотреть лежащие в ее основе объективные причины. В литературе очень часто приходится сталкиваться с тезисом, что снижение религиозности было вызвано культурным прогрессом общества и повышением образовательного уровня народных

¹ Из западных религиозно-этических изданий, по-видимому, наиболее объективные данные на этот счет сообщает Ежегодный всемирный отчет Объединенных библейских обществ за 1984 г., определяющий число приверженцев РПЦ в 19,5% населения СССР.

² См.: Лебедев А. А. Конкретные исследования в атеистической работе.

³ См.: Платонов Р. П. Воспитание атеистической убежденности. Минск, 1973.

масс. Увы, все обстояло гораздо проще. 30-е годы ознаменовались борьбой прежде всего с институциональной религиозностью, в результате чего к 1939 году на территории нашей страны имелись целые области, где были считанные единицы православных храмов, а то и вовсе ни одного. В Ленинграде, например, в это время действовали только пять церквей, из которых три принадлежали РПЦ, а две — «обновленцам». Правда, оживление церковной жизни в период Великой Отечественной войны и в послевоенные годы дало определенное восстановление институциональной религиозности в православной среде, а вместе с тем обеспечило некоторую стабилизацию религиозной ситуации в стране. Во всяком случае, улучшились объективные условия для религиозного воспитания в семье, стали также замечаться и случаи неوفитизма. Однако положение значительно ухудшилось в начале 60-х годов: вследствие волонтаристских методов, имевших тогда место в идеологической работе, РПЦ потеряла до половины своих храмов. Более всего пострадала в этом смысле восточная часть Украины и Белоруссии. В Полтавской области, например, к 1960 году насчитывалось 340 православных молитвенных зданий, а в 1965 году их было лишь 52.

Таким образом, следует обозначить два фактора, повлиявшие в последние два десятилетия на снижение религиозности. Первый — это заметное ухудшение условий для ее институционального проявления. Второй сводится к следующему. Восприняв вместе с остатками бытового уклада и религиозность, женщина (а как мы уже выяснили, речь должна идти прежде всего именно о ней), став матерью, а затем и бабушкой, далеко не всегда оказывается способной провести даже самую элементарную катехизацию своих детей и внуков. Веруя сердцем, она редко задумывается об интеллектуализированном выражении своей веры, да и не учили ее этому. К тому же целенаправленное формирование сознания детей

происходит без ее участия. Словом, сознание ребят оказывается в значительной степени секуляризованным, их порой попросту раздражают кажущиеся слишком консервативными, а то и нелепыми жизненные установки старушки.

Мы уже не раз отмечали качественно иную религиозную ситуацию в западных районах СССР. Указывают на это и советские религиоведы¹. Причина объясняется просто. Социальные преобразования, развернувшиеся там в послевоенный период, уже не включали в себя курс на искоренение институциональной религиозности. Да и антирелигиозная кампания начала 60-х годов не нанесла здесь такого существенного урона, как в ряде других мест. Достаточно сказать, что Львовско-Тернопольская епархия является теперь крупнейшей в РПЦ, тут насчитывается более тысячи действующих храмов. Кроме того, старшее поколение верующих в западных областях смогло в свое время получить более или менее достаточную катехизацию. Эти факторы и создают более благоприятные, чем в других районах нашей страны, условия для религиозного воспитания.

В то же время среди представителей образованных и интеллектуально развитых социальных групп наблюдается рост неопифитизма. Не исключено, что это явление может стать существенным фактором стабилизации религиозной ситуации. Во всяком случае, еще недавние представления атеистов об отмирании религии по мере дальнейшего социально-экономического и культурного прогресса² теперь можно с уверенностью охарактеризовать как наивные. В последнее время это стали признавать и теоретики атеизма³.

В своей работе У. Флетчер не затронул такой важной

¹ См.: Яблоков И. Н. Социология религии. М., 1979.

² См. там же, с. 181.

³ См.: Турсунов А. Атеизм и культура.— Правда, 1987, 16 января.

стороны религиозной ситуации в СССР, как состояние административно-должностных структур религиозных обществ. Между тем данные о клире РПЦ многое могут дать для ее историко-социологической характеристики.

Прежде всего нужно отметить, что после войны епископат, священнослужители и церковнослужители включали в себя незначительную часть выходцев из среды дореволюционного сословного духовенства. Таким образом, в числе служителей РПЦ оказались преимущественно представители различных групп верующих. К этому следует добавить, что в 70-е годы произошла заметная смена поколений в кадрах священнослужителей и других работников РПЦ. Ныне среди них велика доля лиц моложе сорока лет. К этому следует добавить, что за последние десять лет значительно возросло количество учащихся духовных школ (в трех семинариях и двух академиях сейчас их насчитывается более 1000). В среднем на одно место в семинарии претендуют 2,2—2,5 человека.

Каков же контингент учащихся духовных школ?

Среди 157 абитуриентов, поступавших в 1985 году в первый класс Ленинградской духовной семинарии (их средний возраст равнялся примерно 23 годам), 57,9% составляли украинцы (преимущественно из западных областей УССР), 34,5% — русские, 3,2% — молдаване, 2,6% — белорусы и 1,8% — прочие. Эти данные во многом согласуются с той картиной религиозности среди приверженцев РПЦ, которая была рассмотрена нами выше. Большинство учащихся ленинградских духовных школ (семинарии и академии) — выходцы из религиозных семей. Однако к семьям духовенства принадлежат только 11% учащихся семинарии и 25% — академии. Интересно отметить, что среди тех и других примерно одинакова доля лиц, вышедших из безрелигиозных семей и пришедших к вере без соответствующего домашнего воспитания. Что касается преподавательской корпорации

Ленинградских духовных школ, то более четверти ее состава происходит из нерелигиозных семей.

Говоря о мотивах поступления молодых людей в специальные учебные заведения РПЦ, следует прямо заявить об их вере и желании послужить церкви. Дело в том, что в безрелигиозной среде бытует мнение, будто в наше время в духовную школу может привлекать молодежь только высокая стипендия и в дальнейшем баснословные доходы при приходском служении. На самом деле студент духовной академии при бесплатном питании и общежитии получает стипендию только 18 рублей в месяц. Говоря о материальном положении православного духовенства, воспользуемся оценочными критериями, примененными в статье В. Д. Ситниковой и А. А. Мичурина¹. К категории «Д» («мы можем практически ни в чем себе не отказывать») есть основание отнести лишь весьма малую часть клира. Правда, довольно велика будет здесь доля лиц, относящихся к категории «Г» («покупка товаров длительного пользования не вызывает трудностей, однако покупка машины пока недоступна»). Но мы встретим здесь также и лиц, относящих себя к категории «В» («денег в основном хватает, но при покупке товаров длительного пользования возникают затруднения»). Подобное положение связано с наличием многодетных священнических семей, а также с тем, что приход, в котором служит священник, находится в местности с малым числом верующих-православных, например в Латвии.

Как видим, духовенство РПЦ не относится к необеспеченным слоям населения страны. В то же время, если, к примеру, священник в сельской местности Западной Украины имеет автомобиль, то этим он вовсе не выделяется из среды своих односельчан. Как бы то ни было, но

¹ См.: Ситникова В. Д., Мичурин А. А. Субъективно-оценочное восприятие уровня жизни.— Социологические исследования, 1986, № 4.

человек, стремящийся к скорому материальному обогащению, едва ли избрал бы нелегкий путь пастырского служения, требующий нередко многих затрат духовных и физических сил.

Подводя итоги, следует отметить, что РПЦ сохраняет потенциал к росту, хотя общее количество ее приверженцев может и колебаться. Это понимают не только церковные деятели: в самое последнее время на страницах советской печати появляются статьи, в которых ставится вопрос о коренной перестройке системы атеистической пропаганды. Она признается безнадежно отставшей от жизни¹. При этом автор одного из таких выступлений, говоря о духовной жизни крупного подмосковного села, центра совхоза, отмечает, что местная церковь оказывает большее влияние, чем клуб². И хотя порой о причинах неопитизма можно услышать суждения: мол, «сломленный личным несчастьем, недостаточно образованный человек может прийти и приходит в храм»³, практика показывает, что далеко не только тяжелые жизненные обстоятельства побуждают людей обращаться к религии. Думается, ни отход от шаблонных схем атеистической пропаганды в сторону культурологии, ни лучшая организация досуга населения, ни усиление гуманистических начал в сфере общественных отношений не смогут совлечь уверовавшего человека с пути, который стал для него истиной и жизнью. Современный верующий и в клуб сходит на интересную лекцию, и в консерваторию на концерт, но радость церковного общения останется для него самоценной.

И еще следует сказать вот о чем. Духовный поиск, который находит выражение в интересе к христианскому вероучению, к церковной истории и практике, стал в

¹ См.: Евсеев В. Кто идет к обедне? — Правда, 1987, 23 января.

² См. там же.

³ Дьяков И. Земные хлопоты отца Николая. — Советская Россия, 1987, 18 января.

СССР заметным явлением. Однако при этом зачастую приходится сталкиваться с невежеством вполне образованных людей в вопросах, которые, если хотите, связаны с существенными сторонами многовековой культуры нашей страны.

Предпринятый здесь опыт историко-социологической характеристики современного состояния РПЦ, надеюсь, поможет читателям лучше представить ее место в жизнедеятельности советского общества.

В. Н. ШЕРДАКОВ

Где кончается религиозность и начинается атеизм?

Шердаков Владислав Николаевич — доктор философских наук, профессор Института научного атеизма АОН при ЦК КПСС. Автор книг «Социально-психологический анализ христианской морали» (1976), «Иллюзия добра» (1983), «Добро, истина, красота» (1984)

Статьи американского теолога и представителя Русской православной церкви, посвященные анализу состояния религиозности в нашей стране, привлекают внимание по ряду причин. Оба автора комментируют результаты социологических исследований советских религиоведов-атеистов, и читатели могут, таким образом, сопоставить мнения и оценки различных сторон. Ознакомление со статьями полезно и в связи с тем, что в последнее время у нас заметно возросло стремление заново осмыслить историческое прошлое, в том числе глубже уяснить место и роль религии в духовной жизни народа, в национальной культуре. Подобное стремление тем более правомерно, что односторонний подход к этой проблематике, известная тенденциозность в ее освещении до сих пор — чего греха таить — присущи нашей атеистической литературе. Подчас все это вызывает недоверие, которое распространяется и на объективную информацию. С этой точки зрения предоставление страниц журнала религиозным идеологам вполне оправдано. Наконец, публикуемые материалы дают повод для разговора о назревших

проблемах атеистической пропаганды, недопустимости вульгарного атеизма.

Далее мы попытаемся затронуть эти вопросы, но прежде всего хотелось бы обратить внимание на расхождение сторон относительно числа верующих в Советском Союзе. Если наши социологи, по моему впечатлению, стремятся ни в коем случае не завесить цифру, то У. Флетчер, напротив, явно преувеличивает ее. Самое парадоксальное, что он использует данные советских исследователей, однако с помощью несложной калькуляции приходит к поистине астрономическому результату: верующих в СССР 115 млн, то есть 45% всего населения. Неправдоподобность этой цифры очевидна не только для специалиста, но и для любого человека, живущего в Советском Союзе. Оправданием Флетчеру могут, конечно, послужить имевшие место занижения («приписки наоборот», как называет их отец Иннокентий) числа верующих и недостаток гласности, всегда создающий благоприятную атмосферу для домыслов и преувеличений. (Кстати, поправки к выкладкам Флетчера, которые вносит его оппонент, в большинстве своем представляются правильными, прежде всего потому, что отец Иннокентий исходит из непосредственных наблюдений, видит многие процессы изнутри.) Однако главное, как мне кажется, в другом. Утверждая, что «советская социология еще не решила центральный вопрос — о количестве верующих в стране», и усматривая причину ненадежности эмпирического материала, которым располагают советские религиоведы, в недостатках используемого инструментария, отсутствия глубокой исследовательской традиции, незрелости дисциплины, Флетчер не может не осознавать всей сложности понятия «верующий». Этой проблеме посвящено немало работ (в частности, большой интерес вызывает статья Ф. Н. Ильсова, опубликованная в журнале «Социологические исследования», где автор со знанием дела, мето-

дически и грамотно обосновывает свою позицию¹⁾), однако единой точки зрения на сей счет, в том числе в американской литературе, нет.

Конечно, истинно религиозный человек в любой стране, независимо от вероисповедания, вряд ли будет объявлять себя неверующим. Но обратное вполне вероятно, при этом мотивы, побуждающие назвать себя верующим, могут быть самыми различными. Подобная ситуация не исключена и в наших условиях, где большинство составляют атеисты. Среди определенной части молодежи, например, причисление к верующим объясняется фрондерством, желанием выделиться, бросить вызов большинству. Иногда человек называет себя верующим вследствие несправедливости, допущенной каким-либо должностным лицом, социальным окружением. Еще одним мотивом может быть грубость атеистической пропаганды, зачастую не только не достигающей своей цели, но и вызывающей чувство симпатии к религии, стремление отмежеваться от примитивного атеизма. К этому вопросу мы еще вернемся. Здесь же отметим, что наша пропагандистская атеистическая литература, как правило, заметно уступает религиозно-философской. Последняя нередко значительно содержательнее, интереснее и даже менее догматична.

Симпатия конечно же еще не религиозность. Желание верить, оставшееся на «поверхности» сознания и, по существу, ничего не изменившее в человеке, еще не вера. Более того, религиозность не может сводиться и к одному лишь признанию высшего существа, она означает и исполнение определенных ритуалов. С другой стороны, участие в этих ритуалах само по себе не является достаточным основанием для причисления человека к верующим. Так, советские исследователи отмечают, что много-

¹ См.: Ильясов Ф. Н. Религиозное сознание и поведение.— Социологические исследования, 1987, № 3, с. 50.

вековое господство ислама в Средней Азии сделало многие религиозные обряды привычными, способствовало закреплению их в сознании, переплетению с обычаями. Бытуя до наших дней в традиционных формах жизненного уклада, такого рода обряды соблюдаются и многими неверующими¹. А может ли Флетчер подсчитать у себя в Соединенных Штатах, сколько процентов из тех, кто считается верующим и регулярно посещает церковь (мечеть, синагогу и т. д.), отправляют культовые обязанности механически, формально, по традиции, по привычке, потому, что так положено, так заведено?

Далее. Флетчер относит к верующим в СССР и сомневающимся, колеблющимся. Следуя этой логике, сюда же надо включить людей, придающих значение приметам, суевериям. Не может называться полноценной и такая религиозность, которая не разделяет веру в бессмертие души. С падением этой веры неизбежно рухнет главная из опор религии, открывается прямой путь к атеизму. Словом, если бы американский богослов учел все эти обстоятельства, ему пришлось бы пересмотреть не только сделанные им издавна подсчеты числа верующих в СССР, но и, пожалуй, значительно сузить круг тех, кого безоговорочно можно отнести к действительно верующим в США.

Конечно, так же сложно обстоит дело и с подсчетом неверующих, чем широко пользуются те западные авторы, которые ставят целью создать заведомо перекошенную картину состояния религиозности в нашей стране.

Феномен массового атеизма довольно часто объясняется административными мерами борьбы против институциональной религиозности и воинственной, широкой, подавляющей все и вся атеистической пропагандой. Можно ли признать такое объяснение удовлетворительным?

¹ См.: Базаров А. Б. Особенности мусульманских религиозных пережитков (по данным опроса в Самаркандской области).— Социологическое исследование, 1982, № 2, с. 173.

История многих народов свидетельствует: административные санкции, преследования и ограничения в отношении религии обычно не дают ожидаемых результатов. И дело не только в том, что всегда находятся люди, готовые страдать за веру. Извечно стремление человека сочувствовать преследуемым и гонимым. Православная церковь не смогла подавить старообрядчества и протестантского сектантства, несмотря на усиленное административное и идеологическое воздействие. Не добился успеха в борьбе с церковью и Бисмарк. Что же произошло в нашей стране? Главная из комплекса причин, объясняющих переход широких масс населения на позиции атеизма, — революционная идеология. Старая вера, серьезно дискредитированная прежде всего по вине церковных иерархов, была вытеснена новой верой, новой надеждой, новыми идеалами и ценностями. Атеистическая пропаганда нашла отклик именно потому, что для нее была готова почва — ведь самый мощный идеологический аппарат может работать вхолостую, если насаждаемые им идеи не соответствуют настроениям масс.

Я не хочу отрицать и тем более оправдывать факты репрессий и необоснованного, противоречащего конституционным положениям административного давления, использования грубых, оскорбительных для верующих приемов атеистической пропаганды. Следует лишь подчеркнуть, что перегибы допускались в обстановке острой классовой борьбы, а затем своеобразного «головокружения от успехов», идеологического фанатизма, который, кстати, хорошо знаком по истории религий.

Непримирение религии — и в этом история нашей страны также не является исключением — подчас находило выражение в неприязни к верующим и в особенности к служителям культа. Ныне ситуация коренным образом изменилась. В общественном мнении произошел поворот к большей рациональности оценок. Все чаще стали высказываться суждения о необходимости конкретно-

исторического подхода к религии и ее роли в развитии русской государственности и культуры. В целом это, бесспорно, здоровый процесс, соответствующий идеологическим, нравственным и юридическим нормам нашего общества.

Разумеется, происходящие перемены не дают никаких оснований говорить о религиозном буме в СССР. В отличие от западных социологов, отец Иннокентий, в целом трезво оценивающий ситуацию и знающий дело не из вторых рук, не питает подобных иллюзий. Не спору, со стороны нелегко разобраться в тех сложных и порой противоречивых процессах, которые протекают ныне в духовной жизни нашего общества. Однако справедливости ради следует подчеркнуть, что тенденциозность в вопросах религии, определении ее роли и места в современном мире остается характерной чертой буржуазных советологов. Сколько раз, к примеру, возвещалось о религиозном возрождении, но где оно? Религиозные движения и группы возникают, как правило, ненадолго, традиционные же церкви медленно, но ощутимо теряют силу.

Один из наиболее важных вопросов, остро переживаемых нашей общественностью,— сохранение и освоение культурного наследия. Культура прошлого, многие виды искусства — живопись, архитектура, музыка развивались не без влияния религиозных идеалов, ценностей, представлений. Но отвергая мистику, человек не может и не должен отказываться от духовного наследия. Видеть в иконе лишь изображение святого, а в храме — место для совершения культовых обрядов, столь же ошибочно, сколь и вредно. Мы уже дорого заплатили за такое отношение. Потери, в том числе нравственные, очень велики и болезненно осознаются многими. И именно то обстоятельство, что церковь никогда не отказывалась от ценностей традиционной национальной культуры, вызывает сейчас определенные симпатии к религии.

Подчеркну: симпатии, но не религиозность! Для армянского народа, например, религия и церковь на протяжении веков служили одним из способов сохранения своей национальной самобытности. В уважительном отношении армян к Эчмиадзину, думается, больше отражается признание данного факта, чем религиозность. (Флетчер, касаясь этого вопроса, явно не делает такого разграничения.) Русским неверующим человеком все сильнее ощущается «любовь к отеческим гробам», чтить которые всегда побуждала церковь. Массу гневных откликов вызвала статья, опубликованная в свое время в одной из центральных газет, где рассказывалось о недопустимом пренебрежении к национальной святыне — могилам героев Куликовской битвы монахов Пересвета и Осляби.

В симпатиях к религии отражается ныне и осознание недостатка духовности, которая, как известно, далеко не тождественна образованности. Играя в нашей истории часто сугубо отрицательную роль, религия вместе с тем служила не только оправданием несправедливого порядка, но была в течение многих веков общедоступной формой духовной жизни, являла собой, по словам К. Маркса, «сердце бессердечного мира... дух бездушных порядков»¹.

Разделяя точку зрения отца Иннокентия о влиянии православия на формирование русской культуры и аксиологической ориентации народного сознания, добавим, что сущность этой культуры определялась, однако, не самим по себе византийским православием, поскольку в конечном счете религия производна от народной жизни, а не наоборот. На Руси в течение веков и до и после крещения вырабатывалось своеобразное религиозное сознание масс, которое так или иначе проявляло себя в восприятии религиозных доктрин. Народ почти не знал

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 415.

Евангелия (и не только в одной России), не разбирался в тонкостях церковного богословия и во многом по-своему толковал «слово божие». Трудно отрицать воздействие религиозных идеалов на формирование нравственных устоев верующих, однако отсюда вовсе не следует, что лишь религиозный человек обладает высокой духовностью и нравственностью. Сейчас действительно можно услышать, будто верующий никогда не поступит против своей совести. Думаю, отец Иннокентий согласится со мной, что за подобной оценкой стоит не жизненный опыт, а скорее отсутствие такового и замена его неким идеальным образом верующего. Столь же ошибочно представление о якобы свойственной нашим верующим предубежденности против атеистов, тех, кто не разделяет их веры, как утверждает Флетчер. Такое отношение встречается разве лишь среди фанатически настроенных членов протестантских сект. Отец Иннокентий справедливо замечает, что утверждения Флетчера коренятся в стереотипах свойственного многим американцам мышления («только верующий может быть нравственным»). Еще Л. Н. Толстой писал в «Исповеди»: «Ум, честность, прямота, добродушие и нравственность большею частью встречались в людях, признающих себя неверующими»¹. Но иногда отход от религии приводит к узкогедонистической ориентации, потребительству, потере высшего смысла жизни. Такая разновидность неверия, широко распространенная на Западе, имеет весьма мало общего с марксистским атеизмом.

Наблюдаемое в настоящее время изменение в отношении к религии означает не прекращение борьбы между религиозной и диалектико-материалистической идеологиями, а преодоление тех издержек, крайностей, которые были допущены в этой борьбе в прошлом и которые, к сожалению, нет-нет да и проявляются и ныне.

¹ Толстой Л. Н. Собр. соч. в 22 т. М., 1983, т. 16, с. 107.

Примечательно, что те, кто толкует о положительной роли религии, нередко обнаруживают почти полную неосведомленность как в вопросах вероучения, так и в истории церкви. Даже говоря о «десяти заповедях», редко кто может назвать больше трех-четырёх. Зачастую десять заповедей Моисея называют евангельскими, новозаветными, провозглашенными христианством.

В изучении состояния религиозности имеет значение не только величина того или иного показателя. Иногда о весьма существенной тенденции можно судить и на основании, казалось бы, не очень впечатляющих данных. Отец Иннокентий отмечает, что среди посещающих церковь в последние годы увеличилось число лиц среднего и молодого возрастов. Этот немаловажный факт подтверждается и другими свидетельствами. Можно согласиться с православным богословом также и в том, что обращение в веру в нынешних условиях не связано напрямую с уровнем образования. Дело скорее в идейно-нравственном брожении, затронувшем часть молодежи, в неприятии ею опыта старших поколений, неудовлетворенности собой и действительностью.

Религиозность в нашем быстро меняющемся мире обрела высокую динамичность, как и многое вокруг. Поэтому даже чисто количественные характеристики существующей в СССР религиозности представляют предельно трудную задачу для любого добросовестного исследователя. В среде приверженцев православия сейчас говорят о падении интереса к религии, спаде культурной активности. «Бум», по их словам, наблюдавшийся несколько лет назад, остался уже позади. По этому поводу нередко выражается даже удовлетворение, поскольку мода на религию, имитация веры представляет опасность для подлинного «оцерквления». Разумеется, изменчивость присуща и содержанию религиозных убеждений. Даже те, кто горячо стоит за святоотеческую традицию, верят уже далеко не так, как верили в прош-

лом. И для многих приверженность к традиционным формам религии есть нечто найденное, обретенное, а не полученное по традиции. Изменяется и не может не изменяться и роль религии. Ленинские слова о религии как духовной сивухе, в которой рабы капитала топят свой человеческий образ, уже не подходят к нашему времени. Конечно, и сейчас в религии ищут утешения, убежища, духовной поддержки, психотерапевтической помощи. Но религиозность ныне уже продукт новых условий. Часто она представляет собой реакцию на техницизм, физикализм, бездуховность, практицизм, потребительство, нигилизм и т. д. Она может быть стимулирована стремлением к национальному самоутверждению, мотивами социально-политической оппозиционности, подрывом доверия к общепринятым идеалам, нарушениями принципа социальной справедливости.

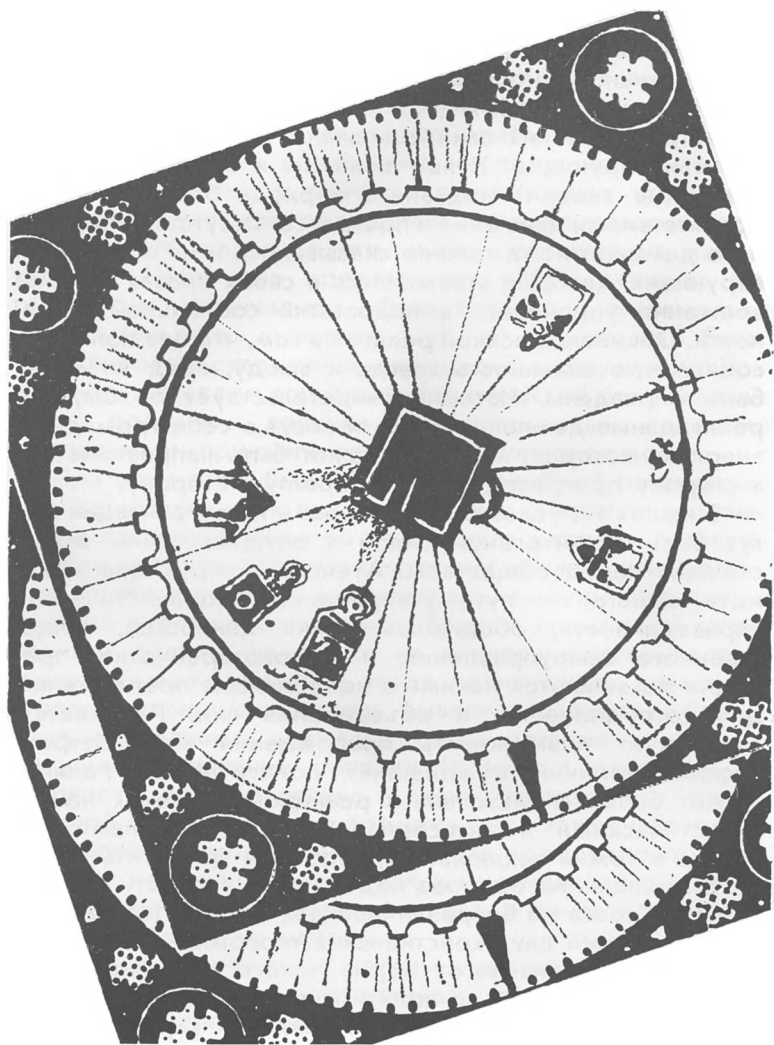
При всем этом было бы грубой ошибкой рассматривать верующих и их организации как силу оппозиционную и альтернативную по отношению к строю. А такую ошибку допускают не только сторонние, западные наблюдатели, советологи, но и некоторые наши пропагандисты атеизма и должностные лица. Оценка социальной роли религии должна опираться на конкретно-исторический анализ. Бывали времена, когда религиозные движения играли революционную роль, бывали и несравнимо более продолжительные периоды, когда религия и церкви защищали отжившие порядки (к ним и относятся, в основном, категорические оценки религии как реакционной силы). И в наши времена существуют религиозные направления и организации, как враждебно относящиеся к миру социализма, так и имеющие яркую антиимпериалистическую направленность и ориентированные на гуманистические идеалы.

Главным мерилom, с которым мы подходим сейчас ко всем убеждениям, настроениям, движениям, является отношение их к революционной перестройке общества,

к обновлению всех сторон жизни страны. Очевидно, что нет никаких оснований у религиозных организаций отрицательно относиться к процессу демократизации, хозяйственной реформе, составляющих главные стороны перестройки. В них заинтересованы все, как верующие, так и неверующие. Культ личности и его последствия, застойные явления недавнего периода были главными препятствиями движения и прогресса. Отсутствие подлинного демократизма тяжело сказывалось и на положении верующих, которые ущемлялись в своих правах и одновременно упрекались в недостатке социальной активности. Обвинения всякой религии в том, что она понижает социальную активность всегда и всюду, вряд ли могут быть оправданы. История свидетельствует о том, что религиозные движения несли и несут в себе громадную энергию, которая, конечно, может быть направлена как в сторону прогресса, так и в обратную сторону.

В наших же условиях верующие и их организации могут быть значительной силой в осуществлении задач, стоящих перед обществом. Атеисты и верующие могут идти вместе по пути утверждения социалистической справедливости, общечеловеческих ценностей, общественного самоуправления, и мировоззренческие традиции не являются каким-то неодолимым препятствием для сотрудничества и объединения сил. Разумеется, существует возможность превращения мировоззренческих различий в конфликт политический. Религия может быть использована в реакционных целях националистическими и антисоциалистическими силами. Но задача в том и заключается, чтобы не допустить этого.

В заключение еще раз подчеркнем, что есть существенное и вовсе не безразличное для марксистов расхождение позиций двух христианских теологов — американского и православного. Корни такого расхождения — в различных социально-политических ориентациях, а не только в методах подсчета и выявления картины религиозности в нашей стране.

«Исламские игры» против Советского Союза

Об исламе сейчас много пишут, говорят, размышляют. По самым различным поводам и причинам. И не только те, кто делает сие по роду своих основных занятий,— мусульманские улемы, толкователи Корана или христианские богословы и священнослужители других религий. В последнее время явно возрос интерес к исламу со стороны ученого мира, спецслужб, журналистов. Любопытная и даже примечательная связь, не правда ли? Она стала все заметнее со второй половины 70-х годов, когда усилилось влияние исламского фундаментализма — движения за возвращение к истокам вероучения пророка Мухаммеда и возросли масштабы международного терроризма... Снова приходится упоминать о какой-то неизъяснимой на первый взгляд связи между религией правоверных и жуткими картинами неприкрытого террора против ни в чем не повинных людей (ведь похищения заложников стали чуть ли не политическим промыслом, окрашенным в цвета ислама). Признаюсь, меня эта связь тревожит все сильнее, как и интерес к мусульманам западных спецслужб. Особенно если учесть, что в мире сегодня насчитывается более 850 млн человек, исповедующих ислам. Они живут во многих странах мира¹.

Всякая религия, ислам в том числе, появлялась и

¹ В организацию Исламская конференция (ОИК), созданную в 1969 г., входят 46 государств. В 28 из них ислам — государственная религия.

Живут мусульмане и в СССР — в Азербайджане, Казахстане, Узбекистане, Киргизии, Туркмении, Таджикистане, а также в Татарской и Башкирской АССР, в Поволжье, некоторых других регионах страны, являющихся местами традиционного распространения ислама.

утверждалась потому, что оказывалась для людей как бы своеобразным средством познания мира и, конечно, решения повседневных человеческих проблем. По крайней мере на первых этапах своего существования. Не мешая иногда естественному развитию вещей. Ни у кого ведь не возникнет мысль отрицать, что алгебра, тригонометрия, химия, география, философия появились и процветали в арабских странах, других государствах Востока после рождения ислама. Разумеется, не утверждаю, что только благодаря исламу.

Но столь же очевидно, что с течением времени ислам, его предшественники — буддизм и христианство, как и иные, не мировые, религии, становились все более консервативными. Мусульманские реформаторы Мухаммед Абдо и Джемаль эд-Дин аль-Афгани (их труды у нас хорошо известны) на рубеже веков прошлого и нынешнего стремились модернизировать, а если точнее — приспособить ислам к условиям, складывавшимся в странах зарубежного Востока, особенно в арабских, в связи с бурным развитием капитализма. Другие религии ведь тоже пережили Реформацию. Каждая в свое время и в своих исторических условиях. Следовательно, суждения о прогрессивности и консервативности, авторитетности тех или иных религий, верований всегда относительны. Все зависит от условий, в которых живут люди. И ясно одно: религиозность широких слоев населения чаще всего прямо пропорциональна степени нерешенности в них социальных проблем.

Один пример. Вскоре после провозглашения социализма как цели египетской социальной революции (июль 1962 г.) президент Насер перестал произносить в своих речах ритуальные фразы, вроде: «Именем Аллаха, милостивого и милосердного!» Спустя некоторое время он использовал их снова. На это обратили внимание журналисты. Как-то я спросил президента о причине возврата к исламу.

— Я за торжество науки в объяснении происходящего вокруг человека и с человеком. Религии, в частности ислам, отступают. Я за торжество науки. Однако наука еще не доказала своей правоты в представлениях многих миллионов египтян. Они верят в учение пророка Мухаммеда. Разве я не должен считаться с этим непреложным фактом? В ряде случаев использую постулаты Корана, например запрещающие крупную земельную собственность, взимание банковского процента за предоставленную ссуду и некоторые другие, для обоснования революционных преобразований. Что в этом плохого?..

Насер много сделал для модернизации известнейшего мусульманского университета «Аль-Азхар» в Каире. В частности, ввел в нем светское правление (ректор назначался государством), создал факультет точных наук, женский факультет. Словом, приблизил религиозное учебное заведение, в котором обучаются студенты из всех мусульманских стран, к земной жизни.

Революционные преобразования, осуществленные в Египте президентом Насером, всегда вызывали скептицизм мусульманского духовенства. Однако не открытое сопротивление! Симпатии правоверных, в своей массе неграмотных, отсталых, но видевших и остро ощущавших ежедневно, что шедшая тогда на берегах Нила социальная революция действительно отвечала их жизненным интересам, были на стороне Насера. Тоже, если хотите, интереснейший исторический феномен.

Иногда приходится слышать, что интерес к исламу — чуть ли не исключительное порождение исламской революции 1979 года в Иране. Так ли это? И да и нет. Да, потому что «иранский фактор», то и дело напоминающий о себе по самым неожиданным поводам, конечно, способствовал усилению интереса к исламу во всем мире. Нет, потому что обращение миллионов мусульман к мечети с мольбой о помощи в решении повседневных задач началось десятилетием раньше. В 1969—

1970 годах, бывая в Каире и Дамаске, я обращал внимание на то, как по сравнению с весной 1967 года небывало возросло число молившихся в пятницу. Мечети не вмещали всех стремившихся к таинству общения с Аллахом. Полицейские перекрывали улицы и площади в центре столиц, заполнявшиеся правоверными.

Связан ли был прилив интереса к исламу с разочарованием народа Египта и Сирии в продолжавшихся тогда глубоких общественных преобразованиях? Убежден, нет. Для иллюстрации напомним, что доминирующей в социальной революции была левая тенденция. Все время напоминал о себе неуклонный рост влияния в Египте и Сирии рабочего класса, появлялись законы, усиливавшие его роль в обществе. Почему же число молившихся в мечетях этих и других арабских стран все-таки множилось?

Прежде всего потому, что египтяне, сирийцы, палестинцы, как и все арабы, оказавшиеся после войны с Израилем в июне 1967 года в национальной прострации (их достоинство и гордость были грубо растоптаны на глазах у всего человечества), все больше отдавали себе отчет в том, что те, кто стоял тогда во главе арабского мира, не в состоянии предложить массам реальной программы для успешного военно-политического противостояния агрессии и империализму. Египет, Сирия, Иордания, Ливан и Ирак, принявшие на себя основное бремя конфронтации с Израилем и США, терпели все новые поражения. Социальная революция в арабских странах оказалась серьезно деформированной. Не видя перспективы в национально-освободительной борьбе, арабские массы, молодежь пошли в мечеть! Начался острейший кризис политического руководства арабского мира, резко усугубившийся после смерти президента Насера в сентябре 1970 года. Он продолжается по сей день.

Теперь приходится слышать о том, будто бы имел место кризис «светского национализма», потерпели

крах социалистические лозунги, выдвинутые в 1962 году президентом Насером, оказался якобы непривлекательным весь опыт египетской социальной революции и т. п. По-моему, в такого рода замечаниях не учитывается фактор времени. Египет в начале 60-х годов, несмотря на уже проведенные реформы, оставался очень отсталой страной. Вспомните о его экономике, консервативной социальной структуре, о низком уровне грамотности многомиллионного населения. Перевернуть, коренным образом преобразовать все в одночасье Насеру было, естественно, не под силу. Даже с помощью Советского Союза и других социалистических стран. А много ли лет отпустили ему жизнь и история хотя бы на развертывание основополагающих преобразований? Всего пять — с июля 1962 года по июнь 1967 года! Да будь на месте Насера любой из его оппонентов, кто говорит ныне о «крахе насеризма», то и он не сделал бы больше. Меньше — да, но никак не больше!

Обращение же арабских масс к мечети, после того как в июне 1967 года разразилась национальная катастрофа, мне представляется даже закономерным. Людям свойственно искать легкие пути к спасению. Когда им особенно тяжело, то спасения они ищут в религии. Особенно там, на зарубежном Востоке. Лишь позднее арабы, прежде всего палестинцы, взяли за оружие. Ведь альтернативой была унижительная капитуляция на милость США и Израиля.

Старые идеи на новый лад

Едва события в Иране потрясли устои режима шаха и стали угрожать интересам США в этой стране, регионе Персидского залива, на Ближнем Востоке и в Африке, внимание к исламу еще более усилилось. Повсюду. Ежегодно на Африканском континенте появлялся миллион новых последователей учения пророка Мухаммеда.

В Вашингтоне же и Лондоне отношение к исламу становилось все более специфическим, а точнее — подрывным.

Помощник тогдашнего президента США Дж. Картера по национальной безопасности З. Бжезинский по-своему реагировал на «исламский взрыв». Он, и раньше рассматривавший исламский фундаментализм как «крепость против коммунизма», заявил в интервью «Нью-Йорк таймс», что США должны приветствовать поднявшиеся силы ислама. Ему показалось весьма соблазнительным, чтобы американцы воспользовались тем, будто ислам находится во все более обостряющемся конфликте с союзниками Советского Союза. Например, в Сирии, Ливии, Южном Йемене. А для ослабления советского влияния все средства хороши. И помощник президента высказался в поддержку старой британской идеи о создании на Ближнем и Среднем Востоке правительств и режимов при участии и даже под руководством «Братьев мусульман».

Поясню, о чем речь. Ассоциация «Братья мусульмане» создана в 1928 году при поддержке Лондона. Англичане, как всегда в такого рода случаях, стояли вроде бы в стороне. Зато их люди в Каире готовили новую, тщательно законспирированную политическую организацию к конфронтации с подлинно национальными силами, выступавшими за скорейшее освобождение страны от британского владычества. И прежде всего стремились разжечь борьбу за власть под религиозными, исламскими лозунгами. Антианглийских действий у лидеров «Братьев мусульман» хватало. Даже с избытком. Но тех в Лондоне, кто стоял у истоков ассоциации, сие обстоятельство не смущало. Наоборот, уверенность, что «братьям» удастся расколоть, ослабить искренних националистов, была почти абсолютной.

50-е годы принесли англичанам серию катастроф в арабском мире. Прежде всего в Египте. Начавшаяся там

июльская революция 1952 года привела сначала к запрещению «Братьев мусульман», а спустя четыре года — к уходу англичан из зоны Суэцкого канала. Военные формирования «братьев» были разогнаны, руководители казнены, ассоциация ушла в подполье.

После июньской войны 1967 года «Братья мусульмане» немедленно активизировались. Сейчас они действуют в 30 государствах Азии и Африки. Вот их-то и избрал Бжезинский для ведения «исламских игр» против Советского Союза. Ему, выпускнику иезуитского университета Мак Гилла в Канаде, уже тогда казалось, что манипулирование религиями, особенно исламом, на глобальном уровне не только гарантирует защиту интересов США в регионе от Пакистана на Востоке до Марокко на Западе, но и возможность взорвать, разумеется при благоприятных условиях, которые еще надо было создать, «мусульманскую бомбу» в советских среднеазиатских республиках.

В развитие замысла в 1979 году в Вашингтоне появился официальный доклад по стратегическим проблемам, связанным с «исламскими играми». В нем, в частности, указывалось, что на южных границах СССР должны появиться некие специальные, глубоко законспирированные, сориентированные на подрывную деятельность внутри нашей страны мусульманские организации. Они готовились использовать в своих рядах советских граждан, живущих в местах традиционного распространения ислама.

Такие вот планы! Не только обложить Советский Союз с юга государствами с враждебной идеологией, но и начать создавать условия для взрыва советской «мусульманской бомбы»! Может быть, я преувеличиваю? Судите сами, читатель.

В декабре 1979 года вслед за только что упоминавшимся докладом координационный комитет Совета национальной безопасности США дал «зеленый свет» подрыв-

ным передачам радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа» на узбекском и других языках среднеазиатских республик. Причем было четко определено: они будут рассчитаны прежде всего на верующих — советских мусульман. Но не только...

В январе 1980 года президент Картер уведомил сенат, что он потребовал изучения исламского фундаментализма. Все не для пополнения исследовательских программ, а для использования полученных знаний против Советского Союза. «Вашингтон пост» сообщила тогда же, что Белый дом издал директиву ЦРУ, чтобы разведка подготовила специальный доклад об этом политическом феномене. Заметьте, политическом, а не религиозном!

Момент истины!

Не убежден, что исламский фундаментализм — а именно его лидеры призывают возвратиться к истокам веры и чистоте национальной культуры — некий «новый национализм». Думается, тут иное: те, кто, чувствуя меняющуюся обстановку, со знанием дела манипулирует этим движением — будь то региональные деятели или светские политики, стремятся если не захватить власть в своих странах, то очень серьезно влиять на нее. К выгоде стоящих за ними.

Одна из особенностей набирающего популярность исламского фундаментализма — множественность его движений и организаций. Часто экстремистского толка. Их буквально тьма! И они продолжают множиться. Многие из них — тайные, намеренно глубоко законспирированные. Их структура очень напоминает масонские ложи. Пора, мне кажется, говорить о мусульманском — «зеленом» — масонстве.

Приходилось ли вам слышать о таинственной организации, именуемой «Ходжатие»? Думаю, что нет. Она

более сорока лет действует в Иране. В нее входят священнослужители ислама, дипломаты, военные, крупные государственные чиновники, торговцы оружием, руководители секретных служб, дельцы, коммерсанты, технократы. Словом, цвет Исламской Республики. «Ходжатие» поддерживает теснейшие связи с двумя английскими масонскими ложами — «Аструм аргенциум» и «Голден доу ин аутер». Круг ее интересов широк — от банков, торговли, тегеранского базара до тайных закупок американского, израильского и другого оружия, поставок современного электронного оборудования, запасных частей для истребителей Ф-14, находящихся на вооружении иранской армии. «Ходжатие» активно поддерживает иранское лобби... в США, хотя ее руководители делают все, чтобы Иран расширял и укреплял свои политические связи с Западной Европой, прежде всего с Англией! Вот главная цель деятельности влиятельнейшей исламской организации, скрытой от «непосвященных». Я еще раз обращаю внимание: едва речь заходит об Иране, неизбежно натыкаешься на «английский след»!

Признаюсь, мы слишком мало знаем и о «Братьях мусульманах», набравших силу в исламских странах. Многого, творящегося в их организациях, увы, не видим... Между тем в прошедшие полтора десятка лет случилось нечто настораживающее. Появились филиалы «Братьев мусульман» под другими названиями. Много филиалов! Часто вполне респектабельных и даже просветительских. Так, в Кувейте, где мне пришлось вести с «братьями» весьма оживленную многочасовую дискуссию, передо мной, сменяя друг друга по обсуждавшимся сюжетам, проходила нескончаемая череда представителей легально существовавшего тогда «Аль-Мужтамаа эль-ижтимай» («Социальное общество»). Перед началом дискуссии я задал моим оппонентам вопрос:

— Считаете ли вы нас, советских атеистов, «мультидинами», то есть «могильщиками религии»?

В свое время англичане упорно внедряли в общественное сознание арабов эту вздорную мысль.

— Нет, не считаем,— сказал после некоторого раздумья, глядя мне в глаза, ответственный секретарь общества Ибрагим Шати.

О чем мы только не спорили! В частности, задали мне вопрос о положении в Афганистане. Напомнив, что душманы уничтожили 5 тыс. мулл (!) только за их лояльность кабульским властям, я подчеркнул: пребывающий в этой стране по просьбе законного правительства советский ограниченный воинский контингент защищает мечеть в Афганистане. От «братьев»-душманов...

Где они пребывают, распорядители судеб многих сотен тысяч правоверных, связавших свою судьбу и будущее своих государств с «Братьями мусульманами»? На Западе! Как сие ни парадоксально, большая часть их руководящих центров, других фундаменталистских ассоциаций и обществ располагается в Мюнхене, Ахене, Гамбурге (ФРГ). Есть мусульманские центры в Париже и Лондоне. Важнейшие из них тайно связаны с Израилем, ЦРУ, МИ-6, французские спецслужбы, МОССАД имеют свои подразделения по работе с «братьями». В ФРГ, США, Англии и Франции издается литература по исламу.

Организационная структура «Братьев мусульман» весьма своеобразна. «Внизу», на местах, действуют «пятерки» или «тройки». Каждая безоговорочно подчиняется шейху, назначенному высшим духовным предводителем ассоциации. Тот в свою очередь подчиняется «связному», имеющему контакты с руководителями. Приказы вышестоящих обязательны для исполнения. Тому, кто ослушается,— смерть. Сбор «братьев» по тревоге, как и для сообщения им важной информации или директив к действию,— прерогатива шейхов. Место сбора — мечеть, иногда конспиративные явки. Например, в кофейнях или лавках базаров, тщательно скрытых от глаз любопытных. Дисциплина членов «Братьев мусульман» поразитель-

ная. Во время дискуссии в Кувейте стоило Ибрагиму Шати поднять руку, как спор, каким бы острым он ни был, немедленно прекращался. Вместо нахмуренных лиц появлялись улыбки, неизвестно откуда выныривали разносчики чая...

Насколько опасна деятельность «Братьев мусульман»? В Афганистане подавляющее большинство душманов — «братья». Один из знатоков ассоциации, умерший недавно американец Ричард Митчелл, заметил однажды, что «Братья мусульмане» — самая надежная и перспективная ставка Запада.

Я бы вдумался в оценки серьезного американского востоковеда. Митчелл зрил в корень. И ничему не удивлялся. В частности, и тому, что упоминавшаяся многими «Арка кризиса» ориентирована на... Советский Союз!

Убежден, что большинству читателей такой поворот в разговоре об «Арке кризиса», распространении ее на наше Закавказье и Среднюю Азию не покажется неожиданным. Поэтому хочу вспомнить еще одно весьма настораживающее суждение.

В 1981 году по пути в Бейрут, где я тогда работал собкором «ЛГ», мне пришлось разговаривать с известным иранским политическим деятелем Джелялем эд-Дином аль-Фарси. В 1980 году он был одним из кандидатов на пост президента Ирана. У него были серьезные шансы. Помешало, однако, неожиданно обнаружившееся обстоятельство. Его отец — афганский гражданин. Фарси это тщательно скрывал. Когда же факт стал достоянием гласности, ему пришлось снять свою кандидатуру и не баллотироваться в президенты. Вообразите, что случилось бы, останься факт втуне. Во главе Ирана мог бы стать... гражданин Афганистана! Но это, что называется, к делу уже отношения не имело. Мы разговаривали по-арабски, непонимание исключилось. Среди заданных мне в то утро вопросов был и такой:

— Почему Советский Союз не выведет свои войска из Афганистана?

— Собственно, почему вдруг тебя (разговор по-арабски всегда идет на «ты») так волнует эта проблема? Ведь ты иранец и наверняка знаешь подлинную причину появления там наших солдат.

— Все просто,— заметил в ответ Джелаль эд-Дин аль-Фарси.— Мы совершили исламскую революцию в Иране. И считаем своей задачей превращение ее во всемирную исламскую революцию. Ну а для этого необходима исламская революция в суннитском Афганистане. Ваше военное присутствие ей мешает. Революция в Иране — шиитская. Шииты же — раскольники, меньшинство в мусульманском мире. После исламской революции в Афганистане начнется истинная всемирная исламская революция. Она будет мощнее французской и всех других предшественниц. А затем (sic!) мы инспирируем третью исламскую революцию...

— Где же, если не секрет?

— В вашей Средней Азии.— И испытующе посмотрел на меня...

И услышанное мною от иранца, и оброненное Митчеллом замечание о ставке Запада на «братьев», нетрудно заметить, имеют одну и ту же проекцию.

В Советском Союзе каждый, кто верит в учение пророка Мухаммеда, имеет возможность соблюдать все предписания Корана. Мечети, их 404, открыты и полны молящихся, что признают даже самые сердитые наши оппоненты. Среди туркмен, таджиков, узбеков, казахов, азербайджанцев немало верующих. Хотя, конечно, не 60 и даже не 45 млн, как утверждают западные эксперты по исламу. На кого же из них рассчитывают те в США, и особенно в Англии, Западной Европе, кто очень хочет завтра стать свидетелем «исламского марша» из Средней Азии и Азербайджана на Москву?

Да, между марксизмом-ленинизмом, нашим ма-

териалистическим мировоззрением, и исламом существуют принципиальные различия. Об этом мне не раз напоминали многие собеседники в арабских странах, в Иране. Верно! Но так же верно и другое. Те же собеседники в конце концов соглашались, что даже при всех различиях в наше тревожное время следует думать об общечеловеческом, о всеобщем выживании, а это исключает игры с «исламской картой», о которых продолжают мечтать в Вашингтоне и Лондоне. Не разрушительные игры нужны правоверным. В ядерный век нужно новое мышление. Людям необходимо взаимопонимание в отстаивании жизни, а не стремление к смерти. Вот средство к спасению. Единственное.

Мы — за миротворческую деятельность мусульманского духовенства, продемонстрированную в мае 1987 года в Баку. Советский Союз вправе рассчитывать на понимание его подхода к проблеме Афганистана, и в частности отнюдь не отвлеченного вопроса — кто кому там угрожает? В Москве решительно отвергают «исламские игры» на наших южных границах.

В Вашингтоне и Лондоне, Париже и Мюнхене на эти игры все-таки делают ставки. И склонны считать, что уже есть некоторые результаты. Так, согласно лондонской «Таймс» (газета опубликовала специальное исследование на этот счет), многие советские мусульмане принадлежат либо к тайной суфистской организации, либо к ассоциации «Братья мусульмане».

Резонно усомниться в достоверности столь сенсационного сообщения почтенной английской газеты. А может, всего лишь утверждения? Кстати говоря, на Западе кое-кто так и считает. Однако как не обратить внимание на публикацию «Таймс»? Немедленно возникло много вопросов: «что есть что» суфизм и существуют ли в СССР суфистские организации? Занимаются ли они политикой или только исламской мистикой?..

Факты говорят за себя

Хочу особо оговориться о предмете статьи, чтобы не возникло путаницы. Моя статья — не об исламе как религии, не об исламе как общественном институте. В ней затрагиваются вопросы, разумеется не все, находящиеся на стыке исламских и политических проблем, связанных с уже обозначившимися попытками США и некоторых стран Западной Европы вызвать в Советском Союзе «исламский взрыв». Другими словами, речь идет о попытках использовать наших верующих мусульман против нашего социалистического государства.

Откровенно говоря, меня ислам как религия не страшит. Прежде всего потому, что вера моих соотечественников-мусульман столь же законна, как и вера тех, кто исповедует другие религии — христианство, буддизм, иудаизм, любые иные. Убежден, что все верующие в Советском Союзе — такие же равноправные граждане нашей страны, как и атеисты. Как и те, кто до сих пор не определил своего отношения к религии.

Сколько верующих в Советском Союзе? Мне пришлось слышать, что по меньшей мере 20% населения нашей страны верят. В Христа или Аллаха, Будду или Яхве... Много это или мало? Для иллюстрации ответа на этот непростой вопрос напомним, что из 5 млрд человек, населяющих Землю, атеистов — 500 млн. Таковы последние статистические данные.

Проблема, как мне представляется, в том, чтобы сделать жизнь всех верующих в Советском Союзе открытой, то есть чтобы наши соотечественники не испытывали никаких неудобств с отправлением обрядов, связанных с их верой, чтобы ни у кого из окружающих объявление любого советского гражданина, что он верит, не вызывало бы ни удивления, ни тем более протеста. Конечно, я веду речь не о членах КПСС или ВЛКСМ, которые обязаны быть атеистами.

Когда речь заходит об «исламских играх», ведущихся против Советского Союза некоторыми западными державами, как и экстремистскими мусульманскими организациями, например «Братьями мусульманами», невольно возникает вопрос об источниках информации, к коим я обращаюсь. Мне представляется, что всякое сообщение на этот счет, появляющееся в американской и западноевропейской печати, особенно в солидных, даже антисоветских, изданиях на Западе и зарубежном Востоке, должно восприниматься как тревожное. Особенно когда речь в нем заходит о чем-то конкретном. И вовсе не для того, чтобы кого-то обидеть. Нет, не об этом я думаю каждый раз, когда встречаю подобные сообщения или публикации. За каждым из них мне видится то, что следует самым тщательным образом проверить.

Мне приходилось слышать о том, что некоторые органы зарубежной печати распространяют информацию о положении в республиках и краях, местах традиционного распространения ислама в Советском Союзе с целью внести раскол в советское общество. Да, такие сообщения есть, и их я решительно отбрасываю. Однако, к сожалению, все чаще приходится встречаться с информацией, отражающей реальности. Вот с ними необходимо разбираться. Всерьез. И не для того, чтобы кого-то оскорбить. Нет, речь о другом. Может быть, лучше поставить вопрос о том, чтобы лучше знать цели и средства наших врагов.

Иногда говорят, что большинство или чуть ли не все, кто пишет на Западе об исламе в Советском Союзе, недостойны внимания. Приведу такой пример. Недавно вышла в свет новая книга Збигнева Бжезинского «План игры (Как вести переговоры с Советским Союзом)» («Атлантик мансли пресс», 1986). В ней автор касается перспектив использования антикоммунистического потенциала ислама против Москвы. Мне его книги, статьи, заявления представляются заслуживающими самого пристального внимания (прежде всего потому, что он слыш-

ком близок к тем, кто «делает политику» США, в недавнем прошлом был помощником президента Картера по национальной безопасности, то есть он «свой человек» в вашингтонских «коридорах власти»). Кроме З. Бжезинского есть и другие политики, политологи, журналисты, которые в своих выступлениях в печати, по радио и ТВ отражают устремления правящих кругов своих стран. Не обратить вовремя внимания на их рассуждения об «исламских играх» против Советского Союза — значит вовремя и не отреагировать на них, чего нельзя допускать ни в коем случае. Прежде всего потому, что «исламские игры» рассчитаны как раз на эту инфраструктуру. В Вашингтоне, Лондоне, Мюнхене, Париже, где действуют зарубежные центры «Братьев мусульман», других мусульманских организаций, именно в ней ищут надежные точки опоры.

90% своих программ на узбекском, как и на других языках Средней Азии, «Голос Америки», радио «Свобода» и «Свободная Европа» посвящают исламу. Да, именно исламу. И не следует думать, что в студиях этих радиостанций подвизаются некие чудачки, совсем не представляющие своих слушателей. Наоборот, смею заверить, эти многоопытные господа не атакуют в лоб ни КПСС, ни Советскую власть в наших «мусульманских» республиках. Основа их программ — тщательно продуманное по существу, очень привлекательное по форме исламское просвещение слушателей. Затем постепенно и ни в коем случае не навязчиво прививается вкус к тому, чтобы на первый план выпячивалось духовное, религиозное, а точнее — исламское. Да, учение пророка Мухаммеда.

Добавлю, что направленные на советские Среднюю Азию и Закавказье радиопередачи с «исламским акцентом» на национальных языках наших республик ведут не только США. Лишь на ирано-советской границе действуют 38 (тридцать восемь!) радиостанций, вещающих об

исламе и исламской революции. Цель их передач откровенно подрывная, хотя разговор вроде бы идет о религии мусульман. Значит, утверждения об экспорте исламской революции — не пропаганда!

Летом 1987 года из Ирана начали целенаправленные телепередачи на Советскую Туркмению. На туркменском языке. Значительная часть программ посвящена исламу. Цель и в данном случае все та же — исподволь, вроде бы объективно напоминать советским туркменам о том, что ислам был и остается непримиримым к коммунистической идеологии...

Все знают: в Советском Союзе церковь отделена от государства, но ведь у нас никто и не запрещает верить в Аллаха или Христа. Вот тут-то и начинаются неожиданности. На них весьма полезно обратить внимание.

Сегодня в Средней Азии и Азербайджане, в районах Поволжья и Урала, некоторых других местах традиционного распространения ислама действуют так называемые «параллельные» мечети. Их более 1800! Какие проповеди в них читаются, кто их читает, известно одному Аллаху. Здесь следует подчеркнуть, что устроить небольшую мечеть хотя бы в части жилого дома несложно. Коран, как и регламент моления правоверных, не требует соблюдения каких-то особых, трудновыполнимых правил. Поэтому о появлении, допустим, в узбекском кишлаке или казахском селе действующей мечети в соседнем доме люди узнают не сразу.

В Москве тоже живут верующие мусульмане. И они довольно регулярно собираются в парке Измайлово. Тоже для обсуждения исламских проблем.

Мне все время приходится оговариваться: «Там, где живут верующие мусульмане». В некоторых городах и селениях мусульманские общины могут быть и многочисленными. Собственно, для них и открыты мечети, существуют и действуют мусульманские учреждения. Гласно, доступно.

Тогда неизбежно возникает еще один вопрос: если все так просто, то почему вдруг появились «параллельные» мечети? Если в том или ином кишлаке или городе возрастает интерес к исламу, не мудрее, не дальновиднее ли легализовать все «параллели»? Сразу многое прояснится как для местных властей, так и для правоверных.

Приходится слышать, что слишком часто национальные обычаи узбеков, таджиков, туркмен, казахов, азербайджанцев, татар и других советских граждан смешивают, иногда и намеренно, с религиозными. Кстати, слово «адат» в переводе с арабского означает «обычай, обыкновение, привычка». У нас же оно толкуется только как религиозный термин. Отсюда и путаница. Словно кому-то очень хочется, чтобы религиозные обряды окружающие, особенно немусульмане, считали национальными обычаями. Как легко морочить себе и другим голову! В частности, утверждениями, что все национальные обычаи так или иначе связаны с исламом, что такая связь чуть ли не органически присуща тому или иному народу. А потому прикасаться к ним с какой-то критикой, а уж тем более с осуждением — табу! Попробуйте оспорить такой вот подход...

О калыме, пятикратном намазе (молитве) под видом физзарядки (!), соблюдении мусульманского поста (в Средней Азии, в других областях Советского Союза он называется рамазан), исламских праздниках, особенно о празднике жертвоприношения после завершения поста, написаны статьи, исследования. Они общедоступны. Меня же изумляет безразличие некоторых советских органов к увлечению исламом. Например, в Джизакской области на восстановление одной мечети было израсходовано... 500 тыс. рублей. И местные органы власти знали об этом, но никак не реагировали!

Вернемся, однако, к обычаям. Я не открою Америки, если подчеркну, что на протяжении столетий церковь и мечеть были их учредителями и хранителями. Как бы

помогло четкое представление, что в том или ином обычае превалирует — национальное или религиозное. Почему это важно? Да прежде всего потому, что легко переборщить и нанести людям непоправимые обиды и оскорбления. Хотя и «недоброрщить» тоже рискованно...

Несколько слов о терминологии, названиях. Где-то в Каракумах есть поселок... Ислам. Сам слышал о нем передачу по радио. Я бы не стал злоупотреблять двусмысленностями. Там, где в этом нет необходимости, отказался бы от имен, фамилий, звучащих в переводе как «религия Мухаммеда» или как «свет религии», «свет ислама»... Долго размышлял над создавшимся положением. И вот что помогло его представить и понять. В беседе со мной один из собеседников (он родом из Таджикистана) заметил, что слишком часто имена дают муллы. Только этим можно объяснить отмеченный мною религиозный акцент при наречении вновь родившихся граждан Советского Союза. Возможно, есть и другие объяснения, заслуживающие внимания. Хочу, однако, повторить, что речь не идет ни о какой кампании принудительного переименования. Разве можно возражать против того, чтобы появлялись новые Мухаммеды или Фатимы. Хотя в данном случае связь с религиозной, но и человеческой традицией очевидна. Мухаммед — имя пророка, а Фатима — его дочь. Можно вспомнить и сто имен-эпитетов Аллаха, очень распространенных у нас, и ни у кого не возникает мысль о том, чтобы на них ополчаться.

Слухи или реальность?

Известно, что среди духовных лиц в Средней Азии и в других местах традиционного распространения ислама в Советском Союзе много интересных людей. Некоторых из них я знаю, наблюдал совсем молодыми, когда они учились в «Аль-Азхаре» в Каире, во всемирно известном исламском университете. Во время поездки в страны Персидского залива (ноябрь 1986 г.) в группу деятелей совет-

ской культуры входили два мусульманских иерарха — имам мечети в Ташкенте и директор медресе Мир Араб в Бухаре. Первому — чуть более сорока, второму — около пятидесяти. Их с интересом и, хотел бы подчеркнуть, с большим уважением принимали в Кувейте и Объединенных Арабских Эмиратах. Как-то я поинтересовался, какие у них отношения с Советской властью.

— Сосуществуем,— ответили они...

Ответ меня удовлетворил. В самом деле, узбекские мусульманские деятели, занимающие видное место среди духовенства республики, не помышляют о том, чтобы вступить в конфликт с властью. Собственно, почему я вдруг об этом?

А дело вот в чем. Знакомясь с последними книгами по исламу, принадлежащими перу западных востоковедов и журналистов, я обратил внимание на их рассуждения о «мусульманской оппозиции», якобы существующей в Советском Союзе, о подавлении ислама в местах традиционного распространения учения пророка Мухаммеда. Случайно? Думаю, нет.

Ранее я уже упоминал о том, что некоторые западные эксперты и весьма авторитетные органы печати утверждают, будто в Советском Союзе уже существуют мусульманские организации, некие секты, «братства» и сообщества. Разумеется, подпольно. В противном случае лондонская «Таймс» не стала бы давать сообщения о такого рода деятельности.

Мне не хотелось бы, чтобы у кого-то создалось впечатление, будто достаточно любой западной газете напечатать какое-то сообщение, как появляется основание для тревоги. Начну с того, что «Таймс» сообщила упомянутую новость несколько лет назад. Подчеркну: лондонская газета, как правило, от публикации заведомых пустышек воздерживается. Учтем также, что англичане великолепно знают ислам, его толки, течения, секретные организации вроде тех же «Братьев мусульман». Знание инфраструк-

туры мусульманских объединений позволяло британским властям в свое время влиять на них.

Сегодня стоит вспомнить недавнюю историю. Раздел Индии, как и Палестины, в 1947 году был тщательно подготовлен и осуществлен англичанами по религиозному признаку. Результат? Индо-пакистанский и израильско-арабский конфликты, порожденные разделом, делятся по сей день. К выгоде Лондона. И конца им, увы, не видно. В 1980 году заинтересованные империалистические круги подтолкнули к ирано-иракской войне, внутрисламскому религиозно-политическому конфликту. И ему тоже не видно конца... Из истории следует, что религиозные войны наиболее трудно прекращаются. Направлять их в русло каких-то политических решений — задача архи-сложная...

Кому еще известно, что в Советском Союзе уже существует мусульманское подполье? Передо мной объемистое исследование сэра Эдварда Мортимера «Вера и власть. Политики ислама», изданное в Лондоне в 1982 году. Знакомясь с ним, отдавал должное эрудиции автора. Поэтому к его пассажам о советских мусульманах не мог не отнестись с вниманием. Сэр Эдвард искренне удивляется: почему правоверные в Азербайджане не встают по примеру своих единоверцев-шиитов в Иране? Он рассуждает о «мусульманской оппозиции», уповая не на духовенство в республике, а на те же якобы антикоммунистически настроенные суфистские братства, о которых писала «Таймс». Кристаллизация их настроений, заметил Мортимер, шла особенно быстро в последние пятнадцать лет.

Воинствующий суфизм, по словам англичанина, действует и на Северном Кавказе. Менее заметен он в других местах распространения ислама в Советском Союзе. Например, в Татарии, Башкирии, Поволжье.

Есть довольно любопытная и даже характерная черта происходящего с суфизмом. Своими корнями исламский

мистицизм, как трактуется суфизм знатоками религии правоверных, уходит в шиизм. Поэтому его распространение (о его сути и формах чуть ниже) должно было бы, казалось, вызывать нападки и даже сопротивление суннитских авторитетов. Так нет же. В местах традиционного распространения ислама суннитского толка в Советском Союзе суфизм не встречает трудностей. Прежде всего потому, как утверждает Мортимер, что приверженность исламскому мистицизму способствует распространению религии правоверных.

Еще одна книга, «Священная война», на мой взгляд, заслуживает пристального внимания. Ее автор — Вильгельм Дитль, западногерманский журналист. Он много ездит по Ближнему и Среднему Востоку. Был в Афганистане, интересовался там деятельностью контрреволюционных групп, узнал многих их лидеров. В структуре этих групп много общего с сирийскими «Братьями мусульманами». Сообщил он и о конференции душманских руководителей, прошедшей под эгидой «братьев». Дитль дал в своей книге довольно своеобразное определение суфистам — исламским мистикам. Он именует их дервишами.

По мнению Дитля, мусульмане в Советском Союзе преуспели в борьбе за религиозные свободы. Вот какую перспективу он нам сулит: «Едва ислам, сейчас скрывающийся за кулисами, вырвется на широкую дорогу и взбунтуются агрессивные фундаменталисты, Кремль получит новую Польшу, на этот раз в собственных границах».

Не думаю, что был случаен созыв в 1986 году в США некой международной конференции мусульман, сформулировавшей задачу отделения Средней Азии от Советского Союза и создания некоего независимого исламского государства (!). Видимо, те в Вашингтоне, кто играет в «исламские игры», полагают, что время для действий уже наступило. В связи с нынешним туром этих

игр обращает на себя внимание то, что перед их участниками ставится уже конкретная политическая задача подрывного характера. Смысл ее в том, чтобы осложнить положение в советских среднеазиатских республиках. Вот так!

В еще одной недавно изданной книге, «Шиизм и социальный протест», вышедшей под редакцией Х. Коля и Н. Кидди, акцент сделан на советских мусульманах-шиитах. В частности, на исмаилитах, живущих на Памире (более 100 тыс. человек), а также на довольно сильном влиянии идей исламской революции.

Тот же Дитль, уже после того как побывал в Афганистане, ответил: «Там есть подпольные силы».

Где «там»? Дитль уточняет:

«По ту сторону южной границы (Советского Союза)... От членов некоторых групп душманов (или, как их Дитль именует, «муджахидинов») я слышал, что уже установлены связи с родственниками и друзьями на советской стороне. Рассказывали даже, что имели место атаки на важные объекты. Конечно, было очень трудно получить подтверждение этого в Москве. Один из лидеров (душманов) сказал мне: «Мы уже перенесли войну в страну шурави (Советский Союз)!»

Вздор? К сожалению, нет! Напомню общеизвестные факты. 8 марта 1987 года афганские душманы обстреляли приграничный поселок Пяндж, о чем сообщала центральная печать. В ночь на 9 апреля к востоку от поселка Московский душманы напали на наших пограничников. Были жертвы. Вдохновитель явно демонстративного набега — Мир Мухаммад, родственник главаря афганских банд «Исламской партии» Башира, действующих в провинции Тахар. Думать, что налет претендентов на роль «новых басмачей» нанесет ущерб Советскому Союзу, конечно, смешно. Однако если расценить происшедшее у поселка Московский как сигнал, что война против шурави (советских) развязана и уже перенесена

на их сторону, то происшедшее предстает в ином свете. Болтовня главарей душманов приобретает зловещий смысл. Видимо, организаторам «исламских игр» в Вашингтоне нейдет. Они явно спешат...

Знакома ли вам «такия»? Это довольно распространенное среди шиитов явление, когда некоторые из них публично на словах отказываются от ислама, оставаясь на деле истовыми правоверными. Вот «такия» и используется прежде всего при создании нелегальных мусульманских организаций. Скажем, в Азербайджане, где действуют и «параллельные» мечети, и весьма активны сектанты, объявляющие себя атеистами (особенно это касается суфистов).

Молодежью в Алма-Ате, участвовавшей в известных декабрьских (1986 г.) событиях, манипулировали и мусульманские фанатики-суфисты, внедрившиеся в студенческую среду. Я имею в виду студентов-старшекурсников и даже профессуру. Что тревожит в связи с этим? Тревожит то, что очень уж легко многие молодые люди, даже не знавшие ничего о состоявшемся 16 декабря пленуме ЦК Компартии Казахстана, дали подчинить себя неким силам, которые не рискнули сказать о себе вслух. И они появились на месте события, имея при себе дубинки...

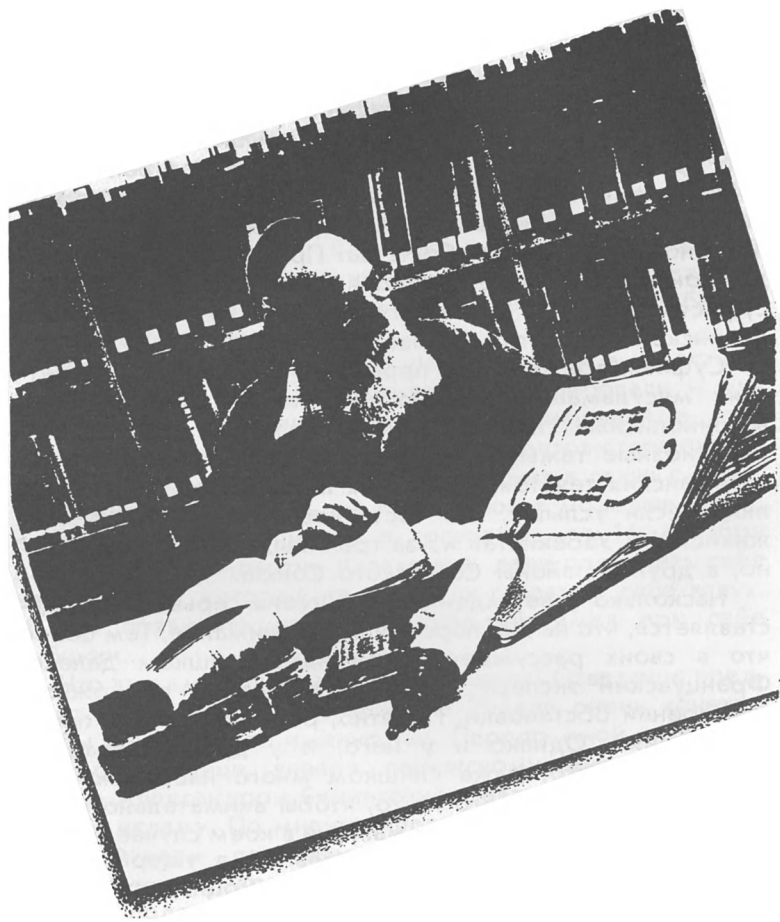
Что это, «мусульманская оппозиция»? Ответ еще предстоит дать. Однако кое-кому на Западе очень хочется, чтобы все обстояло именно так. Передо мной интервью, данное в конце января парижскому еженедельнику «Пуэн» Александром Бенингсеном, авторитетным экспертом по исламу. По мнению француза, ислам ныне более разрушителен для коммунизма, чем для западной демократии, он враг Востока и уж потом Запада. Среди тех, кто подстрекал к демонстрации в Алма-Ате, Бенингсен выделяет опять-таки суфистов. Хотя, по его словам, они действуют преимущественно на Северном Кавказе, особенно в Дагестане, а также в Средней Азии и Азер-

байджане... Допускаю, что Бенингсен явно преувеличивает. С какой целью? Дабы создать превратную картину. Цель все та же — доказать, что исламская инфраструктура не только существует, но и действует.

Как функционируют суфистские братства? Как секретные организации, часто под крышей так называемых «деловых клубов». Причем, утверждает Бенингсен, в них на территории СССР еще не внедрились «посторонние», то есть пришельцы из-за кордона. Откуда же черпают новых членов эти братства? Прежде всего из молодежной среды, интеллигенции. Разумеется, никто из суфистов открыто не выступает против марксистско-ленинской идеологии и Советской власти. Хотя...

Суфизм все активнее пропагандируется среди советских мусульман. Довольно широко распространяются машинописные или ксерокопированные издания на религиозные темы, кассеты с записями священных мусульманских текстов, исламских авторитетов. Я не удивлюсь, если услышу, что часть кассет поступает в Таджикистан и Узбекистан из-за границы, а оттуда, возможно, в другие районы Советского Союза.

Насколько утверждения Бенингсена серьезны? Представляется, что на них пора обратить внимание. Тем более что в своих рассуждениях он идет слишком далеко. Французский эксперт даже рассуждает о возможном обострении обстановки. Понятно, речь пока о его предположениях. Однако и у него, и у других западных экспертов много, даже слишком много настораживающего и настраивающего на то, чтобы внимательно разобраться с исламом у себя дома. И ни в коем случае нельзя дать использовать религию мусульман в ущерб нашему Отечеству — Союзу Советских Социалистических Республик!

В тисках религиозного обскурантизма

Иудейские клерикальные круги, теологи и политики, ученые и раввины почти единодушно признают кризис иудаизма в современном капиталистическом обществе. Особенность этого кризиса заключается в том, что им охвачены все направления этой религии. Даже представители ортодоксального крыла сетуют на ослабление веры. «Иудаизм,— отмечают они,— становится неэффективным во всех отношениях, главным образом потому, что мы, составляющие его ортодоксальную часть, отказываемся принять и не принимаем радикальных перемен, происходящих в мире»¹.

Как и идеологи других вероисповеданий в эпоху общего кризиса капитализма, иудейские ортодоксы ищут выход на путях фундаментализма, обращения к истокам вероучения, а также сочетания традиционализма с попытками интегрировать свои организации в политическую и социальную структуры капиталистического общества.

Как отмечают зарубежные и советские исследователи, с 70-х годов нашего столетия заметно возросла роль раввината в Израиле. И не случайно исследователи в арабских странах, например, переключают сейчас свое внимание с анализа социально-политической системы сионизма в этой стране на анализ природы и сущности Главного раввината. «Это учреждение,— пишет

¹ Dimension of Orthodox Judaism. N. Y., 1983, p. 349.

Мохана Хадад,— наделяет еврейское государство теократическими параметрами. Религиозные партии в кнессете... являются правой рукой раввината, с их помощью он обеспечивает интересы лидеров ортодоксального иудаизма»¹. Основной своей задачей, подчеркивает Мохана Хадад, Главный раввинат считает введение «галахических» законов внутри страны, невзирая на существование иных законов². В этом ему активно помогает Верховный раввинский суд, который призван практически внедрить каноническое право «галахи»³ во все сферы не только духовно-религиозной, но и светской жизни. Основным итогом такой практики последних лет является принятие кнессетом страны положения об отказе от английской системы «общего права» и переходе на систему «галахических» законов.

Об этом же говорят и советские исследователи. Например, доктор философских наук Г. Л. Баканурский подчеркивает, что религиозно-раввинский диктат, в котором открыто проявляется все усиливающаяся клерикализация общественной жизни в Израиле, не случайное явление. Дополняя антинародную расистскую политику сионистской верхушки внутри страны и за ее пределами, раввинский диктат все чаще принимает теократические формы. Недаром в структуру раввината наряду с административно-управленческими подразделениями, библиотеками, синагогой, архивами и информационным центром по богословию входит специальный научно-исследовательский центр по «галахе».

Наиболее полное выражение организационной консолидации иудейской ортодоксии обнаруживается в планомерной работе по внедрению религиозного права («галаха») в управленческую структуру станового хребта

¹ Hadad M. Y. S. Arab perspectives of Iudaism. 1948—1978. s. L., p. 432.

² Ibid., p. 427.

³ «Галаха» — отдельные законоположения в Талмуде.— Прим. авт.

клерикализма в Израиле, каковым является партия «Агудат Исраэль». Процесс этот всячески стимулируется лидерами этой партии, тем более что сама «Агудат Исраэль» не представляет собой монолитного политического движения. На «Великом собрании» партии в 1980 году раввин из Голландии Ш. Калгасбалед призвал в этой связи к окончательной отмене и запрету всех группировок внутри партии¹.

Именно поэтому и был выработан устав партии «Агудат Исраэль», который стал важной вехой в истории духовно-религиозной жизни Израиля. В структурном отношении партия «Агудат Исраэль» состоит из местных отделений, региональных федераций, исполкома, президиума, политкомиссии, всемирного центрального совета, «Великого собора» и Совета мудрецов Торы². Правом избирать и быть избранными в указанные органы обладают только те, кто следуют в своей жизни предписаниям Каббалы. Именно на это, очень важное для понимания канонического права, обстоятельство указал раввин Каменецкий на собрании, отделив собственно традицию (Каббалу) от Торы и ее заповедей³.

Наибольшая опасность существования «Агудат Исраэль» в том и заключается, что именно она выступает на политической арене с идеями захвата власти ортодоксами в стране и усиления экспансионистской политики за ее пределами. Ярким примером практического воплощения этих идей является деятельность религиозно-экстремистской организации «Гуш эмумим», ратующей за аннексию Западного берега реки Иордан как «наследия отцов». Возникла она после октябрьской войны 1973 года в среде раввинской верхушки на Западном берегу в еврейских поселениях. Насчитывает в своих

¹ См.: Гамодия, 1980, 10.1.

² Тора — древнееврейское наименование Пятикнижия Моисеева (первых пяти книг Ветхого завета).

³ См.: Гамодия, 1980, 14.1.

рядах немало выходцев из стран Западной Европы. С аналогичных позиций выступают и лидеры наиболее консервативного крыла ортодоксального иудаизма — движения «ХАБАД»¹ хасидизма.

Хасидизм возник как оппозиционное течение официальному иудаизму, прежде всего раввинату, в первой половине XVIII века среди евреев Волыни, Подолии и Галиции. Известны четыре его ветви: «польская», «галицийская», «украинская» и «чехо-венгерская». Хасидизму присущи религиозная экзальтация и крайний мистицизм, а также почитание цадиков (святых, праведников, возглавляющих их общины). С течением времени хасидизм утратил свою антираввинскую направленность. Более того, в настоящее время раввинат использует авторитетность и фанатизм хасидских общин для укрепления религиозности народа и своих позиций в стране.

В 1937 году в местечке Мариенбад собрался третий «Великий собор» партии «Агудат Исраэль». На нем обсуждались проблемы заселения Палестины хасидами.

После второй мировой войны в Палестине обосновался хасидский клан Белеза во главе с раввином Аароном Рокеахом, который основал в Иерусалиме синагогу этой разновидности хасидизма. В настоящее время «украинская» ветвь хасидов представлена в стране феодально-клерикальными династиями Коломыя и Вижиниц, а также Розин и Садигора. К этой ветви примыкает и движение «ХАБАД».

Феодально-политическая иерархия структуры хасидских кланов не может не оказывать своего влияния и на раввинат, и на политических лидеров этого направ-

¹ «ХАБАД» — движение хасидизма, зародившееся в Польше в середине XVIII в. Широкое распространение получило в США в XIX в., куда переехали представители семьи любовических раввинов, которые мало-помалу захватили ведущие позиции в еврейских местечках («штетл»). Особенность ритуальной практики «ХАБАД» состоит в особом написании имени бога в молитвенниках ее адептов.

ления. Они все чаще при вынесении тех или иных политических решений, отражающих интересы иудаистских ортодоксов, обращаются к средневековым корням этих кланов. Постоянное внимание основателей партии «Агудат Исраэль» к проблемам ритуального порядка, казалось бы, вполне понятно и объяснимо. Однако в израильской печати проскальзывают сообщения о стычках и спорах между, например, общинами «Белез» и «Нетторей карта», хотя и та и другая принадлежат к хасидам. Все дело в характере канонического права, которое действует в этих общинах, да и вообще среди хасидов.

Хасидизм является еще и носителем правовой традиции, которой присущ апокрифический характер и которая существует в форме преданий (Каббала). Такие кодексы канонического права, как «Ор Заруа» Исаака бен Моше или «Рокеах» Э. Вормса, говорят о том, что их авторы стремились выразить хасидские представления об устройстве человеческого общества в привычных категориях права («галахи»), то есть приспособить наиболее реакционные представления хасидизма для своих целей, переведя их на язык, доступный верующим. О том, какую роль играет традиция (Каббала) в политике ортодоксов, говорят факты открытых столкновений раввината с системой судопроизводства «религиозного истеблишмента», которая «уклоняется от охраны правовыми средствами религиозных ценностей», то есть Талмуда. «ХАБАД», по мнению его лидера адмара¹ М. М. Шнеерсона, — это прежде всего мировоззрение, которое дает мистическим путем ответы на все случаи жизни. Другой руководитель указанного движения — раввин Тувия Леви заявил, что «ХАБАД» — это система, состоящая из «любви» и «практики». О том, что в действительности

¹ Адмар — высший титул, который присваивается старейшему представителю хасидских кланов. В Израиле это осуществляется путем кооптации хасидского цадика в Совет мудрецов Торы в качестве полноправного члена.

стоит за указанными заявлениями, свидетельствует израильская пресса. Корреспондентка газеты «Гаарец» Н. Мендлер, которая побывала на «съезде» женской лиги этого движения, приводит такое решение палестинской проблемы, выдвинутой на «съезде»: «ООП — это гидра, которой нужно отрезать голову, а заодно и ее приятелям — арабам и коммунистам»¹.

Следует в этой связи отметить, что оголтелый антикоммунизм и шовинизм неизбежно оборачиваются морально-политическими издержками, особенно в глазах прогрессивно настроенной международной общественности. Да и внутри страны такой подход оборачивается для клерикальной верхушки новыми политическими кризисами и разногласиями среди самих клерикалов.

Мировоззренческая доктрина партий ортодоксального иудаизма покоится на мистификации и мифологизации окружающей действительности, которые, как подход, перенесены целиком и без всяких изменений из Талмуда. Судя по высказываниям ряда представителей раввинских кругов из стран Западной Европы, хотя они и исходят в своих суждениях о политических реалиях современного мира, казалось бы, из схоластики в духе Маймонида-просветителя², тем не менее окончательно выработанные идеологические установки своим сторонникам они дают в понятиях средневековой мистики.

И неудивительно, что анализ израильской прессы фиксирует за последние десять лет резкий скачок интереса к проблематике Талмуда. Почему именно Талмуд? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обозначить ту роль, которую отводят Талмуду современные лидеры иудаизма, особенно его консервативного крыла. Талмуд

¹ См.: Гаарец, 1982, 10.VIII (ООП — Организация освобождения Палестины. — Прим. авт.).

² Маймонид (Моше бен Маймон) (1135—1204), — еврейский средневековый философ. Главный философский труд — «Путеводитель колеблющихся».

рассматривается ортодоксальными теологами и раввинами как система ценностных установок для формирования у верующего оптимального, с их точки зрения, поведения. Так, раввин Х. Воложинский считает Талмуд «руководством к действию», поскольку он содержит этические принципы иудаизма, рассчитанные специально на ориентацию верующего, регламентирующие его повседневную духовно-религиозную жизнь.

Сама суть этого религиозно-культурного памятника такова, что его содержание постоянно обновляется от века к веку. Возникнув в седой древности, он обрел свою историческую форму в средневековье, но и после этого продолжает пополняться все новыми комментариями и толкованиями. Современное понятие «Талмуд» поэтому охватывает деятельность многих поколений теологов и раввинов, включая и представителей ортодоксального лагеря в иудаизме. Вот почему для ортодоксов Талмуд — не только исток, первоисточник верования, но и их собственное живое дело. Таким образом, существо современных определений иудаизма выглядит в интерпретации его адептов как система ритуальной практики и, что самое главное, как следование предписаниям морально-этического порядка, которые основываются на Ветхом завете, на Талмуде и Каббале, тесно взаимосвязанных между собой, а также на обширной раввинской респонсе (разъяснении, толковании).

Лидерам ортодоксального иудаизма учение Каббалы и Талмуда нужно сегодня для того, чтобы, как указывал американский раввин Беркович, приспособить «галаху» к реалиям научно-технической революции. Нужен им мистицизм еще и для того, чтобы придать своим построениям моральную привлекательность. Исследователи истории Мишны¹ считают, что Талмуд — это не просто ан-

¹ Мишна — толкование Торы, весь материал толкований рассматривался как вторичный закон (Мишна). Вместе с Гемарой Мишна образовала Талмуд.

тология достижений литературного творчества, но это еще и сам процесс этого творчества, схваченный в его историческом, политическом и правовом контекстах. Другими словами, Талмуд — это своеобразная шкала ценностей. На основе Каббалы и Талмуда современные идеологи иудаизма пытаются придать своим доктринам видимый практицизм. Они доказывают, что иудаизм — религия, которая стимулирует социальную активность верующих, и стремятся приспособить свою идеологию к современной политической и социальной действительности промышленно развитых капиталистических стран, хотя точнее было бы сказать, что они приспособливают сегодняшние реалии к своим идеологическим построениям. Весь фокус в том, что сами установления и принципы отношения к действительности они мифологизируют, отрывают от реальной жизни и толкуют в духе мистицизма Каббалы.

Стремясь представить иудаизм религией, которая стимулирует социальную активность верующих, современные апологеты этой религии утверждают, что догматы иудаизма никогда якобы не были определяющими элементами вероучения. Здесь, однако, со всей категоричностью следует подчеркнуть, что какие бы влияния тот или иной теолог иудаизма ни испытывал, он никогда не отходит именно от догматики Талмуда и Каббалы. В этом ключ к пониманию сути мистицизма идеологии и политической практики ортодоксального иудаизма. Меняются лишь методы проведения в жизнь идейных установок иудаизма. Другими словами, предполагается заведомое признание того факта, что любое понятие или принцип подхода к объективным изменениям внутри страны и на международной арене в процессе формирования идеологической доктрины претерпевают качественное изменение, приобретая символический смысл в повседневной литургической практике раввината. Поэтому для клерикальных партий и организаций наибо-

лее приемлемым является гомилетическая форма¹ истолкования социально-политической жизни Израиля.

В качестве примера можно обратиться к резолюции политической комиссии «Великого собора» партии «Агудат Исраэль»: «Великий собор обращается с мирным словом к иноверцам с призывом вырвать ненависть из своих сердец, так как святая земля (Палестина) — это земля Лани (Эрец Цеви)»². Если рассмотреть эту гомилию, то ее смысл в следующем: количество букв в древнееврейском названии Палестины равновелико тетраграмме имени бога — «Элох даат», то есть бога мыслящего, который, по учению каббалистов, воплощает и Христа, и Мухаммеда, и Будду в одном лице.

Американский раввин Норман Лам считает, что ортодоксальный иудаизм призван разрешить основную причину раскола между Западом и Востоком. Именно с помощью гомилетики. Для этого «ортодоксы должны найти ответ в духе традиции»³. Иудейские клерикалы видят решение вопроса в особой миссии иудаизма в мире.

Еще в начале XIX века доктор философии Главный раввин Франкфурта-на-Майне Самсон Гирш извлек на свет доктрину о поэтапном обращении в иудаизм всех иноверцев, в том числе и христиан. И именно последним он отводил основную роль в подготовке почвы для подобной миссии иудаизма. Раввин Э. Шах, выступая на «Великом соборе» (1980), отметил: «Дом крепок не толь-

¹ Гомилетическая (гомилетика — часть богословия, рассматривающая правила церковного красноречия, проповеди) форма практики клерикальных партий Израиля представляет собой устную пропаганду с амвонов синагоги позиции лидеров этих партий по тем или иным вопросам внутренней жизни Израиля. Особенно широко практикуется эта форма главным раввином сефардийской (евреи, потомки выходцев с Пиренейского полуострова; говорят на близком к испанскому языку ладино) общины Израиля Овадией Йосефом на посту главы Верховного суда.— Прим. авт.

² См.: Гамодия, 1980, 15.1.

³ Dimension of Orthodox Judaism, p. 267.

ко изучением Торы, но и ее распространением среди иноверцев»¹.

Вся раввинская гомилетическая литература придерживается этой точки зрения, утверждая, что ключевой элемент иудаизма — богослужение направлено на «обращение народов мира» как высшей цели. Клерикалы используют построения «этического монотеизма», сводящего содержание иудаизма к универсальной этике, в конечном счете — к десяти Моисеевым заповедям, провозглашенным «хартией человеческой свободы».

На практике, как свидетельствует раввин М. Земер, многие евреи в Израиле, особенно молодежь, стремятся педантично соблюдать заповеди иудаизма, получать образование в особых духовных учебных заведениях и т. д. В этих условиях лидерам ортодоксального иудаизма мистицизм Каббалы нужен для того, чтобы обрести проповедническую гибкость. Атмосфера религиозного фанатизма в современном Израиле толкает даже ученых на путь проповеди. Так, в 1976 году группа профессоров из университетов Тель-Авива, Хайфы и Иерусалима выпустила специальный манифест о необходимости использования молитвы в научных изысканиях.

История свидетельствует, что всякий раз, когда усиливается социальная активность трудящихся и классовая борьба становится особенно острой, активизируются и клерикальные партии и их организации. По мере того как народные массы начинают играть все возрастающую роль в политической жизни, становятся все более сознательными в классовом смысле, усиливаются и попытки правящей буржуазии внести раскол в эти массы, подчинить их своему влиянию и даже превратить в орудие своей политики, используя все средства, в том числе и такие чисто религиозные средства воздействия на сознание людей, как проповедь. Именно поэтому К. Маркс и Ф. Энгельс всегда указывали на необходимость всесто-

¹ См.: Гамодия, 1980, 8.1.

ронней критики тех извращенных идеологических форм, включая религию, которые довлеют над людьми в оценке исторических явлений. Это в полной мере относится и к реакционной идеологии и литургической практике ортодоксального иудаизма, принимающих зачастую форму «безобидных» и «мирных» проповедей о тех или иных острых проблемах социальной жизни в Израиле.

Советский исследователь Г. Л. Баканурский отмечал, что «клерикальные партии и организации, эксплуатирующие религиозные чувства трудящихся, их суеверие и предрассудки, не могут сколь угодно долго опираться на поддержку верующих масс, ибо интересы последних противоречат целям клерикальной политики»¹. Именно поэтому иудейский клерикализм в Израиле использует в своих интересах как квазиполитические партии, вроде «Агудат Исраэль», так и систему раввинских организаций, пользующихся доверием населения. Они становятся главным каналом насаждения мистицизма в стране. Усилению влияния раввинских учреждений способствовало избрание в 1983 году двух новых главных раввинов: Мордехая Эльягу и Авраама Шапиро. В специально принятой на 6-м «Великом собрании» резолюции комиссии по религиозному образованию и распространению Торы указано, что на исполком партии «Агудат Исраэль» возлагается обязанность содействовать созданию школ «Талмуд — Тора», которые бы занимались мистико-политической апологией Талмуда и Каббалы с позиций раввината с целью подавить в широких кругах народных масс верующих как в Израиле, так и в Западной Европе чувство политической ответственности за события на Ближнем Востоке, затрагивающие интересы всего человечества.

Для этого и созданы клерикальные партии иудаизма, вроде «Агудат Исраэль», в лице которых империалистическая буржуазия имеет экономического, политического и идеологического союзника.

¹ Баканурский Г. Л. Иудаизм и современность. М., 1978, с. 36.

В клерикальных партиях неизбежно появляется авантюристически настроенная группа, которая начинает добиваться диктаторской власти под экономическим, политическим и идеологическим покровительством буржуазного государства. Только в 1979 году 67 высших духовных академий уже упомянутого движения «ХАБАД» хасидизма получили от правительства Израиля 30 млн лир¹! И несмотря на рост влияния ортодоксального иудаизма, правительство Израиля продолжает финансировать строительство все новых и новых синагог. В городе Лоде в 1979 году синагога «Бет Ахарон» получила 150 тыс. лир, синагога «Бет Арье» — полмиллиона!

Неудивительно поэтому, что вся жизнь ортодоксальных иудаистов и сионистов в Израиле погружена в изучение Библии и Талмуда. Улицам в городах и поселках, гостиницам и учебным заведениям присваиваются имена ученых Талмуда. Так, на тихой и неприметной улочке района Баит Ваган в Иерусалиме на первом этаже небольшого особняка разместился мемориальный музей одного из самых видных теологов иудаизма XVI века — Хаима Виталя, который уже при жизни получил титул «царя Израиля». Влияние его настолько велико в современном Израиле, что в 1984 году в стране открыт специальный центр по Каббале, где изучаются его труды.

Правительством Израиля было принято специальное решение о создании на севере страны, в Галилее, так называемого «библейского парка», который должен раскинуться более чем на 700 гектарах пахотных земель, отнятых, конечно, у арабов. Деревья отбираются с учетом того, что каждое растение должно быть аналогом упомянутых в Библии и Талмуде и так или иначе связанным с жизнью патриархов Израиля — Авраама, Исаака и Иако-

¹ С 1948 по 1983 г. основной денежной единицей Израиля был фунт (лира). Позднее был введен шекель (так называлась древняя палестинская монета I—II вв. н. э.). С 1 января 1986 г. введен новый шекель — $\frac{1}{1000}$ прежнего шекеля.

ва. Каждое дерево в таком «парке», его отбор и посадка обойдутся в сотни тысяч израильских фунтов.

Израиль уже давно превратился в настоящий заповедник религиозного мракобесия и обскурантизма. Средства массовой информации — печать, радио и телевидение — превратились в трибуну пропаганды идей Талмуда и Каббалы. В таких кварталах Иерусалима, как Геула и Керен Авраам, религиозные фанатики развернули настоящую охоту за всяким инакомыслящим, будь то еврей, араб или европеец. По сообщениям израильской газеты «Едиот ахронот», жилища атеистов, не соблюдающих субботний день, подвергаются систематическим налетам религиозных фанатиков. Вот хроника повседневной жизни в Израиле. Еще в 1979 году раввин Соломон Друк заявил в кнессете: «Внутри хасидских общин наблюдается усиление агрессивности. Они бесчинствуют в городах» (Гаарец, 1979 7.X).

Депутат кнессета Урия Авнери потребовал от министерства обороны Израиля прекратить бесчинства религиозных фанатиков в Ливане, которые санкционирует и направляет Главный военный раввинат Израиля. Он указал, что военный раввинат снабжает фанатиков оружием и специальными картами (Гаарец, 1982 26.VII).

В канун праздника Судного дня, 12 октября 1986 года, четыре хасида из поселенцев Западного берега реки Иордан, пытаясь проникнуть к могиле патриарха Иосифа, напали на офицеров армии обороны Израиля, в их числе был и военный комендант Западного берега (Бамахане, 1987 15.VII). Подобного рода факты могут, конечно, иметь место только в стране, где и оголтелый шовинизм «освящен» идеями Талмуда и Каббалы. Это оказывает негативное влияние не только на внутривосточную обстановку страны, которая накалена в настоящее время до такой степени, что парламент принял закон, карающий двухмесячным тюремным заключением каждого гражданина Израиля, вступившего в контакт с ООП.

Бумеранг шовинизма и человеконенавистничества, запущенный иудейскими фанатиками, бьет в них самих: в мае 1981 года делегация иудейских ортодоксов из «Нетторей Карта» (Иерусалим) во главе с раввином Гиршем передала в представительство ООН в Иерусалиме протест против погрома, учиненного сионистами в ешиботе «Хуледет Агарон».

Причин подобного рода открытых столкновений лидеров иудейских клерикалов с сионистскими властями Израиля несколько. Среди них можно указать на следующие:

1. Политизация общественного развития, признаваемая раввинами, сопровождается у них мистификацией диалектики развития израильского общества.

2. Перспективу своего политического поведения они усматривают в религиозном миссионерстве. Так, весьма показательным является такое новшество в политической практике партии «Агудат Исраэль», как издание сборников инструктивных указаний для миссионеров, ведущих агитационную работу среди отошедших от иудаизма. Указанные сборники настойчиво рекомендуют миссионерам иудаизма:

а) использовать субботние трапезы для привлечения «возвращающихся в лоно иудаизма»;

б) проводить ежегодные съезды эмиссаров для обмена опытом;

в) организовать курсы по подготовке инструкторов по «возвращению в лоно иудаизма».

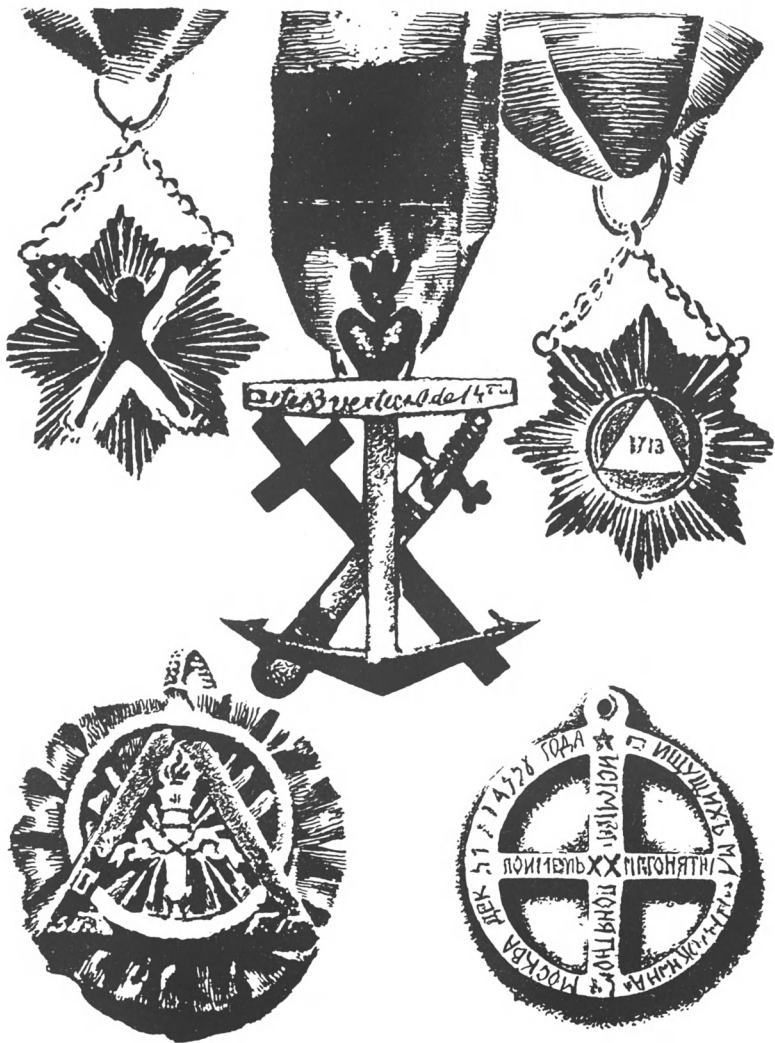
Все это возможно потому, что рядовые члены религиозных партий вообще не знают, что хотят от них лидеры и чем вообще занимаются «партии» и кого они представляют.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что иудейский клерикализм в настоящее время переживает общую идейно-теоретическую и организационную перестройку перед лицом кризиса, охватившего израильское

общество и сионистскую правящую клику. Укрепляя организационные и политические основы своего режима, сионистские правители Израиля все активнее привлекают к политическому партнерству такие партии ортодоксального иудаизма, как «Агудат Исраэль». При этом активно используются и авторитет раввинской верхушки среди определенной части населения Израиля, и специфические формы идейно-политического воздействия раввина на умы верующих (проповеди, миссионерство). Это лишний раз свидетельствует о сужении социально-политической базы сионистского режима в стране, утрате им авторитета среди широких народных масс Израиля. Еврейская крупная буржуазия все больше и больше обращает свои взоры к Главному раввину страны как «наследнику и носителю духовной преемственности», уходящей в глубину веков, к легендарным жрецам Иудеи. Как этапы такого сближения сионистских заправил и раввина можно отметить создание «Гуш Эмуним», заигрывание с лидерами хасидизма и использование в политических целях мистицизма и мракобесия Каббалы. В этом сионистам помогает и богатое богословское наследие иудаизма, то есть Талмуд и Пятикнижие, из которых они черпают идеи экспансионизма, расового превосходства и человеконенавистничества.

Вышеупомянутая резолюция «Великого собора» раввинов (1980) о «мирной» земле Палестины ничего не меняет. Раввинская верхушка, опираясь на репрессивный режим сионистов, конфискует арабские земли под «библейские парки» и т. п., жестоко преследуя арабов. Это обстоятельство заставляет арабских ученых и журналистов видеть в Главном раввине страны силу, несущую угрозу всем народам Ближнего и Среднего Востока.

В этой связи актуальное значение приобретает всестороннее изучение и критика иудаизма с его мистической обрядностью, но с вполне современными политическими претензиями на власть.

Л. П. ЗАМОЙСКИЙ

Три шага в мир масонов

Тайны, секреты и страшные клятвы... Таким уже несколько столетий рисуется загадочный мир франкмасонов — «вольных каменщиков». И надо сказать, что сами адепты закрытого братства или ордена заботливо укрывают его деятельность от посторонних взоров, стремятся блюсти древние правила. Даже внутри своего движения они строго отмеряют полочки и ступени, при восхождении по которым «избранным» открываются «истины» и «мудрость мира».

Посвящения вначале в «ученики», «подмастерья», «мастера» и затем более высокие ступени (их 33, а кое-где даже 99) сопровождаются магическими ритуалами. Только из уст в уста — всегда постепенно, всегда после «испытаний», передаются детали масонской доктрины, камешки ее мозаики. Причем сегодня вам могут сказать, что главное в учении «каменщиков» — «свет», а завтра — «тьма». Метод погружения в мистику именуют затейливым словом «эзотеризм».

Не мудрено, что вокруг существа движения возникают догадки и легенды, кипят споры, принимая порой острые формы. Одни утверждают, что масоны чуть ли не вездесущи. Другие называют «скверным анекдотом» попытки придавать влиянию масонства особое значение, считают изучение их истории и деятельности вздорным занятием.

Тот факт, что ряд десятилетий тема эта в нашей исто-

рической и общественной науке игнорировалась, обходилась, отсутствовали конкретные, серьезные исследования, способствующие прояснению представлений о феномене, только усилил накал страстей. А нужда разобраться в нем, на наш взгляд, есть. В этот бурный, во многом трагический век воочию можно убедиться, скольких страданий и жертв стоят человечеству некоторые тайны. Тайны, в которых рождаются доктрины «избранности», господства одних народов над другими, нетерпимости, крестовых походов, возникают фашистские режимы, развязываются мировые войны.

Позвольте, скажет читатель. Разве можно ассоциировать с такими явлениями масонов? Разве не в их рядах были блестящие просветители, такие, как Вольтер и Руссо, писатели ранга Гёте и Байрона, композиторы Моцарт и Гайдн? Разве не были написаны на их знаменах слова свободы и равенства, братства и справедливости? Разве не были масонами Пушкин и декабристы? Разве не заботились они о духовном совершенстве человека, взаимопонимании народов?

Да были. Да, заботились. Были Гарибальди и Боливар, люди отзывчивого, горячего сердца. Но были и монархи, палачи революции. Есть и остаются капитаны капиталистического мира, банкиры, военные, полиция. Что их соединяет? Почему масоны сами создают вокруг себя ореол секретности? Почему в заметном противоречии находятся порой их слова и дела? Скажем, утверждение, что они «не занимаются политикой», в то время как во главе правительств многих западных стран стоят члены тайного братства, они руководят политикой, определяют ее?

Разумеется, ответы на эти вопросы нелегки в силу той завесы секретности, о которой говорилось. «Прежде всего исследователь сталкивается с проблемой организованной секретности», — сетовал Стивен Нэйт, английский журналист, чьи попытки разобраться в указанных проблемах были встречены масонами с нескрываемой враж-

дебностью. Один из высших руководителей британского масонства, граф Кадоган, даже издал циркуляр, запрещающий «братьям» отвечать на вопросы Найта. «Мы пришли к выводу, что молчание является лучшей практикой»,— говорилось в закрытом коммюнике Кадогана от 10 июня 1981 года. Давалась ссылка на старинные масонские правила — «Поведение в присутствии посторонних немасонов».

«Вы должны быть осторожны в поведении и словах, чтобы даже самый проницательный посторонний не смог открыть или узнать то, что ему не полагается знать».

С большим трудом смогла появиться в свет в 1983 году книга Найта «Братство, секретный мир франкмасонов» — одно из немногих исследований, приоткрывающих «лик Изиды», тайный облик масонства. Найт не долго пережил появление своей книги. Беспокойный и любознательный автор скончался, едва достигнув 33 лет. Не было ли это ценой любознательности? Все же благодаря его труду, книгам ряда других авторов, в том числе и самих масонов, имеется некоторая база, позволяющая взглянуть более конкретно на феномен движения «каменщиков», или, как они себя еще называют, «строителей всемирного храма соломонова» (основной миф масонов — о легендарном Адонираме, строителе храма царя Соломона).

Без малого три тысячелетия отделяют нас от времен царя Соломона и возведения в Иерусалиме храма бога Яхве. Именно тогда, уверяют современные масоны, после убийства великого архитектора храма, Соломон решил учредить всемирный орден, от которого якобы и пошла родословная «каменщиков». Но было бы наивно путать мифы с действительностью. Тогда пришлось бы продлевать генеалогию масонства до «первого масона» — Адама и до сотворения мира, а такие версии тоже имеют и пропагандируются.

Не стоит также впадать еще в одно заблуждение —

принимать современных членов тайного ордена за реальных наследников средневекового цеха «вольных каменщиков», специалистов по строительству церквей и храмов, знаниям и способностям которых Европа обязана многими прекрасными соборами.

Да, многие свои обычаи и легенды члены масонского «братства» почерпнули у тех, чье имя они сделали своим. Но сами себя, в отличие от «оперативных», то есть профессиональных строителей, они называют «спекулятивными масонами», умозрительными, воображаемыми каменщиками, строителями, так сказать, духовного, а не конкретного «храма Соломона».

Одно время — на рубеже XVI и XVII веков — старый, известный традициями средневековый цех и новоявленные «каменщики», надевшие фартуки и взявшие мастерки лишь для декоративных целей, сосуществовали. Кое-где даже входили в одни и те же ложи. Так было в Великобритании, считающейся «матерью» масонского движения. Но в течение ряда десятилетий представители древней профессии, приходившей в упадок, были отодвинуты на задний план, а потом и вовсе исчезли из цехов, или, как более принято было говорить, лож, а их места были заняты представителями преуспевающей буржуазии, а также аристократии и даже королевских семей.

Для большей знатности идеологи движения к строительному мифу прибавили родство «каменщиков» с рыцарскими братствами и крестовыми походами, таким их порождением, как орден храмовников. Под фартуки строителей были таким образом поддеты латы рыцарей. В двойном одеянии масонство стало более приемлемым как для рвавшихся вверх разбогатевших ремесленников, торговцев, лиц свободной профессии, так и для знати. Чем дальше развивалось движение, тем причудливее становилась иерархическая система, о которой мы упомянули вначале. А по имени шотландских рыцарей, которые считаются наследниками остатков ордена храмов-

ников, разгромленного в начале XIV века во Франции, назван ведущий в современном масонстве так называемый шотландский обряд.

Где здесь кончаются мифы и гипотезы, а где начинаются факты? Каким образом в доктринах, которые «братья» передают друг другу, отразились философские и религиозные воззрения разных эпох и народов? Ответы на эти вопросы занимают не одно поколение исследователей. Сами масоны без колебаний объявляют себя носителями универсальной мудрости мира. Будда и Конфуций, жрецы Египта и Греции, а также сторонники Пифагора, обосновавшиеся в Южной Италии более чем за пять веков до нашей эры, различные секты Востока — все они изображаются в качестве предтеч масонства, призваны подтвердить величие Великого Архитектора Вселенной, которому поклоняются «каменщики».

Но для современности важнее ответить на более актуальные вопросы, прорваться через бутафорские декорации и исторические детали к живой сердцевине того, чем занимаются масоны на самом деле, к чему стремятся, куда ведут. Здесь не ограничишься древними фолиантами и чисто научными исследованиями. Зато могут помочь газетная строка, текущая хроника. Через них порой доносятся до читающей публики отдельные импульсы, благодаря которым прорисовываются контуры деятельности этой загадочной организации. 1987 год не исключение. Возьмем только три факта из его богатой истории. Они позволят нам совершить три шага в мир масонов.

* * *

Франция. Газета «Монд» от 14 мая 1987 года сообщает, что Париж принимает участников всемирного слета «братьев». Приглашены во французскую столицу 800 представителей 235 направлений, обрядов, ритуалов масонства из 58 стран мира. В мэрии делегатов встречает Жан Тибери, заместитель мэра. (Сам мэр, он же премьер-министр Франции Жак Ширак находится с визитом в

Советском Союзе.) На следующий день был намечен прием в Елисейском дворце у президента республики Франсуа Миттерана. Встреч такого масштаба Франция не знала с 1889 года, со времени сбора секретного ордена по случаю открытия в Париже Всемирной выставки. По словам Лерэ, великого магистра Великого Востока Франции (так именуется господствующее в стране направление масонства), гостям оказано «признание на самом высоком государственном уровне».

Зачем слетались со всего мира во Францию «каменщики»? Какова тема слета? Тема совпадает с той, которую мы хотели бы осветить в данной статье — «Место франкмасонства в современном мире».

Злободневно? Безусловно. Опровергает «скрытность» ордена? Возможно. Нужно лишь убедиться в этом, разобрав французскую печать. Разбираю, читаю. Ту же «Монд», другие газеты и журналы. И что же? О содержании выступлений, о ходе заседаний — ни строки!!! И это ведь не какая-нибудь, а французская, весьма разговорчивая, пресса...

Но даже та, единственная, публикация «Монд» дает пищу для размышлений, особенно если сопоставить ее с тем, что известно. Прежде всего важно упоминание о том, что масонство во Франции патронируют президент и премьер-министр, которые отражают разные спектры политической палитры — от социалистов до центристов и консерваторов. Это факт не только последних лет. Вот что писал французский журнал «Пуэн» от 9—15 декабря 1985 года: с 1879 по 1931 год пять президентов Франции, а с 1875 по 1967 год — 22 премьер-министра были масонами. Не менее десятка их насчитывалось в различных кабинетах социалистов последнего периода. И самое любопытное — когда накануне политических выборов во Франции в марте 1986 года обозначилась возможность победы правых, переход власти от левых к правым полюбовно решался с участием масонской верхушки Фран-

ции. В Елисейском дворце, отмечал журнал «Нуфель обсерватер» в обзоре «Власть франкмасонов», пять ведущих масонов, друзей президента, включая великого магистра Лерэ, обсуждали с Миттераном вопрос о том, кому из лидеров противоположной стороны в случае победы оппозиции предложить пост премьер-министра.

О чем говорит этот факт? Масонство выступает практически как интегратор сил политической элиты, охватывая все фланги политических группировок буржуазии. Этот эпизод демонстрирует общеполитическую сущность тайной организации масонства, ее надпартийность. Характерно, что в Национальном собрании Франции масоны, независимо от партийной принадлежности, объединены в «братскую» ассоциацию — «фратернель». В прежнем составе французского парламента в нее входило 120, в нынешнем — 90 депутатов. Вместе с парламентскими журналистами «фратернель», однако, по-прежнему насчитывает 250 активных членов. И проявляет политическую инициативу. Так, в ноябре 1986 года темой дискуссии в масонских кулуарах Национального собрания была французская конституция, основной закон государства.

Как же быть, однако, с утверждением масонов о том, что они «не вмешиваются в политику»? Кстати, согласно статье 1 статута ордена масонов во Франции, цель движения — «благотворительность, изучение всеобщей морали, науки и искусств, практикование всех добродетелей». А статья 318 прямо оговаривает, что масоны «должны строго воздерживаться от всяких споров о политике, правительстве и различных религиозных культах».

Но мы только что видели на конкретном примере, как действует механизм передачи власти от одной организации буржуазии к другой, как орден масонов соединяет то, что в глазах обычных граждан разделено политическими противоречиями. А «обычные» граждане, или, на масонском языке, «профаны», лица стоящие «вне хра-

ма», могут тешиться словесными битвами, выпускать пар социальной напряженности. Зато сохраняется священная привилегия буржуазии — править, властвовать!

Франция, как известно, страна, в которой революционные процессы протекали наиболее бурно в эпоху буржуазных революций в Европе. Здесь сформировались совершенные политические лаборатории, допускавшие приобщение к власти и весьма радикальных партий, даже социалистов, при сохранении правления в руках класса капиталистов.

Традиционно масонство Франции зашло «левее», чем, скажем, позволяли себе британские «братья». Когда здесь был узаконен прием в ложи атеистов, Лондон взбунтовался и объявил Великий Восток Франции «нерегулярной» масонской организацией. Великобритания считается «матерью» движения, поскольку первое исторически достоверное объединение лож имело место в Лондоне в 1717 году. Оттуда движение «каменщиков» распространилось на Европу, Америку, на бывшие колонии¹. Патронирует масонство сама королевская семья.

Но и в туманном Альбионе особая строгость правил, аристократичность обрядов не мешали и даже помогали масонству выполнять сходные функции балансирования между политическими фракциями общества. Здесь исторически отработаны механизмы перекидки власти — сперва от тори к вигам, от консерваторов к либералам, а затем и к лейбористам. Классическим представителем консервативного, имперского масонства был Черчилль. Но столь же классическим масоном — лейбо-

¹ На деле создание первых лож «спекулятивных» масонов относится к более раннему времени. Факты создания таких лож известны уже с 1600 г. А предшественниками их явились представители движения «розенкрейцеров», которое рассматривается как прамасонское. Работой «розенкрейцеров» во многом объясняют ту быстроту, с которой масонское движение охватило другие страны и континенты после его легализации в Лондоне.

ристом, «не портившим борозды», был Эттли, сменивший в 1945 году автора Фултонской речи на посту премьер-министра.

В ряде стран масонство явилось генератором политической жизни еще тогда, когда партии только зарождались. В «Лекциях о фашизме» Пальмиро Тольятти, руководитель Итальянской коммунистической партии, в 1935 году отмечал эту цементирующую роль «каменщиков»:

«Итальянская буржуазия имела одну объединенную политическую организацию в лице масонства, которая, однако, не была политической партией. До войны (первой мировой.— Л. З.) масонство представляло собой единственную унитарную организацию политического характера. Она сыграла выдающуюся роль не только в борьбе за объединение итальянского государства, не только в борьбе за национальное освобождение Италии, но также и в процессе политического объединения различных групп итальянской буржуазии, в усилении влияния крупной буржуазии на слои мелкой и средней буржуазии».

Мистические покровы масонства не могут скрыть его сущности как выразителя интересов буржуазии, класса предпринимателей. Разумеется, эта сущность прикрывается мифологическим и религиозным одеянием «каменщиков». Применяемые ими на обрядах декорации похожи на реквизит сразу нескольких спектаклей, сваленный в одно помещение. Этот набор имеет целью удовлетворить различные вкусы и требования. Его эклектичность облегчает привлечение людей как заметного интеллектуального уровня, так и довольно примитивных — бизнесменов, торгашей, которым льстит изысканное общество. Пышные одежды помогают освящать прибыль — весьма земная цель.

К этим выводам приходишь, читая самих масонских авторов, знакомясь с тем, почему «духовные», «спекулятивные» масоны позаимствовали формы и ритуалы именно у цеха «вольных каменщиков», строителей культовых зданий.

Со строительством храмов были связаны накопление, затрата больших средств, денежные механизмы. Средневековые цехи, каждый по-своему, шли от накопительства к предпринимательству, готовили утверждение буржуазии. Они привлекали живые силы общества, которому становилось душно в мертвящих путах феодализма. Эта буржуазия стремилась сломать одряхлевший строй, искала союзников, мобилизовала интеллектуальные силы. Провозглашая для личности возможность «постичь истину», войти в царство свободы и справедливости, масонство, укрывшееся в ячейках цеховой организации, замкнутой от внешних влияний, сулило эмансипацию и новые права буржуазии, составлявшей главную часть «каменщиков». Молодая, способная, предприимчивая, она множила свои фабрики и заводы, развивала производительные силы, рассматривая философию, сведения о природе, науку, технику не только с точки зрения «чистого знания», а скорее с точки зрения их умелого и быстрого приложения. Ей нужно было такое строение общества, которое давало бы максимальный простор для приложения капитала, сняло бы перегородки устаревших привилегий. Ей нужна была такая религиозная система, которая освящала бы предпринимательство, видела в нем «промысел божий». Нужен был простор для завоевания географических просторов, освоения богатств в интересах нового динамичного класса.

Вот почему с первых шагов масонские ложи, как отмечает итальянский историк (и масон) Франкоччи, «старались привлечь к участию прежде всего высшие слои финансистов и делового мира». А рождение «братства», по его словам, «было связано с сознанием, что

необходимо наконец построить мир на новых экономических и социальных основах».

Форма общества, прикрытого тайнами извне и способного проникать повсюду, где находятся центры власти, где можно иметь доступ к верхним этажам общества, влиять на них, была на редкость удачно найдена в секте «каменщиков», в ее философии и программах, помогавших буржуазии добиваться власти под флагами «всеобщего равенства», «прав личности», идей «вечного разума», лежавших в основе масонских доктрин.

«...Этот вечный разум,— писал Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге»,— был в действительности лишь идеализированным рассудком среднего бюргера, как раз в то время развивавшегося в буржуа»¹. И тем не менее поднимающийся класс буржуазии был революционным.

Только революционность эта была половинчатой, и движение масонства, охватившее различные этажи общества Старого Света, отчетливо отражало двойственный характер революций, приводивших к власти буржуа на смену феодалам. Идеологи масонства считали наиболее разумным такое устройство человечества, при котором миром должны править «избранные», «благородные». Капитал, золото возводились в высший символ человеческой деятельности, становились определителем «способности». «Современное общество...— отмечал К. Маркс,— приветствует золото, как блестящее воплощение своего сокровеннейшего жизненного принципа»².

Масонские ложи допускали в свои ряды лишь лиц с солидным положением. Вот одна из инструкций о приеме во французские ложи накануне революции: принимаемые «должны принадлежать к свободным сословиям, быть хозяевами своей личности. Если кто-то из домашней прислуги и может быть принят, то лишь как «брат-слуга», чтобы обслуживать «храм»... Нельзя допускать никого, кто занимал бы низкое и подлое положение.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 267.

² Там же, т. 23, с. 143.

Редко можно принимать ремесленников, даже в звании мастера... Никогда нельзя принимать рабочих, хотя бы и достигших звания подмастерья...» (французский журнал «Истуар», октябрь 1982 г.).

Эти взгляды характерны и для «властителей дум» периода подготовки французской революции, например, Вольтера. «Никогда никому не приходило в голову,— писал он Д'Аламберу,— просвещать сапожников и слуганок. Разум восторжествует, но у людей благородных. Канальи созданы не для него». В другой раз он откровенно замечал: «Народ всегда безвкусен и груб; это быки, которым нужны ярмо, погонщик и корм».

Вольтер, Д'Аламбер, Руссо, Дидро, Дантон, Гудон, Монгольфье входили в две головные ложи, готовившие предпосылки для революции 1789 года — ложу «Энциклопедистов» и ложу наук», известную и как «ложе девяти сестер». В последнюю входил и посланец Америки Бенджамин Франклин.

Их деятельность соответствовала «педагогической функции», которая свойственна масонству на ранних этапах, предшествующих крупным потрясениям. Как отмечал упоминавшийся историк Франкоччи, в этот период масонство обучает свои кадры, вырабатывает доктрины, распространяет их в обществе.

Затем наступает фаза действий. Тут масонство берет на себя практическую, организационную функцию. «Как секретное общество оно завершает один цикл и приступает к созданию ассоциаций, которые и осуществляют то, что зрело в сознании». (Добавим к словам Франкоччи — «то, чему они помогали вызреть в сознании». — Л. З.)

Здесь,— уточняет итальянский автор,— требуются уже не отдельные «посвященные». Нужны многочисленные ряды, фаланга, которая сперва движется медленно, а затем уже неудержимо, внушая страх. И тогда — божья гроза!»

Хотелось бы обратить внимание на неравноправие внутри самого масонства. Иерархичны не только степени посвящения в нем, но и сами масонские организации. Ложы делятся на низшие, более высокие — капитулы, избранные ложи. На самом верху обычно восседает Высший совет масонства. Такое строение делает действия масонства хорошо скоординированными, запланированными. Так, к примеру, почти все лидеры Французской революции, включая Робеспьера, Марата, Сен-Жюста, Демулена, были масонами. Многие из них были душой событий, горячо верили в идеалы равенства, свободы. Но удивительно быстро оказались под ножом, названным по имени их коллеги — масона Гильотена. Политические схватки оказались куда более грозными, чем энциклопедические споры. А интересы нового класса — более настоящими, чем свободолюбивые иллюзии ряда вождей революции. И они были растерзаны. После того как «мавр сделал свое дело», его поторопились убрать.

Гении и герои, необходимые для того, чтобы из недр старого общества родилось новое, разбить оковы, более были не нужны. Буржуазии нужнее были банки и пушки, чтобы охранять свое богатство от народных масс. Теоретики и практики свободы становились не только ненужными, но и опасными.

Иногда приходится читать, что вначале масоны и их тайные общества были радикальными, либеральными, а потом поправили, стали реакционными. Но явление это легче осознать, если иметь в виду буржуазный характер масонства, его капиталистический нерв. Поправила и сама буржуазия. Вместо героической фигуры Гарибальди на посту великого магистра итальянского масонства оказался банкир из Ливорно Лемми. А власть в объединенной с помощью Гарибальди и Мадзини Италии была отдана монархам Савойской династии, принадлежавшим к тем же «каменщикам». Во Франции и других стра-

нах масоны явились удобнейшим тормозным механизмом, обеспечивавшим компромисс между победившей буржуазией и сохранявшей влияние аристократией, монархиями. Сыграв на первых порах прогрессивную роль, теперь они играли роль контрреволюционную, реакционную. Но это было заложено, как мы видели, в их доктринах еще на заре масонского движения.

Хотя сохранялась общность их доктрин, погоня за рынками, колониями, завоеваниями империи капитала, пришедшие на смену феодальным государствам, разделили «братьев» на национальные квартиры. Но мы видим их по-прежнему впереди при каждой дележке рынка, драке за территории. Поблекли их знамена, героические эпохи остались позади, все меньше в их рядах оказывалось выдающихся деятелей культуры. Если уменьшился культурный ореол масонства, то политическая, экономическая его мощь, наоборот, во многих странах окрепла.

Старые формы тайной организации оказались удобными и на случай схваток, и на случай компромиссов. Масонство исправно несло свою службу буржуазии и на новых стадиях развития, на фазе формирования монополий, трестов, а затем и транснациональных компаний.

Пожалуй, наиболее опасной для судеб человечества в развитии капитализма на его последней стадии была кристаллизация наиболее изуверских форм подавления рабочего класса и прогрессивных организаций, апология расизма, вплоть до «арийского» господства. Связь наихудших форм реакции, фашизма с тайными обществами, в том числе и масонами, требует особого рассмотрения. Сложилось мнение, будто, орудуя лозунгами борьбы с «иудейско-масонским заговором», нацисты являлись непримиримыми противниками масонства, его антагонистами. На деле же многие нити связывали фашизм с масонством. «Черный орден» эсэсовцев, мистическая кухня фашизма вдохновлялись изысканиями ряда изуверских масонских лож, вроде «Золотого рассвета» анг-

личанина Кроули или пангерманского общества «Туле», руководители которого как раз и способствовали захвату власти в Германии Гитлером.

Фюрер позаботился лишь о том, чтобы отсечь либеральную ветвь масонства, взяв на вооружение «сверхчеловеков» теории «избранности» и форму тайного ордена. Что касается Муссолини, то он и 45 других иерархов фашистского режима являлись «каменщиками» из наиболее реакционного филиала итальянского масонства — крыла «площади Иисуса».

Мы вспомним о них, когда коснемся печально знаменитой ложи «П-2» и ее магистра Джелли. А сейчас вернемся к событию, которое примерно на пару недель опередило парижский слет масонов.

23—26 апреля 1987 года на севере Италии в фешенебельной вилле Д'Эсте, расположенной близ озера Комо, проходили заседания Бильдербергского клуба. Клуб этот собирается раз в году. В него входят более ста наиболее влиятельных лиц США и Западной Европы. Заседает он, как правило, в отелях, принадлежащих Ротшильдам либо Рокфеллерам. Собственно, и свое имя он получил по названию отеля «Бильдерберг» в Остербеке (Голландия), где в 1954 году состоялось его первое совещание.

На этот раз счета виллы Д'Эсте были оплачены концерном ФИАТ, хозяин которого Джованни Аньелли вместе с американским мультимиллионером банкиром Дэвидом Рокфеллером является постоянным членом руководящего комитета клуба.

Охранную службу вокруг виллы Д'Эсте помимо частных телохранителей несли 250 полицейских и карабинеров. Все, что ввозилось в старинные ворота виллы, включая доставленные с Сардинии грейпфруты и лангусты, тщательно осматривалось. Столь же тщательно контролировалось все, что выходило за ворота виллы,

а именно содержание трехдневных обсуждений. Отсюда можно было видеть, какое внимание участники совещания уделяли каждому сказанному ими слову, какой вес в их глазах имело то, что происходило за закрытыми воротами. «Главная особенность совещаний «Бильдербергов»,— писал итальянский журнал «Эпока»,— это как раз полная секретность, как если бы речь шла о масонской организации 2000 года».

Почему же «как если бы»? Бильдербергский клуб как раз и является масонской по своей сущности организацией, причем очень высокого уровня.

Практика замкнутых элитарных клубов для высших кругов буржуазии связана с масонскими традициями. Они могут быть внутренними, то есть действующими в рамках одной страны, такие, как, например «Никкербоккеры», «Богемцы» и другие клубы США, в недрах которых монополисты устраивают смотрины лицам, которых прочат на высшие государственные посты, в том числе и в президенты. Это могут быть клубы с военно-промышленным уклоном, вроде английских «Карлтона» или «Атенеума». Ряд клубов носит международный статус. Они просвещают своих членов о важнейших явлениях в мире, налаживают элитарные связи между континентами. В их числе «Ротари» с его символом зубчатого колеса, заставляющего, как можно догадываться, вращаться прочие механизмы мира. Известен клуб «Лайонз» («Львы») и другие, состоять в которых для воротил бизнеса не только престижно, но и необходимо в практическом, деловом плане.

Все эти клубы свидетельствуют о том, какими негласными механизмами пользуется класс капиталистов для утряски взаимных проблем, выработки своей линии в борьбе против трудящихся, прогрессивных сил. Клубы дают ощущение особой близости. А масонские связи скрепляют данную близость.

Как отмечал К. Маркс, «капиталисты, обнаруживая

столь мало братских чувств при взаимной конкуренции друг с другом, составляют в то же время поистине масонское братство в борьбе с рабочим классом как целым»¹.

Бильдербергский клуб — пример «масонского братства» в планетарном плане. Идея его вызревала в конце второй мировой войны. Соединенные Штаты обдумывали тогда, каким образом использовать ослабление европейских конкурентов для их привязки к Вашингтону, как закрепить плоды победы, чтобы контролировать и направлять политику тех, кто отныне был обречен стать американскими союзниками.

Надо было помешать усилению прогрессивных тенденций в Западной Европе, максимально объединить все силы, способные совместно с США выступить против Советского Союза, сил социализма.

Эта задача возлагалась на тридцать третьего по счету президента Трумэна. По совпадению он вместе с государственным секретарем Маршаллом являлся масоном 33-й степени, наивысшей для англосаксонского («шотландского») обряда. Вместе с мозговым штабом монополий Трумэн готовил важнейшие шаги, ведущие к конфронтации с Советским Союзом. Черчилль приезжал к Трумэну, чтобы согласовать манифест «холодной войны» — Фултонскую речь, которую позже он произнес в присутствии американского президента. Маршалл объявил об осуществлении плана экономической привязки Западной Европы к США. И наконец, был провозглашен Североатлантический союз, НАТО, военно-политическая организация, чья направленность против Советского Союза не вызывала сомнений. Напомним, что США обладали монополией на атомное оружие. Когда Трумэн отдавал приказ о его использовании против Японии, это мыслилось и как устрашающая акция против Советского Союза.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 1, с. 217.

Мы далеки от того, чтобы утрировать, выделяя масонские моменты в деятельности администрации США. Однако само формирование этой страны, выработка основных линий ее политики связаны с деятельностью «братства». В этом нетрудно убедиться, посетив масонский музей Джорджа Вашингтона, ставшего первым президентом-«каменщиком», или заглянув в масонскую печать США, в которой постоянно подчеркивается роль «братства» в выработке конституции страны и в других важнейших событиях американской истории.

Какие аспекты деятельности своих ставленников на этих постах масонские издания выделяют в первую очередь? Трумэну, например, по случаю 100-летия со дня рождения журнал масонов «Эмпайр стейт мейсон» ставил в особые заслуги следующий список деяний:

«Обожаемый Мастер, Брат Трумэн стал 33-м президентом США и 13-м членом Братства на этом посту.

За этим последовали волнующие этапы завершения второй мировой войны, включая атомную бомбардировку Хиросимы и Нагасаки... объявление доктрины Трумэна для Греции и Турции, за которой последовал план Маршалла, признание нового государства Израиль, берлинский авиамост, заключение Североатлантического договора, корейская война, а также «холодная война», которая отбросила свой ледяной отблеск на события, происходившие в большую часть пребывания его во главе администрации США».

В рамках той же политической логики родился и Бильдербергский клуб. Его формирование заняло два года — с 1952 по 1954-й. «Западный мир с беспокойством наблюдал за усиливающимся непониманием между Европой и Соединенными Штатами, и в то же время нужно было срочно найти меры для противодействия коммунизму... — говорилось в документе клуба. — Нужно было ликвидировать разделявший нас барьер — Атлантический океан».

Создание клуба происходило под руководством Центрального разведывательного управления США. ЦРУ, как известно,— это не только и не столько разведка, сколько орудие государственной политики США, осуществляемой негласными путями, путем тайных операций. Верхушка ЦРУ укомплектована по тем же масонским принципам и, как правило, из той же среды «каменщиков», что и руководство США. Бывший агент ЦРУ испанец Гонсалес-Мата в книге «Невидимые властители», вышедшей в 1979 году в Париже, приводит список лиц, которые после второй мировой войны играли ведущую роль в руководстве международной масонской сетью на службе США. Вот его начало:

«Аллен Даллес, основатель ЦРУ, франкмасон шотландского обряда.

Джозеф Ретингер, дипломатический советник польского эмигрантского правительства в Лондоне в годы второй мировой войны, секретарь «европейского движения», затем генеральный секретарь Бильдербергского клуба, франкмасон шотландского обряда.

Манлио Брозио, итальянец, генеральный секретарь НАТО, франкмасон шотландского обряда». Список этот включает Личо Джелли, но об этом ниже.

А пока отметим, что итальянский журнал «Эпока», кстати, далекий от прогрессивных взглядов, приводит свидетельства того, что Бильдербергский клуб был в числе организаций, которые получали деньги от ЦРУ. Вполне вероятно, что сейчас клуб обходится собственными средствами. Ведь основными его пайщиками являются крупнейшие монополии мира. Так, на совещании в вилле Д'Эсте были представлены «Юнилевер», «Эксон», «Филипс», ИБМ, «Нестле», ФИАТ, «Монтэдисон». Там находились Томас Джоунс, президент «Нортроп корпорейшн», крупнейшего военно-промышленного треста США (сам президент — специалист по ракетам и самолетам), Паоло Дзаннони, вице-президент «Дифенс си-

стем», отделения ФИАТ в США. Туда же пожаловали генеральный секретарь НАТО лорд Каррингтон, бывший главнокомандующий вооруженными силами НАТО в Европе генерал Роджерс, итальянский генерал Каллигарис. С ними сошлись бывший председатель совета управляющих федеральной резервной системой США П. Волкер, банкир Д. Рокфеллер и бывший заместитель госсекретаря США Д. Болл. Сюда следует прибавить и почти неизменного участника совещаний клуба бывшего государственного секретаря США Генри Киссинджера. Монополисты, военные, банкиры, политики высших эшелонов власти.

Все они могли бы пополнить список франкмасонов Гонсалеса-Маты, который мы привели чуть выше. Люди такого калибра, конечно, не могли собираться только для радости взаимного общения. Правда, клуб всячески подчеркивает, что «не предусматривает никаких прямых акций», а лишь «пытается наметить общие решения». Тем не менее его рекомендации незамедлительно принимаются к руководству. На его заседаниях было, например, предопределено создание «Общего рынка». За сессией клуба в Межеве (Франция), где рассматривалась ситуация в Португалии, создавшаяся в связи с революционными событиями, последовала попытка реакционного путча Спинолы. Темы обсуждения в клубе разнообразны — финансы, торговля, предпринимательство и его отношения с государственным сектором. Но доминантой остается один вопрос — Советский Союз, прогрессивные тенденции в мире. Тема эта — зубная боль для штаба международных монополий. Она кочует из одной повестки дня клуба в другую. Меняются лишь формулировки.

1954 год. «Защита Европы от коммунистической опасности».

1955 год. «Коммунистическое проникновение на Запад: ответная позиция».

1956 год. «Антизападные блоки: коммунистические подрывные действия в Азии».

1958 год. «Будущее НАТО. Западный мир и СССР».

1961 год. «Новые меры по обеспечению руководящей роли Запада. НАТО и ядерное оружие».

1964 год. «Атлантический Союз и происходящие в нем перемены. Развитие внутривосточной обстановки в СССР и возможная новая советская позиция».

С момента, когда в СССР началась перестройка, связанные с ней процессы гласности, демократизации, когда Советский Союз выступил с инициативами, которые повернули общественное мнение в мире к перспективе ядерного разоружения и вызвали волну интереса и симпатии людей всего мира к нашей стране, клуб, созданный, чтобы «ликвидировать Атлантический океан», то есть привязать европейских союзников по НАТО к США, как бы вновь был рассечен Атлантикой. Проводники линии военно-промышленного комплекса США призывали своих коллег не замечать советские инициативы, перестройку, расширять гонку вооружений все дальше и выше — в космос. Их лозунгом остается название издания одной из монополий США, агитирующей в пользу звездных войн, — «Деньги с неба».

Капитаны западноевропейской индустрии, многие политики стран НАТО, однако, видели своекорыстные американских коллег, их желание и впредь наживаться на гонке вооружений, ущемлять экономические интересы своих союзников, затрудняя им выход на рынки социалистических стран. Западные европейцы обратили внимание на серьезность советских предложений, заключенную в них возможность развивать международную торговлю, полнее удовлетворять запросы рынка.

«В прошлом году на совещании (Бильдербергского клуба.— А. З.) в Шотландии, когда самые могущественные люди мира анализировали будущее нового советского курса,— отмечала «Эпока»,— дело чуть не дошло

до разрыва. И тогда наиболее резко критическую позицию занял Генри Киссинджер».

В 1987 году на берегах озера Комо схватка возобновилась. Вопрос «Стратегия и отношения с СССР» стоял на повестке дня первым. И несмотря на завесу секретности, разногласия вышли наружу. «Они поспорили из-за Михаила Горбачева», — резюмировала «Эпока». По вопросу о гласности, о перестройке, которые постепенно меняют облик СССР, мнения решительно разошлись. Причем очень резко: с одной стороны — твердолобые, вроде Генри Киссинджера («Несмотря на Горбачева, нужно продолжать показывать зубы Советскому Союзу»), а с другой стороны — все те, кто, подобно Ренато Руджиеро, генеральному секретарю МИД Италии, проявляет готовность к сближению.

Вооружаться, показывать зубы — вот ответ заправил НАТО, военных магнатов, того же Киссинджера на насущные проблемы современности, на призывы к новому политическому мышлению.

За исключением некоторых оттенков, картина повторяется и в другом международном клубе — Трехсторонней комиссии. Туда кроме западноевропейцев и американцев входят японцы. Оттого этот важный международный орган, созданный в 1973 году уже знакомым нам Дэвидом Рокфеллером и политологом Збигневом Бжезинским, носит любимую масонами треугольную форму. Как и «Бильдерберги», Трехсторонняя комиссия уверяет, что имеет лишь совещательный, неформальный характер. На деле она еще более амбициозна: ее цель — сплотить три главных центра мирового капитализма, включая азиатский. А на практике, после заверений о совещательности и «неправительственном характере», Картер, например, укомплектовал свою администрацию почти исключительно из членов Трехсторонней комиссии. Бжезинский занял ближайшее место к президенту США, претендуя на формирование ос-

новых линий внешней политики США и Запада в целом.

Причем это была острейшая линия на «отбрасывание» социализма, попытка изменить политический строй в Польше и других странах социалистического содружества. Масонские связи при этом играли значительную роль. От американского масонства, в составе которого функционирует и специальная организация «каменщиков» польского происхождения (не забудем, что формальным главой Бильдербергского клуба тоже был избран поляк и масон Ретингер, а сам Бжезинский — тоже выходец из Польши), нити шли в Париж, к ложе «Коперник», охватывающей польских эмигрантов, занятых подрывной деятельностью против своей страны. Им помогали подкармливать оппозиционеров банк ложи «П-2» и руководитель ватиканских финансистов американский архиепископ, бывший разведчик Марцинкус.

Впрочем, масонско-разведывательные каналы используются не только против социалистических стран. Одной из самых коварных форм является подрывная деятельность США против собственных союзников.

Киссинджер как-то обронил признание, что ЦРУ и правящая верхушка США породили доктрину, которая оправдывала «неограниченное вмешательство, имеющее целью произвести внутренние изменения в странах, которые не угрожали нашей безопасности и которые даже могли быть союзниками Соединенных Штатов». Интересно, что сам Киссинджер и был двигателем этой доктрины «неограниченного вмешательства». Он был причастен к разработке мер по свержению Альенде и утверждению Пиночета у власти в Чили.

Гонсалес-Мата отмечает, что именно Киссинджер прощупывал позиции испанского премьер-министра Бланко незадолго до того, как с помощью ЦРУ в декабре 1973 года было организовано его убийство. Утверждают, что сыграл он неблагоприятную роль и в деле организации заговора по устранению итальянского государственного

и политического деятеля Альдо Моро. Таков человек, призывающий «показывать зубы» Советскому Союзу.

Но чтобы воочию убедиться в том, с какой крайней степенью цинизма масонские организации использовались для «неограниченного вмешательства», обратимся к эпизоду, который позволит сделать третий шаг в микро- и макрокосмос международного масонства.

* * *

21 сентября 1987 года в 9.30 утра порог кабинета женеvского судьи Трамбли переступил «почетный магистр» масонской ложи «П-2» Личо Джелли. Он пришел вручить себя в руки швейцарского правосудия, из которых ускользнул, подкупив стражу тюрьмы Шон-Доллон в августе 1983 года. Попал он в нее в сентябре 1982 года, когда, перекрасив усы и подделав документы, пытался получить в женеvском банке накопленные им за годы «магистерства» десятки миллионов долларов. А сбежал накануне выдачи его властям Италии, где против главы ложи «П-2» был выдвинут длинный список тяжелейших обвинений — от шпионажа до терроризма. Но, пожалуй, главным было заключение специальной комиссии итальянского парламента, установившей, что люди Джелли готовили государственный заговор.

Ложа «П-2» была гигантским штабом заговора. В нее входили министры, депутаты, руководители политических партий. Ее пирамида делилась на 17 секторов специального назначения, среди которых были ведающие финансами, валютой, внешней торговлей и т. п. Больше же всего было людей в секторах военно-репрессивного характера. Здесь оказалась верхушка всех секретных служб Италии, ее жандармерии и прокуратуры, 152 ведущих чиновника министерства обороны, 195 генералов и адмиралов и других чинов, включая начальника генерального штаба. Руководители телевидения, крупнейших газет обеспечивали своим пребыванием в ложе поддержку средств массовой информации. А экономическую и фи-

нансовую мощь обеспечивали руководители ряда монополий, банков, военно-промышленная элита.

Иными словами, здесь были сосредоточены люди, обладавшие огромной степенью власти. Но стремились они к наивысшей, абсолютной власти. Главным препятствием для них были трудящиеся, традиционно сильные в Италии левые партии. Против них и была направлена в значительной степени деятельность «П-2». Чтобы скомпрометировать левые силы, фашистские боевики по заданию Джелли и его штаба организовывали кровавые акции: взрывы, убийства. Ряд акций проводился под маской «красных бригад», куда на руководящие посты были введены лица, связанные с секретными службами. Их руками было совершено в 1978 году убийство Альдо Моро, руководителя христианско-демократической партии, известного государственного деятеля Италии. Крупнейшим преступлением был взрыв в августе 1980 года вокзала в Болонье, города, где сильны позиции коммунистов. 85 человек было убито, 200 ранено. Руководители секретной службы СИСМИ Музумечи и Бельмонте под руководством Джелли фальсифицировали ход следствия, спасая своих людей. Подобной тактики ложных обвинений, сокрытия преступников банда Джелли и секретные службы Италии, подчиненные ему, придерживались и ранее — при взрыве банков, поездов, убийстве демократически настроенных следователей и судей, нащупавших связи между террором и масонами из «П-2».

Подобная политика, получившая название «стратегии напряженности», должна была подвести итальянцев к признанию необходимости жестокой диктатуры. Побольше убийств, террористических актов, жертв. Пусть люди взмолятся. Пусть царство кулака и дубинки покажется избавлением — такова была эта стратегия.

Она была связана с целой серией попыток переворотов, с путчем фашиста Боргезе. Когда прямой переворот стал маловероятным, а выборы показали, что за

правыми идет все меньше итальянцев, Джелли разработал так называемый «план демократического возрождения». По существу, это была перелицовка старых планов. Предусматривалось ликвидировать конституционные свободы, отдать власть «клубу отборных предпринимателей, финансистов, администраторов и судебных работников», то есть ложе «П-2». А группе политиков «числом не более 30—40» предлагалось заняться оформлением решений фашиствующих бизнесменов, банкиров и военных, а также «укреплять связи с международным масонством», читай — масонством США.

Ибо Джелли и «П-2» являлись креатурой американских «братьев». «Над пирамидой «П-2», — читаем мы в докладе парламентской комиссии, — надо представить верхнюю пирамиду, которая и диктовала конечные цели нижней структуре». И хотя масонство США тут прямо не названо, анализ преступлений подрывной ложи в парламентском документе недвусмысленно позволяет назвать адрес хозяев «магистра».

В докладе указывается, что еще в годы второй мировой войны связанные с масонством чиновники в госдепартаменте США, а также в Управлении стратегических служб (УСС), которым руководил масон шотландского обряда У. Донован (он тоже входит в список Гонсалеса-Маты), разработали план перестройки западноевропейского масонства, имея в виду поставить его на службу имперским интересам США.

По наследству от УСС задача перешла к ЦРУ. Эмиссары американской разведки занялись чисткой отрядов европейских «братьев» от «левых», объединением их и приведением к послушанию. Итальянским сектором ЦРУ заведовал масон Фрэнк Джильотти. В начале 60-х годов, когда задача была выполнена, а профашистская группировка «площади Иисуса» соединена с «либералами» из так называемого «Дворца Джустиниани», «американцы, связанные с мафией и ЦРУ, особенно представители ма-

сонства,— писал итальянский журналист Джанни Росси в книге «Во имя «лож»,— отныне держали в руках будущее Великого Востока Италии. Это давало им возможность, как и в первые послевоенные годы, скрытно использовать масонские каналы для воздействия на политические решения в Италии. Для этого было необходимо... создать надежное орудие контроля и давления, способное проникать в самые высокие и тайные круги масонства. Таким орудием стала ложа «П-2»¹.

Почему именно «П-2»? Видимо, потому, что она являлась ложей особого назначения (они есть не только в Италии). Краткая справка: ложа «Пропаганда-2» создана в 1885 году тем самым банкиром Лемми, который сменил Гарибальди на посту великого магистра итальянского масонства. Друг Личо Джелли писатель и сценарист, член ложи «П-2» Пьер Карпи так характеризует ее: «Ложа «П-2» объединяет не только итальянских, но и других масонов, которые благодаря общественным постам, занимаемым ими, ввиду известности своих имен, важности и деликатности своих «светских» функций, образуют элиту как среди собственно масонства, так и в целом в масштабе своих государств». Добавим, что именно в силу «деликатности» их положения списки членов ложи известны лишь великому магистру или лицу, его заменяющему.

Джилльотти добился полного подчинения итальянского масонства Вашингтону. В знак его заслуг ему присвоили звание «пожизненного великого почетного магистра, заслуженного члена высшего итальянского совета шотландского обряда» и дали право постоянно представлять Италию в международном масонском объединении — «Конференции Вашингтона». Однако оставлять кадрового работника ЦРУ высокого ранга руководителем итальянского масонства было уже неудобно. Функции связи с ЦРУ брали на себя по очереди великие мастера Гам-

¹ Росси Д. Во имя «лож». М., 1983, с. 25.

берини, Бателли, потом Сальвини. Для обрисовки их политического лица достаточно указать, что двое из них были фашистскими генералами. Но принадлежность к враждующим фракциям ограничивала их власть. Раздор между «джустинианцами» и «иисусовцами», писавшими друг на друга доносы, отнимал много сил.

Нужен был новый, но достаточно умелый и энергичный человек, который был бы способен без помех и быстро сформировать штурманскую, подрывную ложу, нужную Вашингтону. Таким человеком избрали Джелли. Под опекой американцев бывшего фашистского офицера Личо Джелли, завербованного контрразведкой 5-й американской армии (ею командовал масон Лемнитцер, позже возглавивший НАТО) в 1965 году, приняли в «братство» и ускоренно произвели в масоны высокого ранга. С 1971 года переформированную им ложу стали именовать «Группа Джелли — «П-2». Вскоре он становится ее официальным руководителем — «почетным магистром». Забота о нем Вашингтона переходит все границы — Джелли трижды удостоивается чести, которая в США выпадает только самым избранным: его приглашали на инаугурации — церемонии вступления в президентскую должность Форда, Картера, Рейгана.

Именно этот человек, после длительной отсидки под крылом ЦРУ в Латинской Америке, переступил порог швейцарского суда в ожидании отправки в Италию. Четыре адвоката сопровождали его, добиваясь, чтобы их подзащитного минула тюрьма. «Магистр» выглядел сокрушенным и прижимал к себе объемистое досье. Нет, не тех преступлений, которыми интересуются итальянские суды. Врачебное досье должно было убедить, что Джелли нуждается в операции. Врачи, однако, нашли его состояние сносным. Это была лишь уловка, чтобы выторговать особые условия возвращения. В феврале 1988 года Джелли водворен на родину.

Нет сомнения, что потерянный и возвращенный «ма-

гистр» рассчитал многие обстоятельства последних месяцев. Исчезли два самых опасных для него человека, которые могли бы рассказать о его причастности к убийствам, организации в Италии терроризма, о валютных спекуляциях, коррупции. Синдона, банкир «П-2», по окончании процесса в Милане, где он был приговорен за свои преступления к пожизненному заключению, выпил отравленную чашечку кофе. А вскоре неожиданно скончался флорентийский адвокат Федеричи, он был в курсе связей Джелли с ЦРУ и многое бы мог рассказать.

Не расскажет. Он канул в небытие, как и другой член ложи, журналист Пекорелли, в свое время начавший разоблачать причастность «почетного магистра» к убийству Моро. Пекорелли пристрелили.

Джелли, видимо, будет юлить, вновь шантажировать влиятельных людей, пользовавшихся его услугами. Ему, кроме всего, необходимо как-то восстановить свое репутации, получить доступ к сотне миллионов долларов, нажитых нечестными способами за всю малопочтенную жизнь. И для «верхней пирамиды» масонства США, которое заказывало Джелли музыку, тоже нужно, чтобы «магистр» «отмылся» и ослабил неприятное впечатление, которое грандиозный скандал с «П-2» произвел в мире. С точки зрения «большого брата», заслуги Джелли перевешивают его «грешки». Ведь он был лишь послушным исполнителем воли финансовой олигархии военной верхушки США и НАТО.

Цель оправдывает средства. Таков был лозунг иезуитов. Таков он и у современных масонов. Какова же сама цель? Она совпадает с целями монополий главной страны капитализма. Упрощение? Почитайте отрывок из книги «Дело Джелли», написанной другом «магистра» писателем Пьером Карпи.

«Курс масонских сообществ разных стран, в том числе Италии,— пишет Карпи,— сильнейшим образом опре-

деляется Соединенными Штатами Америки, страны, где масонство наиболее могущественно.

Действия США направлены на защиту НАТО и изоляцию СССР и других стран реального коммунизма¹. Фундаментальными для такой ориентации являются позиции транснациональных монополий, большинство руководителей которых является членами масонства».

Далее Карпи излагает проект переустройства мира, выработанный «под англо-американским влиянием». Фактически это план мирового господства и ликвидации национальных границ, «установление всемирного экономического правительства» под эгидой тех же монополий, которые ставят задачей «подчинить себе экономику социалистических стран».

На каких же критериях должна основываться всемирная власть правительства масонов? «Основным законом... является просто-напросто закон прибыли». Но и здесь предусматривается примат крупного капитала над мелким «вивариумом» капитала. «Над торговлей и промышленностью,— повторяет Карпи затверженный во время поездок в Вашингтон урок,— следует прежде всего установить контроль особых и узких корпораций, отождествляющих собой экономическую, а тем самым прямо или косвенно, политическую власть».

Так звучит проза, на которой говорят магистры масонства. Они давно отказались от лозунгов свободы, равенства и братства, прав человека и перешли к прямой апологии прибыли, диктата монополий во всемирном масштабе, вседозволенности, включая, как это видно из практики «П-2», террор, убийства, шантаж. В международном плане это накопление оружия, агрессия против мирных стран, «крестовые походы», проповедь ядерного Армагеддона, уничтожения «царства зла», каковым именуют социализм.

¹ Мы сохраняем в неизменности стиль автора, позволяя себе лишь выделять отдельные фрагменты его высказываний.— Л. З.

И еще один опус из книги Карпи:

«В этом плане действует Трехсторонняя комиссия... которую считают эманацией масонства США. При Картере она поддерживала курс на использование разрядки, чтобы идеологически отравлять коммунизм. Другие внутри той же организации утверждали, что разрядка идет на пользу Советскому Союзу и что поэтому наилучшим явится курс на наращивание военной силы. Этот тезис восторжествовал со времени прихода на пост президента США Рональда Рейгана».

Вот куда приводят нити событий 1987 года. Они побуждают сделать некоторые обобщения. «Братство каменщиков» влиятельно не само по себе. Масонство, несмотря на те или иные оттенки и колебания, внешний плюрализм, тесно связано с основным делом капитала. Это поистине братство против рабочего класса.

Какова численность «братства»? Масонские источники, в частности ежегодник Гендерсона, приводят для одного шотландского обряда цифру в пять с лишним миллионов. Газета «Монд» повышает эту цифру до шести с половиной миллионов. По ее же данным, Великий Восток Франции, некоторые другие отряды масонства составляют еще полмиллиона. При тщательном сопоставлении цифр можно заметить, что они неполны, занижены, преуменьшают истинную численность тайной армии «каменщиков». По самым осторожным оценкам, их в мире не менее 10 млн. Основные их отряды в Европе и Америке, но немало их и в элите развивающихся стран, бывших колоний.

Это, разумеется, немалое воинство, особенно если учесть, что его сила не столько в числе, сколько в сплоченности, хорошей координации действий, умении действовать на любом фланге. Вспомним: в ложе «П-2» вместе заседали социалисты, социал-демократы, либералы,

христианские демократы и фашисты. Последние составили особо многочисленный отряд. Они были, в частности, представлены натовскими генералами, шефами секретных служб.

Масоны занимаются и подрывной деятельностью внутри рабочего движения, прогрессивных сил. Не раз они стояли за компрометацией наиболее преданных деятелей рабочего движения, пытались проникнуть в коммунистические ряды или расколоть единство левых партий.

С момента создания коммунистического движения его руководители четко определяли свои классовые позиции к масонству как буржуазной силе. К. Маркс и Ф. Энгельс, например, резко осудили в 70-х годах прошлого столетия попытки Бакунина расколоть Интернационал, опираясь на франкмасонскую буржуазную организацию «Альянс социалистической демократии». «Это общество,— писали они,— нагло подменяет своей сектантской программой и своими ограниченными идеями широкую программу и великие стремления нашего Товарищества... Для достижения своих целей это общество не отступает ни перед какими средствами... ложь, клевета, запугивание, нападение из-за угла — все это свойственно ему в равной мере»¹.

Порой приходится встречать утверждения весьма маститых историков, будто в документах коммунистических партий масонство и необходимость борьбы с ним не упоминались. Вопрос этот, однако, обсуждался, например, на II и IV конгрессах Коммунистического Интернационала. В резолюции IV конгресса «Франкмасонство. Лига прав и буржуазная печать» четко оговаривалась «несовместимость коммунизма с франкмасонством». Пребывание в «братстве» приравнялось к враждебной деятельности против партии. «Утайка кем-либо своей принадлежности к масонству,— говорилось в резо-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 329.

люции,— будет рассматриваться как проникновение в ряды партии вражеского агента и наложит на соответственное лицо пятно бесчестия перед лицом пролетариата»¹.

Мы приводили глубокую оценку буржуазной сути масонства руководителем итальянских коммунистов П. Тольятти. После второй мировой войны, когда заметно оживились попытки масонов подорвать единство стран и партий, идущих по пути социализма, на опасное явление обратил внимание мужественный борец против фашизма Георгий Димитров. «Часто общественность удивляется тому,— писал он в газете «Работническое дело» от 22 июля 1946 года,— что известные государственные деятели быстро и на первый взгляд без достаточных оснований меняют свои позиции по весьма существенным вопросам, касающимся нашего государства и нашей нации, или говорят одно, а делают совершенно противоположное.

Для поверхностного наблюдателя это нечто нелогичное и совершенно непонятное. Для тех же, кто знаком с деятельностью разных масонских лож, вопрос достаточно ясен.

Указанные деятели в качестве членов масонских лож обыкновенно получают указания и директивы от соответствующей ложи и подчиняются ее дисциплине, что идет вразрез с интересами народа и страны. Такие болгары утрачивают свою болгарскую волю, теряют свою болгарскую самостоятельность...

Масонские ложи представляют шпионскую и предательскую агентуру иностранных государств,— заключал Г. Димитров.— Они угрожают свободе и независимости нашего народа и нашей страны»².

Слова эти и поныне сохраняют актуальность. События,

¹ Коммунистический Интернационал в документах. М., 1933, с. 348.

² Димитров Г. Соч. София, 1954, т. 12, с. 235—236.

подобные заговору «П-2», демонстрируют опасный характер подрывной деятельности масонов против прогрессивных сил, национальной независимости. Характерно, что и на родине масонов, в Великобритании, целый ряд руководителей лейбористской партии требует очистить администрацию городов, партийный аппарат, полицию от «братьев». Требование чистки выдвинуто и в так называемом Европейском парламенте. Ширятся выступления публицистов на эту тему. Кроме книги Найта исследования по масонству появляются во Франции, ФРГ, Швеции, Финляндии. В Югославии появилось сразу несколько монографий, раскрывающих, в частности, закулисную сторону деятельности масонов накануне первой мировой войны, а также помощь, которую они оказывали гитлеровцам в ходе второй.

В 1982 году в Польше издана обстоятельная книга Л. Хасса «Масонство в Европе (XVIII и XIX веков)». Вслед за этим другой польский автор Л. Хайн опубликовал фундаментальный труд «Польское масонство, 1920—1938» (1984 г.). В 80-е годы в Венгерской Народной Республике также печатаются солидные исследования на ту же тему. С работами о масонстве в восточноевропейских странах выступают и многие западные историки. Французский ученый Бернар Мишель сделал, например, доклад «О связях правящих кругов буржуазной Чехословакии с масонством» на заседании Общества по новой истории. Он затронул также тему распространения масонского влияния в Центральной Европе в целом, особенно на территории бывшей Австро-Венгрии.

Если говорить о последних публикациях, то внимание привлекает изданная в 1986 году в Нью-Йорке («Руссика») книга Н. Берберовой «Люди и ложи. Русские масоны XX столетия». Она содержит не только свидетельские зарисовки и личные соображения автора, но и обширные документальные сведения по истории масонского движения в России в начале века. Н. Берберова работала в

парижском архиве русского масонства, в хранилищах Центра Вудро Вильсона в Вашингтоне, в Техасском университете, архиве Герберта Гувера.

Особенно интересны извлечения из переписки А. Керенского, Е. Кусковой и других деятелей из так называемого «Верховного Совета народов России», центральной российской организации масонства. Здесь приведены фотокопии обязательств русских масонов перед Великим Востоком Франции (Керенский, Терещенко, Коновалов и другие ведущие деятели Временного правительства были связаны с Великим Востоком клятвой ни в коем случае не выводить Россию из войны с Германией).

После Февральской революции для масонов характерна концентрация на высшем уровне. Так, абсолютное большинство членов кабинетов Керенского — участники масонского движения, точнее, их штаба — упомянутого «Верховного Совета». (В первом составе правительства единственным министром не масоном был П. Милюков.) Данные, приведенные Н. Берберовой, содержат, в частности, ответы на вопрос о месте и влиянии масонства в России в канун первой мировой войны и Февральской революции.

Первые исследования на эту тему, правда с большим запозданием, появляются и в нашей стране, например, выпущенная в 1987 году книга Е. Б. Черняка «Тайные общества старого и нового времени на Западе». Нетрудно, однако, заметить и то, что в отсутствие достаточного (и достоверного) исторического материала по вопросу «кто они — масоны?» споры, затрагивающие эту тему, нередко принимают скорее эмоциональный, нежели доказательный характер.

В то же время, в период, когда мы ликвидируем «белые пятна» по целому ряду исторических событий и проблем, есть, видимо, необходимость серьезно разобратся и в существе движения «каменщиков империализма», их интригах и маневрах, их раскольнической деятельности.

У НАШИХ ДРУЗЕЙ

ГЖЕГОЖ РЫДЛЕВСКИ

Основные проблемы вероисповедной политики в ПНР

Вероисповедная политика народной Польши, как и вся политическая деятельность государства после 1944 года, основывается на общем для всех социалистических государств идейно-теоретическом фундаменте — марксистско-ленинском учении, а также на принципах свободы совести и вероисповедания, отделения церкви от государства, принципах равноправия всех религиозных объединений, приоритета политического единства граждан над различиями в их мировоззрении. В народной Польше осуществлены:

— равенство всех граждан независимо от их вероисповедания или мировоззрения во всех областях государственной, политической, экономической, общественной и культурной жизни;

— свобода исповедания граждан выбранной ими религии или неисповедания религии вообще;

— право свободного выбора гражданами принадлежности к той или иной церкви или мировоззренчески активной организации, как и к мировоззренчески оппозиционной по отношению к религии;

— право проведения гражданами религиозных практик как индивидуальных, так и групповых;

— светский характер государства и государственного образования, которые обеспечивают превращение религии в личное дело граждан;

— отказ государства от административных методов в области формирования мировоззренческих позиций.

Говоря о польской вероисповедной политике, следует иметь в виду, что более 80% населения страны крещены в римско-католической церкви. Более того, следует помнить, что в основном под влиянием конкретных исторических факторов в сознании значительной части поляков сложилось убеждение в тождестве интересов польской нации и католицизма. Это — результат более чем тысячелетней деятельности католической церкви на польской земле. Своими корнями такое убеждение уходит в те исторические периоды, когда не существовало суверенного польского государства, и церковь выступала в качестве одной из главных сил, способствующих сохранению культурного и психологического единства польской нации.

Перед польским коммунистическим движением с первых его шагов возник фундаментальный вопрос: как строить социализм, идеологическим основанием которого является диалектический и исторический материализм, в обществе, подавляющее большинство которого составляют католики. Однозначный ответ на этот вопрос был дан Польской рабочей партией (ПРП) во время гитлеровской оккупации. В своей программе партия подчеркнула, что, объединяя классовую борьбу с общенародным интересом, нужно решительно возражать против всяческих попыток противопоставлять верующих граждан неверующим. ПРП выдвинула лозунг сотрудничества людей, стоящих на разных мировоззренческих позициях в деле социалистического строительства при условии полного уважения к религиозным чувствам граждан и внедрения в жизнь принципа свободы совести и вероисповедания.

Эти важнейшие положения нашли полное подтверждение в Июльском манифесте 1944 года и стали основой

для формирования принципов вероисповедной политики народного государства. Со времени объединения польского рабочего движения в 1948 году и образования Польской объединенной рабочей партии в программные партийные документы навсегда вошли ленинские принципы отношения государства к церкви. С 1952 года они гарантируются Конституцией ПНР и охраняются определенными законодательными и другими правовыми актами. Они были подтверждены в постановлениях X съезда ПОРП, выступлениях членов руководства партии и государства и реализуются в повседневной деятельности органов власти и администрации.

Уже много лет вероисповедная политика в Польше направлена на достижение следующих трех основных целей:

— обеспечение полного соблюдения государственными органами, церквями и религиозными организациями, всеми гражданами и общественными организациями конституционных принципов, касающихся вероисповедных вопросов, а также юридических правил, вытекающих из этих принципов;

— последовательное исключение из сферы активности римско-католической церкви и отдельных священнослужителей нерелигиозной деятельности, имеющей политический характер, противоречащей конституционному строю Польской Народной Республики и интересам польского государства;

— укрепление и конструктивное развитие процессов нормализации отношений между государством и религиозными организациями.

Нормальные отношения между государством и римско-католической церковью и другими церквями и религиозными объединениями предполагают:

— полемику и споры по теоретико-философским и идеологическим вопросам;

— взаимопонимание в политических вопросах;

— взаимодействие для достижения целей внутренней и внешней политики народного государства.

Взаимодействие всех граждан и их объединений, независимо от мировоззренческих различий, является важным элементом политической культуры польского общества. Совместная деятельность верующих и неверующих граждан для общего блага, которое связано с суверенностью, безопасностью, общественно-экономическим и научно-культурным развитием государства и народа, является в народной Польше повседневной практикой, начиная с первых послевоенных лет. Она реализуется и на рабочих местах, и в общественно-политической жизни, в том числе в Сейме, народных советах и Патриотическом движении национального возрождения.

Взаимоотношения между государством, римско-католической церковью и другими религиозными организациями складываются по-разному.

Кроме римско-католической церкви в Польше на основе соответствующих положений, административных решений и законодательных установок в настоящее время действует более сорока церквей и религиозных организаций. Значительная часть их была узаконена только после второй мировой войны в результате социалистических преобразований.

Большинство их насчитывает от нескольких тысяч до нескольких десятков тысяч верующих. Однако имеются и такие, которые объединяют лишь несколько десятков человек. Деятельность этих религиозных организаций подтверждает на практике, что государство не ставит объем принадлежащей гражданам свободы вероисповедания в зависимость от количественного состава той или иной религиозной группы, что при численном преимуществе католиков польское общество в мировоззренческом и религиозном отношении является плюралистическим, то есть наряду с неверующими оно включает в

себя представителей всех основных религий современного мира.

Среди не католических церквей и религиозных организаций наиболее многочисленны христианские вероисповедания, которых в настоящее время в ПНР насчитывается 31. Важную роль в их деятельности играет Польский экуменический совет, созданный в 1945 году. Сейчас в его состав входят: польская автокефальная православная церковь, евангелическо-аугсбургская церковь, евангелическо-реформатская церковь, методистская церковь, польско-католическая церковь, старокатолическая церковь мариавитов, польская церковь христиан-баптистов и объединенная евангелическая церковь.

Совет, главной целью которого является сближение всех христиан, осуществляет также общественную, культурную, патриотическую, миротворческую деятельность, а также работу, направленную на укрепление международного сотрудничества. Деятельность Польского экуменического совета является примером того, как при условии терпимости можно сотрудничать в общих делах невзирая на существование доктринальных разногласий. Тесную связь с Польским экуменическим советом поддерживает Христианская теологическая академия в Варшаве. Это государственное учебное заведение, которое готовит духовных лиц для нужд не католических христианских церквей в Польше. В 1986/87 учебном году в ней обучалось на стационарном отделении 158 человек, из них 105 — на евангелическом отделении, 18 — на старокатолическом и 35 — на православном.

Наибольшим по количеству верующих не католическим религиозным объединением является польская автокефальная православная церковь (более 850 тыс. приверженцев).

В Польше, как уже было сказано, действует несколько протестантских церквей: лютеранская, кальвинистская, баптистская, методистская, адвентистская, свидетелей Иеговы.

Наибольшей по количеству верующих в этой группе является евангелическо-аугсбургская церковь, представляющая лютеранство. Ее появление на польских землях относится к Реформации. Кальвинизм представлен евангелическо-реформатской церковью, история которой уходит в XVI век. В общей сложности в Польше существует более двадцати различных протестантских религиозных объединений. В стране действуют также католические церкви, которые в свое время в силу тех или иных причин отделились от римско-католической. Наибольшая среди них, насчитывающая в настоящее время около 50 тыс. верующих,—польско-католическая церковь, сформировавшаяся в конце XIX века в США в среде польских эмигрантов, отказавшихся признавать зависимость от папы римского в знак протеста против дискриминации их немецкими и ирландскими ксендзами. Действует в ПНР старокатолическая церковь мариавитов, которая также сформировалась в конце XIX века, и образовавшаяся в период между двумя мировыми войнами католическая церковь мариавитов.

В Польше имеются также и нехристианские религиозные объединения. Приверженцы иудаизма образуют религиозные объединения иудаистского вероисповедания. Действует религиозное объединение мусульман, представленных в Польше главным образом потомками татар, пришедших на польские земли в конце XVI века. В последние годы появились и в правовом отношении оформились религиозные объединения буддистов и индуистов. В настоящее время в стране действуют четыре буддистских объединения, последнее из которых было зарегистрировано в январе 1987 года. Функционируют также два религиозных общества, объединяющие верующих отдельных направлений иудаизма.

Отношения между государством и неримско-католическими церквями и религиозными объединениями складываются нормально. Руководство и верующие мно-

гократно подчеркивали, что благодаря переменам, которые произошли после второй мировой войны, были созданы условия для законной деятельности этих религиозных обществ. У приверженцев данных религиозных направлений сейчас нет нужды выбирать между лояльностью к государству и верностью своей религии. Сохраняя полную самостоятельность, неримско-католические религиозные объединения взаимодействуют с государством, когда речь идет о решении проблем польского общества. В частности, они занимают весьма деятельную позицию в борьбе с проявлениями социальной патологии и в воспитании верующих в духе добро-совестного отношения к труду. Единственным неримско-католическим вероисповеданием, деятельность которого не урегулирована законом, является организация свидетелей Иеговы. Она объединяет более 50 тыс. верующих. Предпринимавшиеся государством попытки легализовать положение общества свидетелей Иеговы в народной Польше не принесли желаемого результата. Однако государственные власти, исходя из принципа свободы совести и вероисповедания, и при такой ситуации создают на практике необходимые условия для реализации приверженцами этой организации их потребностей (например, им разрешается проводить массовые религиозные собрания и издавать религиозную литературу). Можно ожидать, что контакты между государственными властями и руководством организации свидетелей Иеговы в Польше приведут к решению спорных вопросов и позволят легализовать данное религиозное сообщество.

Более сложной проблемой является состояние отношений между государством и римско-католической церковью. Эти отношения формировались в народной Польше под влиянием различных условий и факторов, часть которых сохраняется до сегодняшнего дня, создавая помехи и осложнения в процессе нормализации ситуации в данной области.

С большими трудностями пробивала себе путь в римско-католической церкви народной Польши реалистическая оценка новой ситуации. Долгое время в позиции польского епископата и в позиции папского престола по отношению к социализму, светскому государству и праву преобладали тенденции выжидания и соблазна действий, направленных на восстановление привилегированного, а в некоторых сферах — монополистического положения католического духовенства.

Однако с первых лет существования народной Польши внутри римско-католической церкви сталкивались два течения. Одно выражало стремление к созданию и сохранению политической конфронтации между церковью и социалистическим государством. В период борьбы за политическую власть в стране это течение давало о себе знать в призывах и заявлениях католической иерархии, из которых было явственно видно, что церковь связывает свои интересы с программой торможения социалистических преобразований, а то и отхода от них. Позднее это направление проявило себя в попытках клерикализации общественной жизни и отождествлении религиозной деятельности с политической, носящей враждебный государству, антисоциалистический характер.

Тем не менее в конечном итоге, несмотря на все трудности, изменение позиции церкви по отношению к социалистическому государству определяют сторонники второго течения. Его характеризует убежденность в приоритете общенародных интересов и поиск модели существования католической церкви и социалистического государства.

Справедливости ради нельзя не отметить, что трудности в налаживании диалога между государством и церковью в первые годы народной Польши порождались также и позицией государства. В деятельности государственных органов нередко нарушались марксистско-ленинские принципы осуществления политической власти.

Это выражалось, в частности, в использовании предпочтительно административных методов управления, в попытках ограничения религиозной свободы и в стремлении методом давления и нажима ускорить процесс секуляризации жизни общества.

Со временем в народной Польше по поводу отношений между государством и римско-католической церковью стало преобладать мнение, что напряжение и политические конфликты не являются здесь ни необходимостью, ни нормой. Огромное значение для нормализации этих отношений имело соглашение, заключенное между представителями польского правительства и польского епископата в 1950 году, а также возобновление между ними диалога в 1956 году.

Важное значение имели также изменения, происшедшие в социальной доктрине церкви во время понтификатов пап Иоанна XXIII и Павла VI.

Нормализации отношений между народной Польшей и апостольской столицей в течение многих лет препятствовало отсутствие признания Ватиканом западной и северной границ Польши, установленных после второй мировой войны. Обстановка изменилась только в 1972 году. Появились условия для возобновления официальных переговоров между правительством ПНР и Ватиканом по этим наболевшим вопросам.

В итоге всего этого отношения между государством и римско-католической церковью в Польше по принципиальным вопросам долгое время складываются положительно. Непрерывно ведется диалог на всех уровнях. С 1980 года регулярно действует совместная комиссия представителей правительства и епископата. Работают многочисленные рабочие группы этой комиссии. Постоянной практикой стали контакты Секретариата епископата с Управлением по делам вероисповеданий. Периодически проводятся беседы представителей воеводских властей с епископами отдельных епархий. По мере необ-

ходимости происходят встречи Председателя Государственного совета Польши с примасом Польши. Эти переговоры для обеих сторон являются нелегкими и не всегда приводят к устранению разногласий по конкретным вопросам. Однако они создают возможность для взаимопознания позиций, содействуют нормализации взаимоотношений и определению оптимальных путей решения проблем, которые стоят перед польским обществом.

Взаимодействие государства и церкви по подготовке визита папы Иоанна Павла II в Польшу в 1987 году продемонстрировало большие возможности, содержащиеся в государственно-церковных контактах. Итоги этого визита по очевидным причинам могут получить разную и даже противоположную оценку у польских марксистов и католиков. Это касается в особенности содержания выступлений папы Иоанна Павла II. Дело в том, что кроме вопросов, по которым точки зрения государства и главы католической церкви совпадали (необходимость борьбы за мир, за укрепление семьи, за гуманизацию отношений между людьми и общественными организациями), во время этого визита были затронуты и другие, по которым с мнением папы трудно согласиться. В выступлениях Иоанна Павла II остался незамеченным идущий в стране процесс нормализации политической и экономической обстановки, укрепление демократии и национального согласия. Однако, несмотря на это, результаты визита папы в Польшу следует оценить положительно, ибо он был ознаменован сотрудничеством органов государства и церкви.

После визита Иоанна Павла II государственные власти Польши подтвердили актуальность своего предложения о взаимодействии с католической церковью. Они указали также на прочный характер этого предложения, вытекающего из принципов вероисповедной политики государства.

Практически, следовательно, отношения между польским государством и римско-католической церковью в будущем зависят исключительно от того, будет ли эта церковь, ее иерархи и рядовое духовенство уважать государственный порядок и строй и действовать в соответствии с Конституцией ПНР, в рамках существующих законов, не нарушая суверенного характера государственной власти, прав и свобод неверующей части общества, а также верующих, не принадлежащих к римско-католической церкви. Вовлечение в политику части духовенства, еще встречающееся иногда использование церковных учреждений для осуществления антигосударственных акций, разжигание религиозного фанатизма и попытки политически разделить нацию при помощи религии — это явления, в устранении которых взаимно заинтересованы государство и церковь.

Римско-католическая церковь имеет сегодня в народной Польше гарантированные условия для выполнения своих религиозных и общественных функций. Она может беспрепятственно распространять принципы своей веры, имеет в достаточном количестве кадры и помещения для осуществления культовой деятельности, а также для обучения религии детей и молодежи. Она может без затруднений поддерживать заграничные контакты. По оценкам специалистов и мирового общественного мнения, гарантированный в Польше уровень свободы совести и вероисповедания превышает обязательства, принятые в рамках ООН.

Данная оценка полностью подтверждается цифрами. В 1987 году в римско-католической церкви в Польше было 95 епископов, которые руководили деятельностью 22 431 ксендза в 27 епархиях, поделенных на 8201 приход. В стране существует 45 мужских католических монашеских орденов, объединяющих 11 753 монаха, а также 104 женских ордена, объединяющих 22 780 монахинь. К принятию духовного сана в 48 семинариях готовились

8855 человек. Функционировало 15 340 римско-католических церквей и часовен, а строилось еще 2239. Действовало более 24 тыс. прицерковных пунктов обучения религии. Выходило 115 католических журналов общим разовым тиражом 1828 тыс. экземпляров. Религиозную литературу выпускало 35 церковных издательств.

В системе гарантий такого положения религиозных объединений основное значение имеет реализация в Польше принципа отделения церкви от государства. Ибо только светское государство может проводить единую, одинаковую для всех мировоззрений, религий и церквей, политику. Подобным же образом только светская школа может быть местом обучения и воспитания подрастающего поколения в соответствии с достижениями человеческой мысли и при уважении различных мировоззренческих позиций обучающихся. Отказываясь от методов принуждения и нажима, когда речь идет о мировоззренческих или вероисповедных позициях граждан, государство в то же время пропагандирует социалистические идеалы. В рамках своей воспитательной и культурно-просветительной функции государство активно распространяет идеи патриотизма, национального достоинства и интернационализма. Оно создает условия для проявления познавательных и нравственных преимуществ марксистского мировоззрения.

1987 год принес оживление и углубление политической и экономической реформы в Польше. Механизм и форма действия государственных властей приспособлены к общественно-экономическим условиям. Тем самым создаются благоприятные предпосылки для конструктивных действий всех граждан и их организаций.

В системе социалистической демократии в Польше все большую роль начинают играть светские объединения религиозного характера. Они образовались в разное время и прошли определенную эволюцию. Их объединяет положительное отношение к социалистическому го-

сударству, признание руководящей роли марксистской партии и одобрение политических союзов народной Польши. Деятельность общества Пакс, Христианского общественного объединения и Польского католическо-общественного союза подтверждает, что сотрудничество с марксистами в построении социализма возможно без отказа от своих религиозных убеждений.

В процессе совершенствования структуры и деятельности государственных органов и общественных институтов должна быть решена и задача нормализации правового положения римско-католической церкви, а также полного урегулирования дипломатических отношений между ПНР и Ватиканом. По данным проблемам идут переговоры. По многим пунктам они продвигаются успешно. Однако в ходе этих переговоров поднимаются вопросы, которые нуждаются в спокойном взвешивании и всестороннем обсуждении. Государство не считает возможным безоговорочно принять некоторые требования церкви, идущие вразрез с суверенным характером государства. Результатом этих переговоров должна быть разработка закона, который бы конкретизировал в соответствии с Конституцией правовое и имущественное положение католической церкви в Польше, а также установление полных дипломатических отношений между Польшей и Ватиканом на принципах, определенных в совместно принятом документе международного права.

ОНИ О СЕБЕ

«Дер Шпигель», 23 марта 1987 г.

ВАЛЕСКА ФОН РОК

«...Выше ногу, и будь славен господь!»

С подполковником морской пехоты США случилось странное, и он охотно рассказывает об этом у парикмахера даже совершенно чужим людям: его мучили боли в спине. Однажды коллега-офицер, фундаменталист, опустился перед ним на колени и молил бога, чтобы он освободил товарища от боли. Боли вскоре прекратились и более не возобновлялись.

Всевышний сделал это чудо с Оливером Нортон, тем офицером Совета национальной безопасности Белого дома, который в начале октября 1986 года передал представителям иранского правительства, вероятно, самые необычные подарки в новейшей истории дипломатии: Библию, пирог в форме ключа и несколько кольтов — символ личного американского мужества.

Библия, в которой Рональд Рейган собственноручно подчеркнул новозаветный стих из Послания к Галатам, должна была дать понять иранским аятоллам, что и американский президент является «человеком божьим», как говорил тогдашний представитель Белого дома Ларри Спикс.

Ключом из бисквитного теста дарители хотели показать, что теперь открывается новая фаза в вымученных иранско-американских отношениях.

Кольты были знаком политического инструмента преобразований через сближение: оружие за заложников.

Чтобы выдумать подобное, необходима особая политическая фантазия, а ею Оливер Норт обладает в достаточном объеме. Хотя его дары в Тегеране скорее высеивались — как особо неудачная проделка американского дьявола показать общность там, где ее не существует. Однако Оливер Норт, безусловно, рассматривал это иначе: когда он передал аятоллам Библию, некий христианский американский фундаменталист попытался настроить исламских фундаменталистов в Иране благосклонно.

Ведь Оливер Норт, рубака, «ковбой» из Совета национальной безопасности,— глубоко религиозный человек, «возрожденный христианин» и сторонник новейшего американского движения «пробуждения».

Норт родился в семье католиков. Сегодня он принадлежит к «Церкви апостолов» в Фэйрфаксе, Виргиния, члены которой, «верующие в пятидесятницу», «говорят на ином языке» (глоссолалия) и верят в божественные чудесные излечения.

В своем небольшом бюро в Совете национальной безопасности, где он плел свои мировые политические интриги, Норт не выставлял напоказ своей религиозности, хотя его политические действия совершенно отчетливо несут на себе черты того внешнеполитического мессионизма США, который пытается противодействовать падшему миру, прежде всего безбожному коммунизму, американской версией богоугодности.

Американские фундаменталисты считают, что их страна призвана к этому. На протяжении длительного времени они считались спящим великаном американской политики — те армии религиозных «ультра» в Соединенных Штатах, которые известны под общим понятием «возрожденные христиане». Между тем великан проснулся. Если традиционные протестантские церкви насчитывают в целом около 15 млн членов, то «возрожденные» выросли в гигантское большинство, насчитывающее

50 млн человек. Они ведут себя громко, фанатично и нетерпимо; Соединенные Штаты, которые повсюду в мире борются против террора исламских фундаменталистов (если они не продают им оружия), имеют «аятолл» в собственной стране.

Они хотят сделать Америку наконец государством божьим, какое отцы-пилигримы и хотели создать в Новом Свете, при этом они не останавливаются и перед закладыванием бомб: серия нападений на американские клиники абортов с 1982 года является доказательством их фанатизма.

Они осуществляют свой собственный «священный террор», как говорят американские социологи Конвей и Джо Сигельман о «крестовом походе религиозных правых против американских свобод».

В высокотехнизированной, верующей в науку и прогресс Америке эти религиозные радетели создали радикальную библейскую контркультуру. Она разворачивается как наивный сказочный мир перед высокими башенными стартовыми площадками НАСА для американских космических ракет или стеклянными горами небоскребов Манхэттена.

Общим для них является то, что они ищут своего спасения вне официальных церквей. Их религиозное рвение происходит из личных переживаний «пробуждения», они чувствуют себя спасенными Иисусом и возрожденными в нем. Они верят в дословную истину Библии, и в этом смысле всех их можно назвать фундаменталистами. Из Библии они делают вывод, что в ближайшее время, возможно в этом столетии, после времени испытаний, после Армагеддона наступит тысячелетнее царство божие.

Действительно, это звучит впечатляюще.

Еще более удивительно, что наивное верование в Библию своеобразным образом соединилось с новейшей технологией. Ведь крестовый поход «возрожден-

ных» в Америке совпал с великой революцией в области средств массовой информации и связи: с распространением видео, кабельной и компьютерной рекламы — новыми, высокотехническими возможностями информации, которыми овладела фундаменталистско-религиозная пропаганда.

Неожиданные связи установили в середине 70-х годов институты американских новых правых, которые были усовершенствованы первопроходцами и спутниками Рональда Рейгана, такими людьми, как Пол Вейрих, один из основателей правой мыслительной фабрики «Хэридж фаундейшн», или Ричард Вигери, создатель системы электронной рекламы по почте в США.

С помощью компьютеров «Моральное большинство» телевизионного проповедника Джерри Фолвелла смогло вырасти до движения миллионов, возникли целые эскадры праворелигиозных союзов по интересам, из незначительных телестудий провинциальных проповедников возникли мощные видеоцеркви, собирающие в настоящее время более чем 60 млн американцев.

В любое время дня и ночи по коммерческому или кабельному телевидению почти повсюду гремят с телеэкранов в сопровождении сладкоголосого пения телепроповедники Америки.

Наиболее видного из них зовут Пэт Робертсон, он настолько уверен в своей христианской миссии, что теперь со всей серьезностью выдвигает свою кандидатуру от республиканской партии на президентские выборы 1988 года.

И телестанция Робертсона «Крисчен бродкастинг нетвори» (Си-би-эн) работает с использованием всех тонкостей электронной техники. Если, например, миссис Аделаида Смит из Каламазу, Мичиган, набирает номер телевизионного проповедника, то вскоре у нее в доме появляется почта от него.

Робертсон заботливо спрашивает об ангине, на ко-

торую она жаловалась. Он, как она того хотела, молился о возвращении неверного супруга — помогло ли это? Письмо звучит настолько по-пастырски лично, как если бы пастор сам в свободный час сел за свою пишущую машинку, чтобы ответить миссис Смит.

Конечно, письмо пастыря было составлено компьютером. Он выбирает готовые отрывки стихов об утешении и поддержке, печатает их и снабжает в конечном итоге подлинной подписью Пэта Робертсона.

Необходимую информацию компьютер получает из желтого формуляра, на который занесены беды миссис Аделаиды Смит и ее адрес. Достоверным по крайней мере является тот факт, что Робертсон молился над формуляром, поскольку он один из тысяч, находящихся в блоке. Точно 30 минут формуляры покоились на скромном белом алтаре в круглой часовне гигантской станции Си-би-эн.

В цоколе алтаря на микропленке записаны имена людей вместе с их семью наиболее важными пожеланиями сердца. Это были те, кто не жалел доллары для Си-би-эн.

Итак, неудивительно, что Пэт Робертсон в своих передачах часто молится за выброшенного Норта. «Жертвенный агнец» — так он его назвал и тем самым приблизил к Иисусу.

Как говорят, Норт получил более 10 тыс. писем от американских товарищей по вере, выразивших свою поддержку.

Такие кампании можно легко организовать с помощью повседневно растущего компьютерного списка адресатов мощной телецеркви Робертсона. Именно так она поддерживала походы против абортов, таким образом Робертсон организует и свою предвыборную кампанию.

Сомнительные лжецы? Невежественные фантасты? То, что они говорят и делают, производит именно такое впечатление. Однако «возрожденные христиане» Амери-

ки ориентированы на американскую традицию, без нее и сегодня нельзя понять американскую политику. В середине марта 1987 года историк Артур Шлезингер предупредил о «мессианской внешней политике» США, направленной на «спасение падшего мира».

Именно об этом мечтали отцы-пилигримы, английские пуритане, которые в начале XVII в. отправились в Новый Свет, чтобы создать кальвинистское государство божье.

Они считали себя последователями библейского народа Израиля: бог заключил с ними «новый завет» и поручил им создать в пустыне «город на холме» — новый Иерусалим, основание которого символизирует предсказанный в Библии конец света. Пуританские поселения на восточном побережье Северной Америки были своеобразным экспериментом прикладного богословия. Пуритане ограничивали членство в своей церкви и пользование гражданскими правами избранными богом, которых можно узнать, по кальвинистскому убеждению, по их светским успехам.

В быстро растущих колониях, где совершенно неблагочестивые заметно быстро богатели, этот элитарный принцип не мог существовать долгое время — необходима была демократизация. Ее начали осуществлять крупные религиозные движения «пробуждения».

В первом «великом пробуждении» (1730—1760 гг.) странствующие проповедники несли свое радостное послание в самые отдаленные поселения пионеров на тогдашней западной границе Америки. Оно гласило: каждый может принадлежать к избранным.

Спасение достигается личными усилиями, оно не должно освящаться церковным авторитетом. Эмоции вскипали на этих первых собраниях «пробуждения» под открытым небом: раздавались стоны, крики и плач, участники целыми рядами падали в обморок. Однако религиозная мобилизация масс демократизировала и кальвинистско-элитарное учение о спасении.

Несомненно, «великое пробуждение» ускорило демократизацию Америки, создав религию простого человека, пишет историк Ричард Хофстадтер, но оно показывает и издержки такой демократизации.

Протест пуритан против церковной учености принес, по Хофстадтеру, «американскому антиинтеллектуализму» его первый «воинствующий успех». Тем самым была основана традиция, которая прямоком ведет к воинствующему иррационализму сегодняшних фундаменталистов, а также к экстравагантным выпадам Оливера Норта.

Этот антиинтеллектуализм проходит красной нитью через американскую историю: в движениях, которые жили и живут предубеждениями и ненавистью против чужаков, черных или инакомыслящих. Ку-клукс-клан, антикоммунистический произвол маккартизма и «Общество Джона Берча» объединяет, как заметил Хофстадтер в одной своей известной работе, «параноидный стиль в американской политике».

Как форму антиинтеллектуального протеста нужно понимать и протестантский фундаментализм, который расцвел в Америке в конце XIX века. Он выступал против научного рассмотрения Библии, отрицал учение эволюции Дарвина и любое сколько-нибудь научное объяснение происхождения мира.

В этом антимодернистском духе между 1910 и 1915 годами вышло 12 брошюр, давших имя целому движению. Они назывались «Фундаментализм: завещанные истины». В качестве непререкаемой догмы объявлялось, что Библия дословно является словом божьим, неизменным.

Поэтому в 1925 году фундаменталисты из Теннесси предали суду молодого учителя по имени Джон Скопс, поскольку он преподавал эволюционное учение Дарвина и тем самым «нарушил закон их штата». Скопс был приговорен к 100 долларам штрафа, однако Верховный суд Теннесси позже снял приговор. Своей антинаучной аргументацией фундаменталисты сделали тогда себя посмешищем просвещенной Америки.

На пару десятилетий «возрожденные христиане Америки» канули в безвестность. Они держались далеко от политики, которая считалась «греховным отвлечением» перед тысячелетним царствием.

Однако общественные брожения 60-х и 70-х годов — война во Вьетнаме, движение за гражданские права, хиппи, наркотики — вновь всколыхнули фундаменталистов. Верховный суд подхлестнул их решением, которое они поняли как объявление войны против их высших ценностей: в 1963 году были запрещены молитвы школьников в муниципальных школах и в 1973 году были разрешены аборты.

Фундаменталисты мобилизовались против этих решений Верховного суда. Своими голосами евангелисты в 1976 году помогли одному из «возрожденных» — бывшему губернатору Джорджии и баптистскому учителю воскресной школы Джимми Картеру стать президентом. А когда он перестал, по их мнению, соответствовать библейским меркам, они не переизбрали его на новый срок президентом.

Их поддержка и позже приводила в движение определенные силы в американской политике. Впечатляющая победа Рональда Рейгана в 1980 году, а также его новое избрание стали итогом электронно-вооруженных кампаний Фолвелла и его «Морального большинства» и других группировок религиозных правых.

Когда в 1982 году была не принята «поправка о правах», которая должна была закрепить в конституции равноправие женщин, то это в основном было делом праворелигиозных групп под руководством антифеминистки Филлис Шлафи.

Фундаменталистская агитация во время выборов в американский конгресс лишила мандатов представителей либеральной внутренней и внешней политики в палате представителей и сенате, как, например, специалиста по Африке Дика Кларка.

Между тем американские религиозные правые глубоко разочарованы политическими действиями администрации Рейгана. Они утратили веру в политические институты Америки, поскольку те не реализовали желаемых ими изменений, например запрета абортов.

Поэтому можно понять, что такого вымуштрованного в послушании, любящего отечество человека, как подполковник Оливер Норт, очевидно, мало заботила возможность нарушения законов ради своих благочестиво-патриотических целей.

Наихудшим врагом вовне является для фундаменталистов по-прежнему безбожный коммунизм. Почти все политические течения в других странах, которые не соответствуют американским целям, они подозревают в «подрывной деятельности». Даже тот факт, что их президент, кажется, готов сейчас блокироваться с Горбачевым, вызывает их недовольство.

Имя внутреннего врага — «светский гуманизм». Его пагубное воздействие «возрожденные» видят в системе преподавания в муниципальных школах, которые вместо библейского учения о творении хотят преподать своим детям рационально-научное объяснение развития в мире.

«Мирской гуманизм» фундаменталисты считают религией сатаны, и это было подтверждено ими возмутительным приговором в Мобиле, Алабама, который вынес суд. Родители-фундаменталисты обвинили школьные власти в том, что одобренные ими книги проповедуют «религию мирского гуманизма». Это же, по их мнению, противоречит американской конституции, которая отделяет церковь от государства; преподавание же религии в муниципальных школах США запрещено. Суд в Мобиле признал правоту родителей — из обращения должны были быть изъяты 52 школьных учебника.

В ходе другого процесса над школьными учебниками, состоявшегося в октябре 1986 года, федеративный судья в Теннесси признал право родителей-фундаменталистов

не пускать своих детей на уроки, где, по их мнению, преподавание велось по «вредным» книгам.

К ним, по мнению благочестивых родителей, относилась популярная американская сказка «Волшебник страны Оз», которая якобы одобряет искусство ведьм. Социальные детские книги, где женщины выступают в качестве врачей или техников, содержат «вредные послания», поскольку они в глазах верующих христиан искажают «традиционную роль женщины».

В других штатах «возрожденные христиане» очистили библиотеки от книг, которые они считали морально вредными, в том числе от «Гекльберри Финна» Марка Твена или «Моби Дика» Германа Мелвилла, таких безбожных книг, как «Ромео и Джульетта», «Дневник Анны Франк» и др., — все они сгорели на фундаменталистских кострах.

Христиане-фундаменталисты США живут в особом пространстве. Оно свободно от никотина, алкоголя и других ядов современного американского общества, в том числе и от «яда» освобождения женщин.

Там, где собираются женщины религиозных правых Америки, витает дух 50-х годов. Прически плотно закреплены лаком, толстый слой туши склеивает накладные ресницы с естественными. Конечно, новый фундаментализм появился не вчера. Как и каждая американка, эта женщина хотела бы быть стройной и бодрой. Она занимается аэробикой — под знаком креста. «Будь бодрой с Иисусом» — так называется пластинка, которую она может купить в своем христианском книжном магазине, а с благочестивого диска тогда звучит: «Раз, два, выше ногу, и будь славен господь».

Один из участников ярмарки христианских издателей в Вашингтоне предложил удивительный набор учебных материалов для преподавания в школах. Здесь есть химическая пробирка, в которой, если добавить туда воды, образуется жидкость густого красного цвета —

«кровь Христова». Во второй пробирке, когда туда наливается вода, появляется черная жидкость — символ человеческого «греха». Если же учитель наливает немного крови Христовой в черное месиво, то оно вновь становится безупречно чистым. Таким образом, даже самый глупый поймет, как происходит «спасение».

В свое свободное время семья фундаменталистов может развлекаться по-христиански безупречно. Если она хочет провести каникулы среди своих, то для этого существует библейский парк отдыха — «Хэритидж, США», который ежегодно посещают 5 млн человек. Он основан телеевангелистами Тамми и Джимом Бэккером.

«Хэритидж, США» простирается на 10 тыс. гектаров в Южной Каролине. Сначала был запланирован поистине библейский Диснейленд на 300 гектарах. Идеи поставляет «книга книг».

Гуляющий по парку посетитель сможет пережить «историю неба и ада», о чем недавно поведал Бэккер в ежедневной газете «Ю эс Эй тудэй», говоря о своем любимом проекте. «Небо» — это будет место, где вода светится, как золото. Будет «небесный престол» и хор «небесных армий» в квадрофонической передаче. А дальше вдоль «реки жизни» попадаешь к «озеру огня». Оттуда будут выглядывать головы, глаза которых вытекают из глазниц, все будет красным и огненным.

С дьявольским смехом между кулисами мелькает сатана с острой бородкой. Он разбрасывает вокруг себя горящие шары, распространяющие противно пахнущие облака тумана. Через 20 минут после того, как погасли огни в театре, входит Мефистофель, теперь в джинсах и бейсбольной кепке, появляясь из ворот воспроизведенного Иерусалима. Его зовут Ральф Мак-Леод, он «возрожденный христианин», и именно поэтому ему так трудно даются адские действия, которые он из вечера в вечер развертывает перед тысячами зрителей.

И у Оливера Норта, пожалуй, есть постоянные трудности в понимании драмы «ирангейта», ведущую роль в которой он, вероятно, помимо своего желания играет.

Репортеры ежедневно получают от Норта ссылку на духовную поддержку, которую ему дает Библия.

Его покинули многие друзья и коллеги, сказал он, например, вскоре после его позорного увольнения. Утешение находит он все же в псалме 7, стихе 1.

Репортер, не столь сильный в Библии, как фундаменталист Оливер Норт, вынужден был посмотреть это место и нашел там следующие слова: «Господи, боже мой! На тебя я уповаю; помоги мне избавиться от всех гонителей моих и спаси меня».

«Кёльнише рундшау», 3 июня 1987 г.

ГАНС ВЮЛЛЕНВЕБЕР

«Это мнение не соответствует вероучению»

Разрешит ли церковь преподавать богословие Уте Ранке-Хайнеманн!

«Сегодня я спрашиваю себя, почему тридцать лет тому назад я решила стать католичкой?» — признается Ута Ранке-Хайнеманн, первая и единственная женщина-католичка в Германии, ставшая профессором богословия. Сейчас ей угрожает отказ в церковном разрешении на преподавание ее предмета. В свое время переход Уты Хайнеманн в католицизм был отчасти связан с демонстративным бунтом против отеческой фигуры¹ Густава Хай-

¹ Психоаналитический термин. Отецская фигура (в общем смысле это не обязательно образ природного отца) является воплощением репрессивного «сверх-я» в сознании человека, провоцирующего бунт

неманна, стойкого и убежденного протестанта, который тогда занимал пост президента республики.

В настоящее время профессиональная судьба профессора Уты Ранке-Хайнеманн, специализирующейся в области новозаветного богословия, внушает серьезные опасения. За две недели до приезда в ФРГ папы Иоанна Павла II, ревностного почитателя девы Марии, Ута Хайнеманн, выступая по телевидению, заявила, что она не согласна «с пониманием непорочного зачатия в биологическом смысле». «В это я не могу верить!» — заявляет специалистка в области библейского богословия. Теперь, в наказание за вольнодумство, ей грозит потеря «*Nihil obstat*»¹ и, соответственно, права преподавать церковные дисциплины в Эссенском университете.

Епископ рурский Франц Хенгсбах, который почитает деву Марию не менее ревностно, чем нынешний преемник св. Петра в Риме, предложил своему vicarius Иоганну Штютингу пригласить профессора Ранке-Хайнеманн посетить епископскую резиденцию во вторник после троицына дня. «Высказываемые ею мнения не соответствуют обязательному вероучению церкви» — такова была епископская резолюция. Говоря иными словами, верховная инстанция обвиняет Уту Хайнеманн в ереси, и поэтому она должна отречься от своих высказываний. Обвиняемая, однако, категорически отказывается признать себя виновной.

Профессор богословия Ганс Кюнг, который сам долго до этого вышел на тропу войны с Римом, грудью встал на защиту своей коллеги из Эссена. Он обратился

подсознательного начала, который, при определенных обстоятельствах, может получить развитие по невротическому или психотическому типу, в зависимости от индивидуальных особенностей патогенеза, к которому склонна данная личность.— Прим. пер.

¹ *Nihil obstat* (лат.) — формула, с помощью которой руководство католической церкви изъявляет свое согласие на какого-либо рода деятельность, публикацию книги и т. д. Буквальное значение: «Ничто не препятствует».— Прим. пер.

с открытым письмом к премьер-министру федеральной земли Северный Рейн-Вестфалия Иоганнесу Рау. Но увенчается ли успехом его заступничество? Многие наблюдатели сомневаются в этом.

Разъяснение

«Разъяснение» Ганса Кюнга едва ли будет способствовать мирному исходу. Сейчас никто уже не сомневается в том, что епископ эссенский твердо решил отстранить от преподавания непокорную теологиню.

Едва ли следует ждать и того, что премьер-министр Иоганн Рау рискнет взяться руками за раскаленное железо. В его обязанности как премьер-министра входит прежде всего соблюдение условий конкордата, который всего несколько лет тому назад был возобновлен между Святейшим престолом и федеральной землей Северный Рейн-Вестфалия. Одним из условий конкордата является, в частности, признание за церковью исключительного права решать, кто ей подходит в качестве преподавателя церковных предметов, а кто нет. Потеря «*Nihil obstat*» приговаривает теологиню к сидению сложа руки и к тому, что она отныне будет получать свое жалованье государственной служащей за «просто так».

Профессор Ганс Кюнг не забыл упомянуть финансовой стороны вопроса. Он напоминает премьер-министру об обстоятельствах, связанных с церковным отстранением от преподавания ряда других богословов: «В прошлые годы федеральная земля Северный Рейн-Вестфалия в ряде случаев вынуждена была, в качестве эрзац-решения проблемы, мириться с высокими финансовыми потерями. Но в настоящее время, в случае с госпожой Ранке-Хайнеманн, необходимо занять решительную позицию».

Государство не должно больше оставаться «пассивным наблюдателем внутрицерковной охоты за ведьмами».

Взгляд эссенской теологини на непорочное зачатие, утверждает профессор Кюнг, разделяют многие ведущие католические ученые. «Законная множественность во мнениях» должна быть свойственна также католическому богословию. «Я хотел бы надеяться,— обращается к Иоганнесу Рау профессор Кюнг,— что случай с госпожой Ранке-Хайнеманн пробудит к действию всех ответственных политиков. Их долг — не допустить, чтобы богословы один за другим становились жертвами церковных репрессий».

Дочь покойного президента Хайнеманна пошла на весь этот шум и крики совершенно сознательно. «Я глубоко убеждена, что мне не от чего отречься»,— говорит она. «К отречению меня мог бы, пожалуй, принудить только костер, сложенный на Бургплац» — центральной площади Эссена.

В прямой телепередаче, проводившейся из города Кевлар¹, места паломничества в честь девы Марии, профессор Ранке-Хайнеманн заявила, что догмат о непорочном зачатии — это «представленческая модель, появление которой обусловлено чисто историческими причинами». Учение о «чудесной непорочности» Марии несет на себе «отпечаток враждебности к половой стороне жизни и холостяцкого невроза». При таком подходе образ Марии «растворяется в той отдаленности, что отделяет миф от реальности, и не может быть принят в качестве объекта веры со стороны современной женщины».

¹ Кев(е)лар — город на границе с Нидерландами, в 80 километрах к северо-западу от Эссена. Здесь с 1642 г. находится чудотворное изображение св. Девы, привлекающее сотни тысяч паломников. Кевлару посвящена известная баллада Генриха Гейне, в которой не чувствуется обычного для поэта иронического отношения к религиозным вопросам.— Прим. пер.

Слова, начиненные динамитом

Приведенные выше высказывания являются, по сути, только отправным пунктом в цепи утверждений, действие которых подобно динамиту. Ута Ранке-Хайнеманн, жена и мать, заявляет, что учение о непорочном зачатии было создано мужчинами, что оно «унижает» обычное материнство и что в нем проявляется презрительное и оскорбительное отношение к супружеству, при котором исполнение прямой цели супружества рассматривается как «низкое и нечистое» занятие. «Если церковь отнимет у меня право на преподавание,— говорит Ута Хайнеманн,— то этой мерой, позаимствованной из параферналий «охоты за ведьмами», она отбросит себя на много столетий вспять — в средневековье!»

Отцом Иисуса по плоти эссенская теологиня считает Иосифа. У Христа, говорит она, были родные сестры, которых отцы церкви переделали сначала в сводных, а затем — в двоюродных сестер.

«Камбио-16», 1987 г.

ПЕДРО ПАРАМО

Секты вызывают тревогу в Испании

...Обычно сектой считают любую группу, объединенную доктриной и возглавляемую или обожествленным лидером, или же избранным за свою божественность. Его словам и приказаниям нужно следовать без возражений. Он требует от членов секты, чтобы те ставили свою принадлежность к секте превыше остальных социальных взаимоотношений; он подавляет индивидуальную свободу, отвергая общество вплоть до того, что считает всех,

кто не принадлежит секте, врагами и угрожает расправой отступникам.

Товар, предлагаемый «индустрией духа», или, как ее еще называют, «супермаркетом духовной пищи», выросшимся начиная с 60-х годов с быстротой транснациональной корпорации кафе и закусочных, весьма ограничен. Все обещают в основном одно и то же: для общества — мир, любовь, справедливость, для отдельных людей — победу над болезнями, способность полностью управлять своими мыслями, духовное спокойствие и власть над другими людьми. Это — химеры такие же древние, как и само человечество. Но химеры, облаченные в шафрановые одеяния секты «Харе Кришна» или расцвеченные идеями так называемой сайентологической церкви, отчего они обретают привлекательный блеск. «Поначалу я считал себя суперменом, клянусь тебе, — рассказывает Мигель П., — я ехал в метро, и окружающие меня люди казались мне жалкими ничтожествами. Я постиг истину и ставил себя выше остальных людей».

Однако реальность оказывается совершенно иной. Мигель вошел в лоно сайентологической церкви с тех пор, как ему предложили на улице провести бесплатно тест. Дианетика, или же «современная психотерапия», учение, на которое опирается секта, претендует ни больше ни меньше как на то, чтобы называться новой психологией, «открывшей до сих пор неизвестные законы мышления». Ее создатель, американский писатель-фантаст Лафайет Рональд Хьюберд, утверждает, что он излечивает большую психику, и на этой почве он занялся бизнесом. Этот бизнес, судя по тому, что Хьюберд ворочает ежегодно во всем мире миллионами долларов, процветает. «У меня были проблемы с работой, и мне предложили пост коммерческого директора, если я пройду курс обучения в этой секте», — рассказывает Мигель. «Если я выдержал бы первый круг испытаний, меня послали бы в Копенгаген, где я занял бы какой-

нибудь пост внутри этой организации. У меня глаза на лоб полезли от таких предложений. Это было именно то, в чем я нуждался, чтобы выйти из создавшегося трудного положения».

Мигель начал проходить испытания — серию курсов — для того, чтобы стать «ясным» (чистым), заняв при этом 75 тыс. песет для выплаты взноса «за приобщение». Для прохождения «очищения» его направили в Мадрид. Чтобы он мог содержать себя, секта в обмен на его сотрудничество предложила ему ежедневное пособие в размере 3 тыс. песет, жилье и питание. «Мы работали с утра до вечера по семь дней в неделю, — рассказывает Мигель, — очень быстро секта перестала оплачивать мне жилье и питание. Знаменитые курсы состояли в том, чтобы выполнять один тест за другим, ежедневно проводить по четыре часа в сауне и глотать целую кучу витаминов, которые мне продавала за сумасшедшие деньги сама секта, причем покупать эти витамины в аптеке не разрешалось. Почти все 3 тыс. песет, которые мне ежедневно выплачивались, шли на покупку витаминов». Он сильно исхудал и, по его словам, носился все дни, «как мотоцикл». Его мать, приехавшая в Мадрид, чтобы навестить сына, потом вспоминала: «Он все время бегал туда-сюда, но говорил, что не чувствует усталости, тем не менее по ночам он беспрестанно ворочался. Тогда я начинала заговаривать с ним, и он отвечал мне сквозь сон, что очень устал».

Мигель считает, что ему повезло, поскольку он сумел выйти из сайентологической церкви. Этот «эксперимент» обошелся ему в 75 тыс. песет, которые он взял в долг, но ему удалось не потратить те 600 тыс. песет, которые другие заплатили за приобретение аппарата под названием «Э-метр», который якобы может измерять эмоции. По свидетельству экспертов, опрошенных данным журналом, этот инструмент, используемый дианетикой, не что иное, как полиметр, измеряющий сопро-

тивляемость влажной кожи прохождению электрического тока (то есть аппарат, который можно свободно приобрести в магазине всего за 4—5 тыс. песет). Полный аскетизм, благодаря которому можно достичь в дианетике совершенства,— почти 20 курсов — мог бы обойтись ему в несколько миллионов песет. Если бы его мечта исполнилась и Мигель приехал бы в Копенгаген, он вступил бы в «Си-Организейшн», одно из подразделений в секте. Сейчас бы он был связан «безоговорочно с дисциплиной, моралью и условиями, в которых живут члены этой группы», и дал бы «обещание подчиняться им в течение ближайшего миллиарда лет». Так звучит один из параграфов контракта.

Мошенничество, несоблюдение норм трудового законодательства, злоупотребление доверием, вымогательство, сокрытие доходов, контрабанда валютой — вот перечень тех обвинений, которые чаще всего предъявляются этим сектам. В то же время иногда пресса сообщает о других, более тяжелых преступлениях, в которых замешаны секты. Речь идет о принуждении к занятию проституцией, о похищениях и убийствах.

Общество имеет в своем распоряжении законы, чтобы защитить себя от преступных действий сект, но до недавнего времени правительства западного мира проявляли большую терпимость в этом отношении, дабы не стать объектом обвинений в том, что они нарушают принципы, гарантирующие свободу вероисповедания и собраний. Тем не менее в настоящее время с каждым разом все большее число стран обращают особое внимание на этот вопрос. В ФРГ в распоряжении полиции имеется список потенциально опасных сект, за которыми полиция ведет особое наблюдение.

Во Франции и Англии некоторые из этих сект были запрещены, а в мае 1984 года Европейский парламент принял документ, где прозвучало предупреждение об

опасности, которую заключают в себе эти секты, особенно для детей и молодежи.

В Испании большинство сект при попытке зарегистрироваться в списке религиозных общин были отвергнуты, но они сумели получить статус в списке ассоциаций, который ведет министерство внутренних дел Испании. Некоторые гражданские ассоциации выступают с разоблачениями, заявляя, что некоторые из этих сект получают официальную помощь, которая выражается «в освобождении от уплаты налогов и в предоставлении средств». В то же время, когда у власти в Испании стояла партия Союз демократического центра, в полиции действовала специальная группа, которая вела пристальное наблюдение за некоторыми сектами. В настоящее время «полиция занимается преступлениями, а не организациями» — такое объяснение дали представителю журнала «Камбио-16» в министерстве внутренних дел Испании.

Родители, на глазах у которых секты увлекают их детей, мало что могут сделать, если эти дети уже совершеннолетние. Им остается только переживать. Подсчитано, что только 25% членов сект удается выйти из этих организаций. Но этот процент значительно сокращается, когда речь идет о сектах, которые психологи называют френокластическими, иными словами, «сокрушителями мозгов».

«Есть секты, которые в стремлении заполучить новых членов используют такие же методы, как и специалисты по промыванию мозгов,— говорит психолог Хосе Луис Хордан Пенья, занимающийся антропологией суеверия.— Сначала они истощают организм вступающего в секту, лишая его сна, заставляя поститься, совещать религиозные танцы и т. д., чтобы впоследствии было легче добиться разрушения некоторых психических процессов. Затем они изменяют систему эмоциональных импульсов таким образом, что человек может даже начать ненави-

деть то, что раньше воспринимал как вполне разумное».

Этому в значительной степени способствует личность самого вступающего в секту, а также его эмоциональное состояние в момент вступления. Секты с большим успехом привлекают молодых людей из среднего класса, в основном интровертов, интеллигентов, чувственных, идеалистов, людей, желающих изменить тот прогнивший мир, в котором они живут. Они легко поддаются под влияние сект, когда оказываются под воздействием синдрома конфликта поколений и находятся в ссоре со своими родителями или друзьями.

«Секта предлагает им то, что они в данный момент ищут,— объясняет Хордан Пенья,— лучше устроенный мир, заботу, братство, солидарность и очень простую схему, где все имеет объяснение и обоснование. В группе можно обрести вечное блаженство или же ключ к спасению от ядерной катастрофы. Секты якобы предназначены для того, чтобы спастись, тогда как все остальные люди, находящиеся вне секты, обречены на гибель, потому что они находятся в заблуждении».

Никто не может объяснить, каким образом столько людей в секте доходит до такой степени фанатизма, чтобы массовое самоубийство стало для них приемлемым шагом. В то же время специалисты, глубоко изучающие этот феномен, обращают внимание на утреннюю молитву, которую члены «Объединенной церкви» воздают своему лидеру: «Доброе утро, отец наш (Мун). Хотим отдать ему все деньги, какие только имеем, чтобы он мог объединить весь мир». «Не пытайся думать»,— учит глава секты «Миссия божественного света» гуру Махарай Джи в своей книге «Бомба мира-72». Он утверждает: «Если бы я попросил вас, чтобы вы отрезали себе головы во славу гуру Махарай Джи, вы должны были бы отрезать их, чтобы преподнести эти головы ему все сразу».

Первой жертвой сект становится семья: жены, которые

начинают с занятий йогой, а кончают тем, что вешают портрет гуру у себя в спальне, бросают своих мужей и детей, чтобы идти искать спасения мира; муж, который продает квартиру и предлагает своей семье в качестве решения всех проблем перейти в секту, сын, который отказывается от своих родителей и ищет новые просторы за пределами родного очага. «Закон защищает секты, но не их членов»,— утверждают пострадавшие родители и супруги. «Очень нелегко начать судебный процесс против организации подобного типа,— уверяет адвокат из Бильбао Кепа Ланда, имевший в одном из случаев дело с сектой.— Нелегко, потому что члены сект, как правило, совершеннолетние и документы по переводу денежных сумм оформляются как дарственные».

Тем не менее в последнее время родственники членов сект объединяются ради того, чтобы разоблачить разрушительную деятельность этих религиозных организаций, их темные махинации и нарушения законодательства, которые те могут совершить. Так возникли Ассоциация в защиту молодежи, действующая в Барселоне, Мадриде и Бильбао, группа ИХЗИС и ассоциация «Свобода», обе в Мадриде.

Ассоциация в защиту молодежи была создана в 1976 году группой родителей, которые видели, как секта ежемесячно переманивает молодых людей из одного известного колледжа в Барселоне. В качестве первого шага ассоциация наняла специалистов из США по так называемому «депрограммированию». Иными словами, они должны были нейтрализовать влияние секты на психику склонного войти в нее молодого человека. Процесс этот не из легких, потому что необходимо преодолеть сопротивление самого пациента.

Мария Роса Боладерес, ныне одна из активных деятель ассоциации, вспоминает, с каким трудом удалось вызволить из секты «Харе Кришна» ее девятнадцатилетнего сына, находившегося там в течение двух лет. «Мы

под благовидным предлогом забрали его из секты и во время поездки домой нарочно стукнули автомобиль, чтобы провести ночь в одной из гостиниц,— рассказывает она.— Там нас ждали специалисты, которые немедленно начали свою работу. Усиленная обработка велась весь уик-энд. В скором времени мой сын смог вернуться в свое обычное окружение и его связь с сектой «Харе Кришна» стала казаться ему кошмаром».

Сейчас ассоциация создала Центр по возвращению сектантов, их ориентации и оказанию им помощи (КРОАС), в котором работают консультант по общественным вопросам, психолог и медик. «Сам по себе курс не очень сложен,— объясняет Энрике Г., специалист по социальной помощи из КРОАС,— необходимо суметь организовать встречу с сектантом, во время которой ему демонстрируются все негативные стороны секты. Мы стараемся давать быстрые и убедительные ответы на все доводы сектанта, мы приводим ему в качестве примера свидетельства других бывших членов секты, даем ему книги, вырезки из газет, видеокассеты или показываем кинофильмы, разоблачающие махинации сект. После этого диалектического сражения, которое иногда длится несколько дней, мы чувствуем себя чрезвычайно усталыми, но, когда этот этап пройден, в большинстве случаев член секты возвращается домой и через несколько недель он восстанавливает нормальные взаимоотношения с семьей и друзьями».

Мигель П., который избавился от своей мечты стать коммерческим директором в Копенгагене и быть им «целую вечность», неожиданно для себя опять заинтересовался своей прежней работой и начал встречаться со своей девушкой. Он признался, что чувствует глубокую благодарность по отношению к молодым специалистам из Центра, которые занимались с ним почти полтора месяца. «Это замечательные люди, они мне очень помогли,— говорит он.— Сегодня я часто задаюсь вопросом, как я вообще мог дойти до такого безумия».

ОТВЕЧАЕМ НА ВОПРОСЫ ЧИТАТЕЛЕЙ

Все ли религиозные организации в США принимают сегодня участие в миротворческом движении?

Известно, что в наши дни все большее число религиозных объединений активно участвует в борьбе за мир, за разоружение. Это, можно сказать, примета времени. Однако бесспорно ли утверждение, а его настойчиво воспроизводят теологи, что религия в принципе «учит миру» и по самой природе своей «миролюбива»? Ведь в различные исторические периоды религиозная позиция в вопросах трактовки войны и мира была неоднозначной и менялась. История изобилует и кровопролитными «священными войнами», и «крестовыми походами», и теологическим оправданием завоеванных устремлений светских и духовных властителей.

Более того, идеи «священной войны» и «крестового похода» против сил мира, демократии и прогресса, против социализма широко распространяются империалистиче-

ской пропагандой на Западе и сегодня.

Летом 1986 года патриарх Русской православной церкви Пимен направил президенту США открытое письмо, в котором указывал на чрезвычайную опасность доктрин ядерного устрашения, ядерного сдерживания, превентивного ядерного удара, разъедающих «нравственные основы международных отношений». «С религиозной точки зрения,— писал патриарх,— жизнь на нашей планете может быть сохранена только при условии полного устранения ядерного оружия с лица Земли»¹. Лишь эти шаги «соответствуют воле божией». Разве иная позиция — это позиция христианина? Так ставился вопрос в послании.

Однако христиан, которые мыслят по-другому, к сожалению, в буржуазных странах встречается немало. Характерна в этом плане современ-

¹ Известия, 1986, 13 июня.

ная религиозно-политическая обстановка в США. Для обоснования «твердого» курса Соединенных Штатов в вопросах внешней и внутренней политики сплошь и рядом применяются именно богословские, «христианские» аргументы.

В последние годы заметно оживилась деятельность ряда ортодоксальных американских религиозных объединений — фундаменталистов, всплывших на волне неоконсерватизма, захлестнувшей капиталистический мир. Христианские ценности интерпретируются идеологами фундаментализма в духе прямой апологии капиталистических общественных отношений, их реализация связывается с возвращением к принципам «чистого» капитализма. Сам капитализм, с точки зрения религиозных неоконсерваторов, представляет собой не что иное, как «богоустановленный» строй, а США — «вождь христианского мира» — провозглашаются чуть ли не воплощением царства божьего на земле. Социалистические страны в такой трактовке оказываются «орудием сатаны», а борьба с «безбожным коммунизмом» относится к первоочередным задачам верующего. Для истинных христиан,

к которым, естественно, относят себя фундаменталисты, никакие компромиссы с сатаной недопустимы. На практике это касается и любых переговоров с Советским Союзом, и отношения правительства США к ранее взятым обязательствам (ОСВ и т. п.).

Примером того, как американцев «страшают» коммунизмом, атеизмом, Советским Союзом и приучают к мысли о неотвратимости и чуть не желательности военного столкновения, используя при этом теологическую риторику, может служить один из наиболее читаемых среди изданий подобного родаopus Х. Линдсея «Последняя великая планета Земля». Анализируя современную ситуацию в мире, автор всецело полагается на ветхозаветные пророчества Иезекииля. Последний, как утверждает Линдсей, безупречно разобрался в нашей международной социально-политической жизни. Во всяком случае, заявляет Линдсей, его «Гог из страны Магог» не что иное, как коммунистическая Россия, «как буря идущая против Израиля (читай: «свободного мира». — А. П.). Все предвидел, все описал Иезекииль. В список последних знамений перед «решающей битвой»,

о которой пророчествовал Иезекииль, Линдсей единым духом включает и диалог марксистов и христиан, и «экуменическую манию», и мягкотелость в политике, и даже... летающие тарелки. Все это опять-таки происки сатаны. Досталось, «по Иезекиилю», и Китаю.

То, что пророки вообще все время усиленно предостерегали Израиль об «агрессивности русских», о «русской угрозе, — центральная тема творения Линдсея. Задача «сынов Израиля» — объединиться против этой страшной опасности, мобилизовать все ресурсы в борьбе против «полчищ сатанинских». Человек вообще без войны жить не может, утверждает Линдсей, так давайте же готовиться к «обещанному», к третьей мировой войне. Грянет последняя битва, и «пошлет господь огонь на землю Магог» — разве Иезекииль не пророчествовал об этом? Россия и ее союзники будут повержены. В конце своего «бестселлера» Линдсей рассуждает о том, какие замечательные времена наступят после Армагеддона и предсказанного все тем же Иезекиилем уничтожения всех «безбожных царств».

Среди различных группировок современного американского религиозного неоконсерватизма выделяется объединение «Моральное большинство», руководимое протестантским проповедником из Виргинии Джерри Фолвеллом, которое в начале 1986 года влилось в религиозно-политическое образование «Федерация свобода». Становясь во главе новой организации, «преподобный проповедник» подтвердил свое основное кредо: «Коммунизм — наш смертельный враг, коммунизм — это бич» — и призвал всех «истинных христиан» ужесточить решительную борьбу с ним. Среди прочего «Федерация» ставит целью оказывать содействие в реализации плана СОИ, помощь никарагуанским «контрас», режимам в ЮАР и в Чили.

Другой лидер современного американского фундаментализма — Марион (Пэт) Робертсон создал в начале 80-х годов специальную организацию, задачи которой — насаждение правых христиан в государственном аппарате. Поддержка этой идеи многими руководителями фундаменталистов, по мнению прессы, свидетельствует об их общем стремлении идти вправо еще и еще дальше.

Можно поэтому представить, какую истерическую реакцию вызвало у тех же правых американских религиозных деятелей известное совместное заявление «Изберите жизнь», с которым выступило руководство влиятельного либерального Национального совета церквей Христа в США и Русской православной церкви. В нем стороны призвали к развитию мирных и добрососедских отношений народов Америки и Советского Союза. Подобное негативное восприятие миротворческих выступлений церковных кругов и священнослужителей вообще характерно для современных религиозных «ястребов».

И правые, консервативные, и либеральные, миролюбивые, пацифистски настроенные церковные силы пытаются доказать, что именно их взгляды наиболее полно выражают сущность религиозного учения, раскрывают «доктринальные истины». Например, религиозные критики «звездных войн», планов размещения оружия в космосе всецело опираются на библейские тексты для обоснования своих взглядов. «Господь запретил низводить огонь с неба на неприемлющих

его», — доказывают они, ссылаясь на Евангелие от Луки (Лк. 9: 54—56)¹. Как видим, здесь совершенно иное видение проблемы по сравнению с проповедниками типа Х. Линдсея!

Дело тут, конечно, заключается не в религии как таковой, не в «природе христианства» и т. п., а в конкретном политическом выборе верующих, духовных лиц, церковного руководства, в определенных социальных интерпретациях того или иного вероучения. Религия, ее понятия, образы, мифологическая система обладают достаточными возможностями, чтобы представлять и обслуживать зачастую несовпадающие, даже противоположные общественно-политические интересы. Есть верующие-демократы и верующие-реакционеры, верующие-социалисты и верующие, всей душой ненавидящие социализм. Поэтому важно ясно увидеть скрытые за религиозными лозунгами конкретные социальные цели, преследуемые различными общественными движениями, разоблачать попытки использования религии в качестве идеологического прикрытия реакционных устремлений.

Попов А. С.

¹ См.: Журнал Московской патриархии. 1985, № 2, с. 48.

Какую позицию занимают католическая и протестантская церкви в капиталистических странах по проблемам ядерного разоружения?

На европейской региональной карте сначала выделим пять стран НАТО, на территории которых за последние годы появились американские ракеты среднего радиуса.

ФРГ: протестантов и католиков в этой стране примерно поровну, с небольшим перевесом в сторону первых. Знаменитая пацифистская манифестация в октябре 1981 года здесь прошла по призыву евангелической церкви и была широко поддержана католиками.

Англия — почти сплошь протестантская страна. Церкви, общины и находящаяся в оппозиции лейбористская партия развернули здесь массовое движение за создание безъядерных зон, за устранение американских крылатых ракет из страны.

В Голландии вдвое больше католиков, чем протестантов. Именно здесь межцерковный совет мира и национальная католическая ассоциация «Пакс Кристи» встали во главе массовых выступлений против развертывания ракет.

Италия и Бельгия — страны почти сплошь католические. Здесь масштабы пацифистско-

го отпора были заметно скромней и церкви почти ни при чем. Кстати, сегодня лишь одна-единственная церковь в Европе не выработала единой позиции — ни да ни нет — по самой жгучей проблеме десятилетия. Это... итальянская церковь, «дворовая церковь» Ватикана.

Такова «натовская Европа». Франция лишь ее соседка: еще во времена генерала де Голля она покинула военную организацию Атлантического блока. Но вслед за правительством и французский епископат горячо поддержал планы размещения новых ракет в Европе. С чего бы такая воинственная позиция? Архиепископ Лиона, президент французской епископской конфедерации монсеньор Вильне в письме западногерманскому кардиналу Хоффнеру одобительно отозвался о пастырском послании епископов ФРГ (1983 г.), так как оно, это послание, «противопоставляет правосудие, идущее от бога, разрушительной воле людей» и провозглашает «ядерную силу устрашения, согласно выражению святого отца, морально

приемлемой на время оно...» Но от кого же конкретно идет «разрушительная воля»? Какого потенциального агрессора необходимо устрашить? И что за «выражение святого отца» имеется в виду?

Это так называемая «маленькая фраза» Иоанна Павла II, которую в июне 1982 года его посланец кардинал Казаролли огласил перед чрезвычайной сессией ООН, посвященной проблемам разоружения. Вот она полностью:

«В нынешних условиях силы ответного удара, базирующиеся на равновесии, являясь, разумеется, не самоцелью, а этапом на пути к прогрессивному разоружению, могут еще рассматриваться как морально приемлемые».

Клерикалы ухватились за эту «маленькую фразу» как за индульгенцию «першингам», пацифистски настроенное духовенство ответило вздохом досады или открытой критикой... Равновесие сил — их первый довод не служит преградой росту вооружений; не США, а СССР — второй довод — постоянно оказывается в роли догоняющего это «равновесие». Сконфуженный Ватикан собрал европейских и американских епископов на «неофициальную

встречу», но общей позиции так и не выработал. «Маленькая фраза» остается в силе...

Итак, лишь две церкви: протестантская в Европе и католическая в США — в открытую осудили гонку за военным приоритетом, признали ядерное оружие морально неприемлемым, высказались за его замораживание. И — прямо наоборот! — католическая церковь Европы вместе с протестантской церковью США остались моральными покровителями дремлющей ядерной смерти...

И вот — время разбрасывать камни. Советско-американский договор, вступивший в силу в конце 1987 года, дал возможность расчистить Европу от ракет среднего и оперативно-тактического радиуса действия. Это победа и всех тех, кто вчера смирился с мыслью о поражении. «Голландская болезнь Европы» — неприятие ракет — оказалась бурной реакцией на ядерную прививку: страх лишь загнали вглубь.

Расчищены только две дорожки из десяти, а может быть, из ста... Еще долго нам разбрасывать и разбрасывать камни, чтобы не споткнулись о них ни мы, ни те, кто придет после нас.

Сабов А. Д.

Содержание

К читателю	3
Р. Т. Рашкова. Под знаком девы Марии — к 2000 году	11
А. Д. Сабов. Религия гнева	27
ДИАЛОГ	
У. Флетчер. Советские верующие	59
С. Н. Павлов. О современном состоянии Русской православной церкви	73
В. Н. Шердаков. Где кончается религиозность и начинается атеизм?	91
И. П. Беляев. «Исламские игры» против Советского Союза	103
И. В. Медведев. В тисках религиозного обскурантизма	129
Л. П. Замойский. Три шага в мир масонов	145
У НАШИХ ДРУЗЕЙ	
Г. Рыдлевски. Основные принципы вероисповедной политики в ПНР	181
ОНИ О СЕБЕ	195
ОТВЕЧАЕМ НА ВОПРОСЫ ЧИТАТЕЛЕЙ	218

АРГУМЕНТЫ 1988

Заведующий редакцией О. А. Белов
Редактор Л. И. Волкова
Младший редактор С. О. Овчинников
Художник А. М. Горлаченко
Художественный редактор А. А. Пчелкин
Технические редакторы Т. Н. Полунина, Г. М. Короткова

ИБ № 7276

Сдано в набор 28.01.88. Подписано в печать 29.06.88. А00092. Формат 70×108¹/₃₂.
Бумага офсетная. Гарнитура «Журнально-рубленая». Печать офсетная. Усл. печ. л.
9,80. Усл. кр.-отт. 10,15. Уч.-изд. л. 10,03. Тираж 150 000 экз. Заказ № 3515.
Цена 50 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

50 коп.

Очередной выпуск ежегодника содержит материалы, рассказывающие о процессах, так или иначе затрагивающих религию, церковь, верующих. Под рубриками «Диалог» и «У наших друзей» читатель познакомится с разными точками зрения на количество и состав верующих в Советском Союзе и об отношениях церкви и государства в Польской Народной Республике. Читатель сможет найти также ответы на вопросы: Что представляет собой теология освобождения? Кто такие масоны? и другие. Под традиционной рубрикой «Они о себе» помещены материалы о связи религии и политики в буржуазных странах, о религиозном положении в «свободном мире».

Политиздат